

КОНСТАНТНЫЙ КАРКАС АФОРИЗМА КОНФУЦИЯ
 КОНФУЦИЙДИН АФОРИЗМДЕГИ КОНСТАНТТЫК КАРКАСЫ
 CONSTANT FRAME OF THE APHORISM OF CONFUCIUS

*Айылчиева Д.Т. – к.филол.н.,и.о.доцент
 Жалал-Абадский государственный университет г. Жалал-Абад*

Аннотация: В статье рассматривается одно изречение Конфуция, и их переводы на русский и кыргызский языки. Константный каркас изречений является общим для всех вариантов перевода.

Аннотация: Макалада Конфуцийдин бир афоризими талданып, алардын орус жана кыргыз тилдерине которулушу иликтенди. Афоризмдин константтык каркасы бардык варианттары үчүн жалпы болуп эсептелгендиги бакталды.

Annotation: The article describes one saying of Confucius and their translations into Russian and Kyrgyz languages. Constant frame cookies is common to all variants of translation.

Ключевые слова: константа, переменные, инвариант, вариант, проverbsиальное пространство, трансформа, паремнология, лингвопаремнология, эквивалентность.

Ачык сөздөр: константа, өзгөрүлмөлөр, инвариант, вариант, проverbsиалдык мейкиндик, трансформа, паремнология, лингвопаремнология, эквиваленттүүлүк.

Key words: constant, change, invariant, variant, proverbial space, transform, paremiology, lingual paremiology, equivalent.

Современная логика, а вслед за ней и лингвистика часто прибегают к понятию пропозиции. Обсуждая роль этого понятия в логических построениях, У. Куайн отмечал, в частности, что этот термин был отнесен к необходимой в логических операциях семантической константе, обозначая то общее, что существует между данным предложением и его переводами на другие языки или его внутриязыковыми перифразами. По его мнению, нужда в пропозиции ощущалась столь остро потому, что речь шла о некоторой ключевой категории, по отношению к которой осмыслились другие логические понятия. Поэтому синонимия и трансформации предложений обычно определяются через тождественность пропозиции [1, с. 21]. Это понятие чрезвычайно важно для определения сущности предложения и занимает центральное место в семантической системе предложения. Но оно еще более важно для характеристики переводов афористических средств с одного языка на другие. Высказанное У. Куайном положение об объединяющей и интерпретирующей роли понятия пропозиции в сравнительном изучении различных вариантов переводов текста может быть существенным для определения двуязычных трансформ пословично-поговорочных изречений, афоризмов, велеризмов и других паремий.

Объектом исследования статьи является одно изречение, приписываемое Конфуцию, и их переводы на русский и кыргызский языки. Нам неизвестно их содержание в оригинале. Поэтому мы не анализируем прототипы предложений, а реконструируем их по данным их перевода. Известно, что разночтение и разногласие возникают даже у самих историков – синологов при транслитерации и переводе древних иероглифов на современную графику. В качестве источников использованы различные труды: Алексеев В.М., Головачева Л.И., Грищенко Р.В., Кривцов В.А., Малявин В.В., Переломов Л.С., Попов П.С., Семенов И.И., Акаева Б.А., и др.

При сравнительно-сопоставительном анализе переводов изречений Конфуция на русский и кыргызский языки важным были положения переводческой концепции З.К. Караевой, разработанные в ее монографии «Перевод и семиотика» [3, 332 с.]. С этой точки зрения каждый афоризм представляет собой фрейм и является отрезком языковой картины мира, «в котором выделен минимум один признак изображения культурного, исторического, социологического, когнитивного, топологического характера» [3, с. 16].

Сравнительный анализ изречений Конфуция в переводе на русский и кыргызский языки позволили нам вывести пропозициональное их инвариантное содержание. В силу своей общности, постоянства и устойчивости инвариантное в изречениях мыслится нами как константа. Константный каркас изречений является общим для всех вариантов перевода.

При анализе переводов текст изречения мы представляем как единое целое произведение с важным для общества этическим смыслом. Порою бывает трудно передавать смысл афоризма по причине древности этического представления и инокультурности оформления смысла.

Выявление инвариантного в переводах изречений базируется на понятиях эквивалентности, трансформируемости и адекватности перевода, а также на процедурах транслитерации, транскрипции, замены, добавления, опущения, изменения контекста, оценки перевода, выявления наиболее удачного перевода и т.д.

Мы исследуем изречения с различных точек зрения. Их мы определяем как знаки, являющиеся носителями, аккумуляторами и распространителями социально значимой информации. Изречения характеризуются и с позиции текстологии как целостные конструктивно-смысловые образования с общей темой, предназначением и содержанием. Афоризмы рассматриваются нами и в планах фольклористики, теории информации, прагматики и когнитологии.

Афоризмы Конфуция переведены на кыргызский язык Б.А. Акаевой и автором настоящих строк. Для сопоставления привлекаются от пяти до десяти вариантов русских переводов изречений и два кыргызских варианта.

Таким образом, мы провели сравнительный анализ изречения: *Учитель сказал: - Учиться и своевременно претворять в жизнь – разве не в этом радость? Вот друг пришел издалека – разве это не удовольствие? Люди его не знают, но он не хмурился – это ли не благородный муж* (перевод В.М. Алексеева) [1, с. 36]. Мы сравниваем этот вариант перевода с другими двенадцатью вариантами, в том числе с двумя кыргызскими.

Возьмем первую фразу изречения на тему «учиться». Нам известны и многочисленные другие переводы в том числе с древнекитайского на современный, осуществленные китайскими, японскими, корейскими, английскими, немецкими переводчиками:

1. Учиться и время от времени повторять – это значит повторять старое; повторяя старое, можешь постичь новое, поэтому и приходит радость (Ян Шуда).

2. Учиться и временами иметь возможность повторять это – разве сердце мое не возликует от радости? (Цянь Му).

3. Постоянно воскрешать уже добытые знания – не в этом ли высшая радость человека? (Се Биньин).

4. Своевременно воскрешать добытые знания – не в этом ли высшая радость? (Тао Чжу).

5. Научившись чему-то, иметь возможность в определенное время воскрешать [в памяти] изученное, не в этом ли высшая радость? (Гоу Чэнъи, Ли Ядун).

6. Изучил, затем в соответствующее время осуществил это, разве не в этом радость? (Ян Боцзюнь).

7. Овладел определенными знаниями и смог в подходящее время претворить в жизнь: разве не в этом высшая радость? (Мао Цзышуй).

8. Учиться и время от времени повторять изученное – не в этом ли истинная радость? (Каная Осаму).

9. В процессе повторения понимание предмета углубляется, и человек достигает вершин (Каная Осаму комментирует свой вариант перевода под № 8).

10. Разве не радостно учиться и время от времени постигать изучаемое? (Пак Ильбон).

В ряде трудов содержатся переводы данной фразы на европейские языки:

11. The Master said, «Is it not pleasant to learn with a constant perseverance and application?» (Легг).

12. The Master said, «To learn and at due times to repeat what one has learnt, is that not after all a pleasure?» (Уэйли).

В английских и немецком переводах философ (автор изречения) называется то мастером, то Конфуциусом.

Эти переводы многообразны. Даже беглое сравнение переводов этой и других фраз изречения заняло бы десятки страниц текста.

В этом многообразии заключен инвариантный смысл, общий для всех вариантов: «Истинная радость приходит только тогда, когда сможешь в соответствующее время реализовать приобретенные знания».

Все это говорит о том, что **константное содержание текста постоянно присутствует в семантике изречения, облекаясь в различных вариантах перевода в различные трансформы.** Единство инвариантного смысла объединяет и идентифицирует все многообразие транслатаций оригинала.

Следовательно, изречения Конфуция многообразны и отражают основные аспекты древнекитайской этики. Многие из них звучат и сейчас по-современному, поскольку в них содержатся общечеловеческие вечные нравственные истины.

Древнекитайская афористика близка и понятна носителям кыргызского языка. Потому что наши предки на протяжении многих веков контактировали с представителями старокитайских этносов и находились под влиянием соответствующей культуры (ср. этимологию слов *алачык* «хижина», *алтын*, *күмүш* «серебро», *темир* «железо», *Теңир*, *бек* (титул), *книга*, *деньги*, *чын* «правда», *тең* «равный», *тон* «одежда, шуба», *сыр* «краска, лак», *лагман*, *манты* (где *ман* «тесто») и т.д.

Древнекитайский и современный китайский отличаются во всех отношениях, на всех уровнях языковой системы. Даже современные диалекты языка проявляют многообразие отличительных свойств. Например, русский академик В.М. Алексеев пишет, что г. Фучжоу отличается своим диалектом от северных больше, чем, например, различаются между собой русский и французский языки. Поэтому неслучайно, что анализируемые изречения представлены даже по-китайски в десятках различных вариантов и трактовок и вызывает дискуссии различного характера и уровня.

Ясно, что **при переводе изречений на языки носителей иных культур их языковое и когнитивное содержание получает новые оттенки, смысловые варианты, но общий ментально-логический каркас и константное значение сохраняются.**

Сравнивая варианты переводов, можно вычленил из них наиболее общее, инвариантное значение. Это присутствует во всех вариантах и его можно называть константой изречения.

Каждое изречение имеет фреймовую структуру и состоит из определенного числа малых фреймов - концептов. Составляющие фрейма образуют смысловой облик изречения, его понятийно-образную структуру, представляемую разными переводчиками и толкователями по-разному в пределах инвариантного содержания.

На основе сравнения и сопоставления русских и кыргызских транслатаций афоризма **можно вывести наиболее общий нейтральный, лаконичный, сравнительно точный вариант представления отраженного в нем знания.**

Список использованной литературы:

1. Алексеев В.М. Китайская литература [Текст]: избр. тр. / В.М. Алексеев. – М.: Наука, 1978. – 595 с.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы [Текст] / Н.Д.Арутюнова. - 5-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007.– 384 с.
3. Караева З.К. Перевод и семиотика [Текст] / З.К. Караева. – Бишкек: Б.и., 2006. – 332 с.
4. Конфуций. Накыл сөздөр [Текст] / Конфуций; туз. Б.А. Акаева. – Бишкек: Б-сыз, 2004. – 80 б.

КУЛЬТУРНЫЙ ШОК И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ
МАДАНИЙ ШОК ЖАНА АНЫ ЖЕҢҮҮ ЫКМАЛАРЫ
CULTURE SHOCK AND METHODS OF HIS OVERCOMING

Алимаматова Д.А.
Жалал-Абадский государственный университет
г.Жалал-Абад Кыргызская Республика

Аннотация: *Статья посвящена анализу явления культурного шока (культурной утомляемости), с которым сталкивается практически каждый человек при взаимодействии с новой культурой. Представлена характеристика основных форм культурного шока, его причин и симптомов. В заключении по указанной проблеме подведены основные итоги, касающиеся современных направлений исследований культурного шока.*

Аннотация: *Макалa жаңы маданият менен байланышта дээрлик ар бир адамга туш болгон маданий шок (маданий чарчоо) кубулушун талдоо жонундо. Маданий шок, анын себептери жана симптомдорун негизги түрлөрүнүн өзгөчөлүктөрү корсотулгон. Жыйынтыгында бул маселелер боюнча маданий шок изилдөөнүн азыркы багыттары боюнча негизги жыйынтыктары чыгарылган.*

Annotation: *The article analyzes the phenomenon of culture shock (cultural fatigue), faced by almost every person in the interaction with the new culture. The author presents the characteristics of the main forms of cultural shock, its causes and symptoms. In conclusion, in this problem, the author summarizes the main results concerning the current areas of research of culture shock.*

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, культурный шок, адаптация, интеграция, культурная дистанция, «чужая» культура.*

Ачык сөздөр: *маданий байланыш, маданий шок, көнүгүү, биригүү, маданий аралык, "келгин" маданият.*

Key words: *intercultural communication, culture shock, adaptation, integration, cultural distance, "foreign" culture.*

Термин "культурный шок" был введен американским антропологом Калверо Обергом, который исходил из идеи, что вхождение в новую культуру сопровождается неприятными чувствами - потери друзей и статуса, отверженности, удивления и дискомфорта при осознании различий между культурами, а также путаницей в ценностных ориентациях, социальной и личностной идентичности. Культурный шок, таким образом, это психофизиологическая реакция организма на попадание в инокультурную среду

В настоящее время сложилась вполне естественная ситуация, когда любой народ открыт для восприятия чужого культурного опыта и одновременно сам готов делиться с другими народами собственной культурой. Тем не менее, любое взаимодействие человека с новой, но при этом «чужой» для него культурой сопровождается своеобразным процессом вхождения в данную культуру, который для разных людей является более или менее болезненным, но всегда имеющим определенные последствия. Помимо получения новых знаний, опыта, духовного обогащения, нередко происходит непонимание, неприятие новой культуры, что может привести к различного рода проблемам и стрессам. Такое воздействие «чужой» культуры на человека является потрясением ведущим к нарушению его психического здоровья и получило название культурного шока

(культурной утомляемости). Его переживают большинство иммигрантов, оказавшихся в другой культуре, вне зависимости от причин их переезда в новую страну.

Причинами могут быть:

- Географическое перемещение, вызывающее скорбь по поводу утраченных связей.
- Фатализм, пессимизм, беспомощность и внешний локус контроля.
- Процесс естественного отбора.
- Неуместные ожидания приезжего.
- Негативные события и нарушение ежедневного распорядка в целом.
- Расхождение ценностей.
- Дефицит социальных навыков.
- Недостаток социальной поддержки.

Симптомы культурного шока весьма разнообразны: постоянное беспокойство о качестве пищи, питьевой воды, чистоте посуды, постельного белья, страх перед физическим контактом с другими людьми, раздражительность, недостаток уверенности в себе, бессонница, чувство изнеможения, злоупотребление алкоголем и наркотиками, депрессия. Ощущение потери контроля над ситуацией, собственной некомпетентности и неисполнения ожиданий могут выражаться в агрессивности и враждебности по отношению к представителям другой культуры.

Признаками могут быть:

- Привычные ориентиры поведения отсутствуют или их значение изменено.
- Ценности, которые были подлинными и важными, могут потерять этот смысл.
- Эмоциональное состояние тревоги, депрессии и даже враждебности.
- Неудовлетворенность новым образом жизни и идеализация старого.
- Привычные способы восстановления сил и душевного равновесия больше не помогают.
- Ощущение, что это состояние перманентно и никогда не пройдет.

Впервые алгоритм развития культурного шока подробно описан в 1960-е гг. К. Обергом, который считал, что люди проходят определенные стадии культурного шока и постепенно выходят на необходимый уровень адаптации. В дальнейшем многие ученые занимались вопросом выявления и описания стадий культурного шока, но наиболее известный перечень стадий принадлежит американскому исследователю Питеру Адлеру который в 1975 г. разработал U-образную кривую, имеющую название «кривая адаптация», где выделяются пять ступеней (этапов) адаптации.

Первый этап – «медовый месяц» (1-6 месяцев в новой стране): на новой территории большинству мигрантов вначале нравится практически все, они полны энтузиазма и надежд, им кажется, что поставленная цель (учеба или работа за границей) достигнута. При этом нередко к их приезду готовятся, их ждут, поэтому в первое время они получают помощь и даже могут иметь некоторые привилегии. На данной стадии идет постоянное сравнение «как у них» и «как у нас», причем не в пользу «нас». Но этот период довольно быстро проходит.

Второй этап – «притирка» (6-12 месяцев в новой стране): исчезает эффект «новизны», идет давление со стороны непривычного окружения и культуры. Иммигрант снимает свои «розовые очки», он пытается преодолеть повседневные насущные проблемы (общения, питания, передвижения на новом месте и т.п.), которые нередко дополняются непониманием коренных жителей. В результате возникает разочарование от неоправданных ожиданий, может наблюдаться даже депрессия. Человек считает себя неудачником, который не может успешно жить и работать как окружающие его люди. Таким образом, проявляются типичные симптомы культурного шока. При этом

иммигранты активно пытаются общаться со своими соотечественниками, ностальгируя по своему родному языку, пище, родным местам и т.д.

Третий этап – «реинтеграция» (1 – 1,5 года в новой стране): если на стадии «притирки» все раздражение человека было направлено на себя, то сейчас злость и негативные эмоции выплескиваются на окружающих и новую страну. Иммигранты сетуют на несправедливость и «неправильное устройство» новой жизни. В данный момент культурный шок достигает своего максимума, что может стать причиной серьезных психических болезней. Многие мигранты не выдерживают такого напряжения и возвращаются в родную страну. Но большинство стремится преодолеть культурные различия, учит язык, получает все больше информации о местной культуре, находит друзей, которые дают необходимую поддержку.

Четвертый этап – «нейтралитет»: у человека появляется оптимистический настрой, уверенность в себе и удовлетворенность своим положением в новом обществе и культуре. Оценка положительных и отрицательных моментов пребывания в родной и чужой странах становится более объективной и адекватной, видимая разница в условиях и качестве жизни воспринимается спокойно.

Пятый этап – «комфорт»: происходит полное включение в новую культуру, ее принятие, возникает взаимное соответствие ожиданий и реальности, человек одинаково комфортно чувствует себя как в «старой», так и в «новой» стране. Тем не менее, данной стадии достигают далеко не все, и процесс интеграции может длиться от нескольких месяцев до нескольких лет.

Таким образом, если рассмотренные пять этапов представить в графическом виде на основании критерия восприятия человеком новой культуры и его психического самочувствия в ней, то получается U-образная кривая развития культурного шока, в которой можно выделить следующие ступени: хорошо, хуже, плохо, лучше, хорошо. Стоит также отметить, что когда человек, успешно интегрировавшийся в чужую культуру, возвращается к себе на родину, то ему необходимо пройти процесс обратной адаптации (реадаптации) к собственной культуре. При этом он также испытывает шок, который называется «шоком возвращения». Такой шок также можно представить графически, но уже в виде модели W-образной кривой реадaptации. Она частично дублирует U-образную кривую: сначала человек радуется своему возвращению домой, встречам с родными, друзьями, но затем обращает внимание на то, что некоторые черты родной культуры кажутся ему странными и непривычными, и лишь постепенно он заново приспосабливается к жизни на родине. Перечисленные модели адаптации (U-образная кривая и W-образная кривая) нельзя назвать универсальными. Например, туристы, которые находятся в другой стране в основном на протяжении незначительного промежутка времени, не подвержены культурному шоку и не проходят процесс адаптации.

По мнению исследователей, возраст человека является базовым и критическим элементом адаптации к другой культуре.

С возрастом человек сложнее интегрируется в новую культурную систему, сильнее и длительнее испытывает культурный шок, медленнее воспринимает ценности и образцы поведения новой культуры. Так, наименее болезненно проходит адаптация детей дошкольного возраста, школьники начинают испытывать большие трудности, а если говорить о пожилых людях, то в большинстве случаев они не способны к адаптации в новом обществе.

Примеры «культурного шока»

- Жители острова Ява зубы красят в темный цвет.
- Нубистские народы откармливают девушек перед замужеством.
- Японцы в знак любви поворачиваются спиной.

-Цвет траура в Китае – белый.

-Чукчи сигают дом, в котором мать родила ребенка.

-Осетины не должны никогда видеть тещу.

-У кыргызов и казахов на похоронах устраивается большое пиршество (режется большое количество скота).

-У узбеков на похоронах первые три дня ничего не готовится из еды.

Более важным в процессе адаптации является образовательный уровень человека: чем он выше, тем успешнее проходит адаптация. Причина в том, что образование расширяет внутренний потенциал человека, усложняет его восприятие окружающей среды, а значит, делает его более терпимым к изменениям и новациям. К таким характеристикам следует отнести профессиональную компетентность, высокую самооценку, коммуникабельность, открытость для разных мнений и точек зрения, интерес к окружающей среде и людям, способность к сотрудничеству, смелость и настойчивость. Стоит учитывать, что наличие перечисленных качеств не является гарантией успеха. Если ценности чужой культуры кардинально отличаются от указанных личностных характеристик, это говорит о значительной культурной дистанции, и, соответственно, о довольно сложном процессе адаптации.

Существуют также еще некоторые способы, сокращающие и облегчающие процесс адаптации к новому окружению. К ним относятся: имеющийся опыт пребывания в инокультурной среде; наличие друзей среди местных жителей, которые помогают быстрее получить необходимую для жизни информацию; контакты с бывшими соотечественниками, также живущими в этой стране. К группе внешних факторов, влияющих на адаптацию и культурный шок, относится культурная дистанция, под которой понимается степень различий между «своей» и «чужой» культурой. Важно понимать, что на адаптацию оказывает влияние не сама культурная дистанция, а представление человека о ней, его ощущение культурной дистанции, которое в свою очередь зависит от многих факторов: наличия или отсутствия войн, или конфликтов в настоящем и в прошлом, знание чужого языка и культуры и т.п. Несмотря на неотвратимость процесса адаптации к новой культуре и подверженность любого мигранта культурному шоку можно попытаться преодолеть неприятное влияние нового окружения, или хотя бы уменьшить его «болезненность». Так, по мнению американского антрополога Филиппа Бока, существует несколько способов поведения для предотвращения культурного шока.

Первый способ можно условно назвать геттоизацией. Он реализуется в ситуациях, когда человек прибывает в другое общество, но старается или оказывается вынужден (из-за незнания языка, робости, вероисповедания или по каким-либо другим причинам) избегать всякого соприкосновения с чужой культурой. В этом случае он пытается создать собственную культурную среду, отгораживаясь, от влияния инокультурной среды. Известными примерами данного явления являются «русский» Брайтон-Бич и знаменитые китайские кварталы – Чайнатауны в США, районы проживания религиозных ортодоксов в Израиле и т.п. [8].

Второй способ – ассимиляция, по сути противоположная геттоизации. В данном случае индивид полностью отказывается от своей культуры и стремится полностью усвоить необходимый для жизни культурный багаж, что, разумеется, не всегда возможно. Это крайняя форма культурного конформизма, сознательный отказ от собственной (более «слабой» или утратившей актуальность) культурной идентичности в пользу полного приспособления к «чужой» культуре.

Третий способ – промежуточный, состоящий в культурном обмене и взаимодействии. Для того, чтобы обмен осуществлялся адекватно, то есть принося пользу и обогащая обе стороны, необходимы благожелательность и открытость с обеих сторон,

что на практике встречается достаточно редко. Тем не менее, в истории существуют примеры такого удавшегося культурного взаимодействия: немецкие философы и ученые, покинувшие Германию после прихода к власти нацистов, сумели внести весомый вклад в развитие науки и философии в англоязычных странах и даже значительно изменили интеллектуальный климат, повлияв тем самым на развитие общественной жизни.

Четвертый способ – частичная ассимиляция, когда индивид жертвует своей культурой в пользу инокультурной среды в какой-то одной из сфер жизни: например, на работе руководствуется нормами и требованиями инокультурной среды, а в семье, на досуге, в религиозной сфере – нормами своей традиционной культуры.

Такая практика преодоления культурного шока наиболее распространена. Как правило, ассимиляция оказывается частичной либо в случае, когда невозможна полная геттоизация, либо, когда по разным причинам невозможна полная ассимиляция. В заключение по указанной проблеме целесообразно подвести некоторые итоги, касающиеся современных исследований культурного шока, а также ряда его специфических черт, определяющих следующие общепринятые допущения. Во-первых, культурный шок – это не болезнь, а процесс научения, каким бы неприятным или болезненным он ни был. Во-вторых, в более широком смысле культурный шок может относиться к положению, выходящему за пределы ситуации «приезжий в другой стране». В-третьих, пока невозможно (если в принципе возможно) измерить процесс развития культурного шока или доказать гипотезы U-образной или W-образной кривой, хотя все еще сохраняется эвристическая ценность культурного шока в качестве объяснительной модели. В-четвертых, существуют способы подготовки людей к переживанию культурного шока, способствующие в ходе этого процесса облегчению страданий и неудобств.

Наконец, культурный шок – это распространенное явление, с которым в свое время сталкивается большинство людей. В результате формируется новая картина мира, основанная на принятии и понимании культурного многообразия, снимается дихотомия «мы – они», появляется устойчивость перед новыми испытаниями, терпимость к новому и необычному. Главный итог данного процесса – способность жить в постоянно меняющемся мире, где все меньшее значение имеют границы между странами и все более важными становятся непосредственные контакты между людьми.

Список использованной литературы:

1. Гришаева, Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. Воронеж: ВГУ, 2004 - 369 с
2. Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. - М. : ЮНИТИ, 2002. - 352 с.
3. Корсини, Р. Психологическая энциклопедия / Р. Корсини, А. Ауэрбах [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_psychology/ (дата обращения: 11.10.2014).
4. Леонтович, О. А. Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию / О. А. Леонтович. - Волгоград: Перемена, 2003- 399 с.
4. Персикова, Т. Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура / Т.Н.Персикова. - М.: Логос, 2002. - 224 с.
5. Питерова, А. Ю. Особенности межкультурной коммуникации/ А. Ю. Питерова, Е. А. Тетерина // Альманах современной науки и образования. - Тамбов: Грамота, 2010. № 1. Ч.2. С. 75–79.
6. Садохин, А. П. Культурология. Теория культуры / А. П. Садохин, Т. Г. Грушевицкая. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. - 365 с.

7. Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/568/word/kulturnyi-shok> (дата обращения: 15.10.2014).
8. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. - М. : Академический проект, 1999. - 320 с.
9. Adler, P.S. The transitional experience: An alternative view of culture shock / P.S. Adler // Journal of Humanistic Psychology, V общества.

ВОПРОСЫ НРАВСТВЕННОСТИ, ВОСПИТАНИЯ И КУЛЬТУРЫ
– НАСУЩНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ СЕГОДНЯШНИХ ДНЕЙ
АЗЫРКЫ КҮНДҮН ЗАРЫЛ ТАЛАБЫ БОЛГОН АДЕПТҮҮЛҮК, ТАРБИЯ ЖАНА
МАДАНИЯТ МАСЕЛЕЛЕРИ
QUESTIONS OF MORALITY, EDUCATION AND CULTURE - THE PRESENT NEED FOR
TODAY

Асанова Д.А. – к.ф.н., доцент,
Абдыкадырова С.Р. – старший преподаватель,
Исакова Д.К. – старший преподаватель,
Шадиева М.С. – и.доцент,
ОшГУ кафедра всемирной литературы ОшГУ,
г.Ош, aida1576@mail.ru

Аннотация: В статье сделан обзор причин, послуживших основанием для того, чтобы признать важность 2017 года - Года нравственности, воспитания и культуры. Дается аналитический взгляд с точки зрения роли и значения искусства слова как важнейшей части культуры кыргызского народа.

Аннотация: Макалада 2017 жылды Адеп, тарбия жана маданият жылы катары таанууга маанилүү себеп болгон нерселерди кароо жасалган. Кыргыз элинин маданиятын маанилүү бөлүгүн сөз искусствосунун ролу жана маанисине аналитикалык көрүнүш берилет.

Annotation: The article reviews the reasons that served as the basis for recognizing the importance of 2017 - the Year of Morality, Education and Culture. An analytical view is given in terms of the role and importance of the art of speech as an important part of the culture of the Kyrgyz people.

Ключевые слова: нравственность, литература, произведения слова, искусство народа, кыргызская тема, русская поэзия и проза Кыргызстана.

Ачык сөздөр: адеп, адабият, сөздөн жаралган чыгармалар, элдик искусствосу, кыргыз темасы, Кыргызстандын орус поэзиясы жана прозасы.

Key words: morality, literature, works of the word, the art of the people, the Kyrgyz theme, Russian poetry and prose of Kyrgyzstan.

В начале года пресс-служба Президента Кыргызской Республики объявила о причинах объявления года как года нравственности, воспитания и культуры: «Особые усилия должны быть направлены на детей и молодежь. Кыргызстанцы в возрасте моложе 25 лет составляют более половины населения страны. Это ключевой ресурс Кыргызской Республики, основа ее будущего благополучия. И чтобы Кыргызстан успешно развивался, граждане страны, представители молодого поколения должны иметь высокую внутреннюю культуру, быть хорошо образованными, воспитанными в духе толерантности и терпимости к иным мнениям и взглядам и, конечно же, знать историю и культуру родного народа» [1]. Попытаемся признать обоснованность этой идеи.

Поскольку ресурсом любого общества являются молодежь и дети, то бесспорно, что важнейшей задачей государства на современном этапе является формирование современной образовательной, культурной и информационной политики государства,

системы воспитания молодого поколения с опорой на собственные историю и культуру нашего древнего народа.

В целях реализации задач стратегического развития Кыргызской Республики, концентрации усилий государства и общества должна быть направлена непосредственно не на человека, а на его основы: духовность, нравственность и уровень культуры [2].

Теперь уже очевидно, что виток литературной истории XX века завершился – и настало время думать о предварительном подведении итогов этого уникального отрезка истории, в том числе истории литературной. Есть все основания считать, что эпоха формирования и развития кыргызской литературы в контексте русской литературы была совершенно неповторимой – как и социальный опыт, продуцировавший ее. Уйдя со сцены, даже при жизни отдельных ее представителей: таковы парадоксы культурной истории, эта литературная эпоха однозначно и бесспорно становится частью истории литературы – и в этом своем качестве представляет несомненный научный интерес для тщательного изучения.

Точно так же совершенно бесспорным представляется факт, что русская поэзия и проза стала значительной и неотъемлемой частью как литературной истории Кыргызстана, так и литературной истории России, в том числе и той литературы, которая именовалась и была по своей сути советской многонациональной. Именно поэтому представляется, что проблема историко-культурного аналитического изучения русской поэзии и прозы Кыргызстана значительна и представляет собой весьма актуальный объект изучения.

Актуальность подобного рода исследований объясняется еще и тем обстоятельством – и, быть может, в первую очередь именно им! – что русская и киргизская культуры (в том числе и литературы) идут уже по разным магистралям развития: доминантой сравнительной оценки становится анализ расхождения векторов. И это расхождение определяется уже далеко не только политическими факторами.

Привычка объяснять всё «центробежностью» или сиюминутными политическими причинами не способна помочь в определении литературного процесса; становится очевидным, что политические факторы утратили первенствующую роль в выработке центробежных тенденций. Эти центробежные тенденции диктуются сегодня более общими, объективными законами человеческого развития: национальная самоидентификация кыргызской культуры детерминирована новым геополитическим контекстом, государственным суверенитетом и экстракультурными условиями (религия, ареалы государственного и официального языков), и это обстоятельство определяет общую научную концепцию идеи.

Материал для изучения весьма интересен в разрезе показа идей нравственности, истории и воспитания представляет корпус произведений русских и кыргызских писателей и поэтов, список имён которых количественно не столь значителен, хотя и обозначен временными границами от начала 30-х годов, то есть литературной эпохой длиной в 70 лет. В этом отрезке каждое поколение давало по-своему значительных художников, уровень дарования которых и характер творчества формировались эпохой и в этом смысле полностью соответствовали ей. И каждый из них проявлял – или, по крайней мере, осознанно пытался проявить в себе – переводческий дар как некий социально-культурный заказ времени и литературной эпохи.

В этом плане литературовед В. И. Шаповалов отмечает следующее: «Разумеется, это прежде всего проблема общей историко-литературной экспликации... ситуации 30-50-х годов, которая, на наш взгляд, обладает чертами литературной эпохи и в качестве таковой должна рассматриваться. В связи с этим есть необходимость выявить векторы движения поэтического перевода в этой эпохе, ее историко-литературные ситуации, их содержание и их границы... Вместе с тем, - отмечает исследователь, - содержание каждой

историко-литературной ситуации тоже определяется специфическими особенностями развития. Прежде всего это соотношение принимающей и транслирующей литератур... и их корреляция в переводе (восприятие, усвоение, использование, интерпретация); характер отбора произведения для перевода и социокультурные факторы этого отбора; выдвигаемые практикой и апробируемые историко-литературной ситуацией типы и методы перевода (если говорить о первых, то это практика перевода через подстрочник-посредник; если говорить о вторых, то это взаимодействие “буквалистской” и “волонтаристской” тенденций, которые стали результатами в становлении формально-функционального метода и его попыток сохранить создаваемую им литературную традицию, отграничить ее от “вольных обработок” всякого рода). Формирование этих методов связано, разумеется, с социальной спецификой советской литературы 30-50-х годов» [2].

В нашей коллективной работе представлена попытка осветить отдельные вопросы русской и кыргызской литературы и искусства, оказывающих существенное влияние на общую культуру Кыргызстана, если рассматривать их позиций показа в них идей нравственности, воспитания и культуры, их роли и значения в деле формирования молодого поколения.

Вынесенная в название статьи проблема нравственно-воспитательных и культурных аспектов функционирования литературы и искусства в общественном пространстве Кыргызстана является весьма актуальной при условии изучения ее с позиций качественных перемен, происшедших на рубеже XX-XXI веков в жизни общества [3]. Значимость идеи состоит в том, что литература и искусство Киргизии в XX веке развивалась в лоне советской многонациональной культуры, в русле эстетики соцреализма (по сути монокультуры), а в XXI веке в пространстве СНГ каждая национальная культура обрела возможность развития по своей магистрали [4], в русле исконных национальных традиций вписываясь в общий контекст.

На волне суверенизации республик был короткий период своеобразного «нигилизма», когда проявились тенденции замалчивания и даже игнорирования факта расцвета литературы и искусства Киргизии в советский период, сменившееся осознанием того, что XX века для киргизской советской культуры был, поистине «золотым веком» (Ч. Айтматов, Т. Сыдыкбеков, А. Осмонов, А. Токомбаев, С. Эралиев, С. Жусуев, Г. Айтиев, Б. Бейшеналиева, Б. Шамшиев, Т. Океев, А. Джумакматов, Б. Бейшеналиев, Б. Кыдыкеева, С. Чокморов, А. Токомабева и др.). Ныне этот период нуждается в новом прочтении с позиций перспектив развития культуры кыргызского народа, его этнополитического положения. Доминантой оценки становится анализ специфики, известного «расхождения» векторов национальной культуры и «общесоветской парадигмы». В суверенном Кыргызстане утратили первостепенную роль бывшие политические оценки специфики творчества мастеров слова и искусства, а на первый план выходят иные критерии.

Это национальная самоидентификация кыргызской литературы и искусства, детерминируемая новым геополитическим контекстом и, соответственно, новым контекстом влияний, взаимодействий с другими культурами (прежде всего с русской, культурой народов СНГ, мировой, особенно тюркоязычной). Вескими факторами в оценке специфики развития литературы и искусства Кыргызстана становятся факторы государственного суверенитета, экстракультурные факторы (конфессиональные, языковые ареалы и т.д.). Особое значение приобретает изучение поликультурной природы творческой деятельности народа Кыргызстана. Данными параметрами обусловлена научная концепция нашего общего научного проекта.

Материал данной статьи – это обзор историко-литературного и историко-искусствоведческого процесса в Кыргызстане на рубеже XX-XXI веков, когда изучению

были подвергнуты наиболее перспективные тенденции в развитии литературы и искусства Кыргызстана, их взаимосвязей с другими национальными культурами (прежде всего России, стран СНГ, мира). Причем, особый акцент надо делать на исследовании поликультурности, проявлении национальной специфики кыргызской культуры, в частности, культуры кыргызской диаспоры и диаспор народов республики, в русле деятельности Ассамблеи народа Кыргызстана (АНК) и иных национальных и культурно-эстетических центров.

Важно выявить парадигму смены форм творческой деятельности: если деятели кыргызской советской культуры осознавали свое предназначение как условие исполнения некоего социально-культурного заказа времени, общества, то новые поколения писателей и работников искусств республики творят в нестандартных условиях полиэтнического и языкового Ренессанса.

Особое внимание нужно уделять исследованию малоизученных тенденций в развитии литературы и искусства КР в условиях нового геополитического положении страны, предполагающего сосуществование на ее территории разных языков и культур, с особым акцентом на государственный язык, что дает в стартовом отношении суверенному государству несомненное преимущество в процессе вхождения в мировое сообщество.

Необходимо изучать элементы культуры как кыргызской диаспоры, так и диаспор других народов. Объектом изучения может стать процесс освоения деятелями культуры республики концептов «свой», «чужой», с доминирующей темой единства языков, культур народов Кыргызстана, их преломления в литературе диаспор, изучение роли национальной культуры как объединяющего фактора данного единства языков и культур, где все общечеловеческие ценности остаются приоритетными и вечными.

С опорой на труды А. Н. Бернштама, С. М. Абрамзона, С. С. Даниярова, Д. Айтмамбетова, К. Артыкбаева, К. Асаналиева, С. Джигитова, А. Садыкова, С. Байгазиева, А. Эркебаева, Д. Т. Уметалиевой, Дж. Иманкулова, А. Джунушева, К. Ашимова, Дм. Брудного, Е. Озмителя, М. Рудова, Ч. Джолдошевой, И. Лайлиевой, А. Кацева, В. Сабировой и др., важно исследовать ведущие тенденции развития литературы и искусства кыргызского народа, как явления советской и постсоветской культур, особенности стадийного развития, художественного воплощения темы Кыргызстана, жизни общества в наиболее значительных образцах искусства слова, кино, театра и др., выявлять вехи единства языков и культур через призму и контекст ведущих тенденций мировой культуры; исследовать влияние общечеловеческой культуры на кыргызскую эстетическую культуру, прослеживаются перспективы развития кыргызской литературы и искусства в XXI веке, в единстве с кыргызскими диаспорами и диаспор других народов, как общего культурного контекста современного Кыргызстана [5].

Теоретическая и практическая ценность научной идеи состоит в разработке необходимого инструментария для исследования социо-культурного аспекта функционирования литературы и искусства в поликультурном пространстве Кыргызстана, его итоги могут быть ценны при исследованиях новых методик и приемов описания истории литературы и искусства Кыргызстана, в русле деятельности Национально-культурных центров АНК.

Исследование приобретает практическое значение как база для разработки сценариев крупных общественно-культурных мероприятий, учебников и дискурсивных технологий обучения литературоведческих, искусствоведческих курсов в вузах и школах республики, при чтении курсов лекций по мировой культуре, истории мировой, кыргызской литературы, проведении спецкурсов и спецсеминаров по обозначенным проблемам.

Таким образом, избранная методика исследования способствует активизации деятельности культурных центров в АНК, обновлению концепции преподавания многих дисциплин в вузах и школах КР, что предполагает как социально-экономическую, так и культурно-воспитательную и морально-эстетическую целесообразность. Авторы надеются на то, что материал такой коллективной работы найдет отклик в душах и сознании своих читателей.

Список использованной литературы:

1. <http://knews.kg/2017/01/v-kyrgyzstane-2017-j-obyavlen-godom-nravstvennosti-vospitaniya-i-kultury>[Дата просмотра: 16.04.2017].
2. Шаповалов В.И. Соло на два голоса... Киргизская поэзия в русских переводах. - Бишкек, Кыргызстан. 1998. С. 121.
3. Miskichekova Z.Ya., Omorkulov B.K., Sabirova V.K., Chotikeeva K.Sh. Translations of heritage of A.S. Pushkin in the region of Central Asia (On the example of Kyrgyzstan and Uzbekistan). В сборнике: Applied and Fundamental Studies: Proceedings of the 6rd International Academic Conference Publishing House Science and Innovation Center, Ltd.. 2014. С. 138-141.
4. Асанова Д.А., Мискичекова З.Я., Сабирова В.К., Оморкулов Б., Шадиева М.С. Мотивы лирики кыргызских поэтов в Таджикистане и Узбекистане. В сборнике: Перспективы развития науки и образования сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. 2014. С. 16-18.
5. Sabirova V.K., Asanova D.A., Muradymov N.M. The journalistic drama of ethnic kyrgyz pamiр A.Aknazarov "Ata-jurt" (Tokur bek). Наука и общество. 2013. № 3. С. 57-63.

УДК 159.942

ПОНЯТИЕ «УДИВЛЕНИЕ» В ПСИХОЛОГИИ
«ТАҢ КАЛУУ» ТҮШҮНҮГҮ ПСИХОЛОГИЯДА
THE NOTION OF «SURPRISE» IN PSYCHOLOGY

Болотакунова Г.Ж. – к.ф.н., доцент, ОшГУ
г.Ош Кыргызстан bolgul_kg@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются различные точки зрения психологов на природу и сущность чувства удивления.

Аннотация: Макалада таң калуу сезиминин табиятына жана негизине болгон психологдордун ар түрдүү көз караштары чагылдырылган.

Annotation: In the article various points of view of psychologists on the nature and essence of feeling of surprise are considered.

Ключевые слова: эмоция, чувство, настроение, аффект, удивление.

Ачык сөздөр: эмоция, сезим, маанай, аффект, таң калуу.

Key words: emotion, feeling, mood, affect, passion, surprise.

Эмоции и чувства – это отражение действительности в переживании. В эмоциях и чувствах отражаются потребности человека, то, как эти потребности удовлетворяются. Они отражают значимость тех или иных явлений и ситуаций. Границы между понятиями «эмоция» и «чувство» настолько зыбкие, что иногда бывает трудно определить, что это? Считается, что «эмоции – это более широкое понятие, чувства же представляют собой одно из проявлений эмоциональных переживаний»[4:393]. Эмоции несут первичную информацию о несоответствии чего-либо представлениям человека, чувства в большинстве случаев предметны и конкретны. Ученые указывают на связь «эмоции с биологическими процессами, а чувства – с социальной сферой» [4:396]. Психологический словарь указывает, что слово «эмоции» **образовано от лат.** *emovere* – возбуждать, волновать, и определяет их как «особый класс психических процессов и состояний». Они, связаны с инстинктами и мотивами, которые в форме непосредственного переживания (удовлетворения, радости, страха и т.д.) отражают значимость влияющих на человека явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности.[5:427].

Как видим, в основе эмоции лежат глаголы возбуждать, волновать. Следовательно, эмоции появляются тогда, когда человек не может оставаться равнодушным. Словарная статья указывает, что эмоцию вызывают не явления, не действия сами по себе. Эмоция появляется тогда, когда явления или действия представлены в некоей ситуации, которая оценивается нами определённым образом. Удивление, изумление, недоумение возникают при несоответствии порядка вещей нашим представлениям, ожиданиям. Следовательно, причина эмоции ситуативна, а характер эмоции обуславливается нашей оценкой события, нашим отношением к событию или явлению.

Отметим также, что любая наша деятельность, действие регулируется эмоцией, эмоционально окрашено. В зависимости от того, что мы испытываем (радость, страх, грусть) наши действия в одних и тех же ситуациях могут быть различными.

Рубинштейн отмечает, что эмоции отражают состояние человека, свидетельствуют о его отношении к объекту, вследствие чего отмечаются положительным или отрицательным знаком.

По мнению ученого, эмоции выражают состояние в том случае, когда человек испытывает страдание, и можно говорить о том, что в этом случае индивид выступает как

пассивный субъект. В том случае, когда индивид выражает свое отношение к тем или иным событиям, явлениям, он активен и эмоция выражает эту активность [6:571].

Наверное, отсюда в языке и существуют такие выражения, как: *тихая радость, я рад и бурная радость, я радуюсь*, где *я рад* – это состояние, испытываемое вследствие данной эмоции, а *я радуюсь* – это отношение. Психологом отмечается личностный характер эмоции, имеющей глубокие связи с его внутренним миром, захватывающей его, в результате которого личностное отношение имеет эмоциональную окраску» [6:572-573]. Следовательно, одна и та же ситуация у разных людей может вызвать неодинаковые эмоции, что зависит от психологических характеристик, уровня образованности, жизненного опыта, социального статуса человека. О том, что эмоция имеет личностный характер, говорит и тот факт, что одно и то же событие вызывает неодинаковые эмоции у женщин и мужчин.

Существуют различные классификации эмоций. Например, В.Вундт характеризовал эмоции по трем параметрам: 1) удовлетворение – неудовлетворение; 2) напряжение – разряжение; 3) возбуждение – торможение. К. Изард ряд эмоций считает фундаментальными: 1) интерес – возбуждение; 2) удовольствие – радость; 3) удивление; 4) горе – страдание; 5) гнев – ярость; 6) отвращение – омерзение; 7) презрение – пренебрежение; 8) страх – ужас; 9) стыд – застенчивость; 10) вина – раскаяние, а все остальные – производными. Как видим, по классификации К.Изарда, удивление относится к фундаментальным эмоциям, т.е. оно присуще всем людям независимо от каких – либо культурных, этнических различий.

Интересная классификация предложена Б.И. Додоновым. Он выделяет:

1) альтруистические эмоции, возникающие на основе потребности в содействии, покровительстве, помощи другим людям; 2) коммуникативные эмоции, которые вызваны потребностью в общении; 3) глорические эмоции, связанные с потребностью в славе, самоутверждении; 4) практические эмоции, вызванные успешностью или неуспешностью деятельности человека; 5) пугнические эмоции, основанные на интересе к борьбе, преодолении опасности; 6) романтические эмоции, включающие в себя ожидание и стремление к необыкновенному, необычному; 7) гностические эмоции связаны с познанием в деятельности человека; 8) эстетические эмоции, возникающие под влиянием произведений искусства; 9) гедонистические эмоции, удовлетворяющие потребности в телесном и душевном комфорте; 10) акизитивные эмоции, связанные с интересом к накоплению, «коллекционированию» вещей. Ученый также указывает, что создание универсальной классификации невозможно, поскольку каждая классификация создается для решения определенной задачи. По классификации Додонова Б.И., удивление можно отнести к гностическим эмоциям, поскольку оно стимулирует познавательную деятельность.

Если выше говорилось, что эмоции выражают состояние субъекта и его отношение к объекту, то **чувство** – это эмоциональное отношение человека к событиям и явлениям, которые отражают значимость событий и явлений в связи с его потребностями и мотивами. В психологическом словаре подчеркивается причинно-обусловленная природа чувства, поскольку оно возникает не само по себе, а порождается миром объективных явлений. Авторы словаря отмечают также субъективность чувства, так как одно и то же явление может иметь различное значение для разных людей [5:418].

По Рубинштейну, чувство человека – это переживание, вызванное его отношением к тому, что он испытывает, делает, отношением к окружающему его миру. Именно чувства являются показателями взаимоотношений человека с миром, с другими людьми. Иными словами, чувства субъекта определяют его взаимоотношения с другими субъектами, т.е. каково отношение человека к определенному лицу, таковы и чувства его к нему [6:551-

554]. В зависимости от направленности чувства делятся: на моральные (чувство долга, ответственности, доброты и т.д.), интеллектуальные (любопытность, сомнение), эстетические (чувство красоты при восприятии произведений искусства), практические (чувства, связанные с деятельностью человека).

С.Л.Рубинштейн выделял три сферы в эмоциональных проявлениях личности: ее органическую жизнь, ее материальные интересы и духовные, нравственные потребности и обозначил их как органическую чувственность, предметные чувства и мировоззренческие чувства. К органическим он отнес элементарные удовольствия и неудовольствия, связанные с удовлетворением органических потребностей. Предметные чувства связаны с отдельными видами деятельности и обладанием определенными предметами, соответственно чему подразделяются на материальные, интеллектуальные, эстетические. Выражением этих чувств является восхищение одними предметами и людьми, и отвращение к другим. Мировоззренческие чувства связаны с отношением человека к миру, нравственным категориям и ценностям.

Психологи выделяют ещё и такие проявления эмоциональной жизни, как аффекты, настроения, страсть.

Аффект – сильное, бурное и кратковременное эмоциональное переживание, которое захватывает человека целиком, подчиняет себе мысли, поведение человека. Аффект связан с конкретной ситуацией, наступает в результате какого-либо сильного объективного или субъективного потрясения. Иногда в состоянии аффекта человек теряет власть над собой, самоконтроль. Обратим внимание на определения, характеризующие аффект, сильное, бурное. Возможно, поэтому он и охватывает человека до такой степени, что он не в состоянии трезво оценить ситуацию, следствием чего и являются действия, не поддающиеся сознательному контролю со стороны человека, поскольку ситуация вызвала не просто какую-либо эмоцию, а потрясение. Мы считаем, что кратковременность данного состояния является также отличительной чертой аффекта. Именно из-за кратковременности и всеохватности аффекта у человека нет возможности объективно оценить ситуацию и выстроить свое поведение.

Настроение – более или менее устойчивое эмоциональное состояние человека, окрашивающее в течение некоторого времени все его переживания и влияющее в различной степени на все психические процессы, протекающие в данный момент жизни человека [4:216]. Отметим, что причиной настроения не являются какие-либо события или явления. Причину настроения иногда бывает трудно объяснить. Ведь зачастую, люди говорят, что у них нет настроения или плохое настроение, но чем оно вызвано не могут объяснить. С другой стороны, настроение – это как бы общее состояние: если мне плохо, то плохо всё, если мне хорошо, то всё для меня в розовом цвете. Этот психологический аспект, на наш взгляд, находит отражение и в языке. Говоря об эмоциях и чувствах, мы используем конструкции личных предложений: я радуюсь, он рад, настроение же передаем безличным предложением, где в роли предиката выступает слово категории состояния: мне *радостно*, мне *плохо*.

Страсть – это сильное, стойкое, длительное чувство, которое захватывает его и овладевает им. Всеохватность и сила страсти сближают с аффектом. Отличается страсть от аффекта продолжительностью и стойкостью, вследствие чего все помыслы человека направлены на предмет страсти, т.е. можно говорить о целенаправленности данного состояния [6:580]. Страсть вызывает в человеке стремление к активной деятельности. Подверженность человека данному состоянию в русском языке выражается употреблением: 1) страдательного залога - *Он охвачен страстью*; 2) метафоры - *Его охватила страсть*; 3) субстантивной модели - *У него страсть*.

Удивление было объектом размышлений многих философов, начиная с античности. Но, возможно, из-за того, что психические состояния являются больше объектом психологии, определения данного слова нам не удалось выявить в доступных нам философских словарях. Поиски данного слова в психологических словарях также не дали положительного результата. В психологии удивление рассматривается как одна из фундаментальных эмоций, имеющих психофизиологическую основу и внешнее проявление (мимика, пантомимика, интонация и др.) [3:63]. По мнению К.Е. Изарда, неожиданное событие является внешней причиной для удивления, вызывая тем самым резкое изменение нервной стимуляции. Исследователь подчеркивает, что, несмотря на то, что чувство удивления известно всем, его трудно описать. Причину этого он видит в кратковременности удивления. Но большую роль отводит тому, что в момент удивления приостанавливаются мыслительные процессы, разум как бы опустошается, вследствие чего удивление не до конца осмысливается. Неожиданность удивления вызывает неопределенность, то есть человек в первое время не знает, как реагировать на стимул [3:190]. Психолог отмечает, что основной функцией удивления является прекращение активности нервной системы, вследствие чего освобождаются проводящие нервные пути, подготавливая нервную систему к новой активности, тем самым способствуя адаптации субъекта к неожиданной ситуации [3:195]. Здесь мнение психолога перекликается с мнением философов, которые считали, что удивление является началом познания. Мы считаем, что активность удивления, на которую указывает психолог, ведет к когнитивной продуктивности, отличающей удивление от других психических состояний.

А.Н.Лук считает удивление нейтральным чувством, возникающим при несоответствии реальной ситуации ожидаемой. Природу этого состояния он представляет таким образом: «Удивление возникает при резком изменении обстановки, при несоответствии действительной ситуации и ожидаемой. Причем вначале невозможно определить, в какую сторону направлено изменение, выгодно оно или невыгодно. Поэтому удивление вначале нейтрально». Ученым отмечается, что удивление может сохранить нейтральный характер, если данная ситуация не вызывает никаких чувств у человека. Если же ситуация каким-либо образом затрагивает интересы человека, то в зависимости от оценки ситуации человеком, удивление может быть приятным или неприятным [4:25]. Таким образом, причиной удивления является определенная ситуация, которая оценивается человеком как ожидаемая или неожиданная. Ситуация является ожидаемой, поскольку соответствует представлениям человека, оценивается нейтрально, то есть можно сказать, что в этом случае у человека состояние спокойствия.

К.Д.Ушинский, анализируя данное психическое состояние, писал: «В чувстве удивления присоединяется к чувству неожиданности сознание трудности примирить новое для нас явление с теми вереницами представлений и понятий, которые в нас уже образовались. Пока мы не обратим внимания на эту трудность, то будем испытывать только или чувство неожиданности, или чувство обмана» [7:187]. Педагог, в отличие от психологов, отличает в данном психическом состоянии два чувства: чувство неожиданности и чувство удивления. По мнению Ушинского, «чувство неожиданности возникает в нас, когда впечатлениями внешнего мира или каким-либо влиянием нервного организма вдвигается в наше сознание такое представление, которого мы не ожидали» [7:184]. Удивление же мы испытываем потому, что нам трудно соотнести новое, неожиданное для нас явление с нашими представлениями.

Удивление – эмоция, вызывающая интерес. Этим она очень ценна для человека. Вспомним, как нас удивляют те, кто ничем не интересуется. Возможно, мы бы испытывали меньше стресса и депрессии, если бы могли подойти к выполняемой работе или к какому-либо объекту с интересом. Именно на эту сторону эмоции удивления обращали внимание

философы, поэты, писатели с древних времен и считали, что нужно уметь удивляться. И тогда можно увидеть что-то новое в давно уже привычном, к чему и призывает в своем стихотворении В. Шефнер:

Не привыкайте к чудесам,
Дивитесь им, дивитесь!
Не привыкайте к небесам,
Глазами к ним тянитесь.
Приглядывайтесь к облакам,
Прислушивайтесь к птицам,
Прикладывайтесь к родникам –
Ничто не повторится.
За мигом миг, за шагом шаг
Впадайте в изумленье,
Всё будет так и всё не так
Через одно мгновенье!

Психическое состояние и отношение удивления выражаются на лицах людей, испытывающих соответствующую эмоцию. Если усилием воли мы можем не показывать страх, беспокойство, злость, то скрыть удивление не удаётся. В словаре Даля находим: «Радость ширит лицо, удивление пялит вдоль». Эта иллюстрация указывает на то, что в отличие от некоторых эмоций, удивление чаще отображается на нашем лице. У удивлённого человека характерное выражение лица — широко раскрытые глаза, приподнятые брови, слегка раскрытый рот, застывшая мимика лица, отражающая недоумение и растерянность, отличающаяся от образа испуга, может быть, большей степенью интеллектуализации, т.е. в застывшей мимике лица нет напряжения или натяжения, что характерно при испуге или страхе [4:310]. Как известно, причиной удивления является определенная ситуация, которая оценивается человеком как ожидаемая или неожиданная. Ситуация является ожидаемой, поскольку соответствует представлениям человека, оценивается нейтрально, т.е. можно сказать, что в этом случае у человека состояние спокойствия. Ситуация, неожиданная для человека, в одних случаях оценивается положительно, в других является отрицательной. Образом удивления может быть весь спектр мимических движений, показывающих впечатление от чего-либо необычного или неожиданного, связанное с интеллектуальной оценкой происходящей ситуации.

И.А. Васильевым выделяются три стадии возникновения и развития удивления. Первая стадия – недоумение, возникающее в случае, когда противоречие между имеющимся опытом и данным явлением, с которым столкнулся субъект, осознано смутно, слабо. Эта стадия характеризуется незначительной интенсивностью и нечеткой выраженностью направленности. Вторая стадия – удивление, являющееся следствием осознания несовместимости данного явления с имеющимся опытом. Третья стадия – изумление, возникающее вследствие получения результатов, противоположных ожидаемым, прогнозируемым на основании имеющегося опыта. Как было сказано выше, синонимом слова изумление является ошеломление, которое можно, наверное, выделить в четвертую стадию, когда степень несовместимости имеющегося опыта и данного явления вызывают у человека состояние оцепенения.

Таким образом, анализ работ психологов позволяет сделать следующие выводы:

1) удивление – одна из фундаментальных эмоций, психическое состояние, вызванное неожиданным или необычным событием или явлением;

2) удивление само по себе не является полярной эмоцией, но та оценка, которую мы даем событию, вызвавшему в нас удивление, делает данное чувство приятным либо неприятным.

3) в зависимости от оценки, которую мы даем событию, вызвавшему в нас удивление, можно определить степень интенсивности данного чувства от недоумения до ошеломления.

Список использованной литературы:

1. Васильев И.А. Роль интеллектуальных эмоций в регуляции мыслительной деятельности //Психологический журнал. – 1998. – № 4. – С.49–60
2. Додонов Б.И. В мире эмоций. – Киев: Политиздат Украины, 1987. – 140 с.
3. Изард К.Е. Эмоции человека. – М.: МГУ, 1980. – 440 с.
4. Лук А.Н. Эмоции и чувства. – М.: Знание, 1972. – 79 с.
5. Психологический словарь /Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г.Мещерякова. – М.: Педагогика–Пресса, 1999. – 440 с.: ил.
6. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. – Москва-Харьков-Минск, ЗАО «Изд-во «Питер», 1999. – 720 с.
7. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения в шести томах //Сост. С.Ф.Егоров. – М.: Педагогика, 1990. – Т. 6 – 528с.

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ ЛИРИКИ С.А.ЕСЕНИНА
 С.А.ЕСЕНИНДИН ЛИРИКАСЫНЫН НЕГИЗГИ КАЙРЫКТАРЫ
 BASIC REASONS OF LYRIC POETRIES OF S.A.ESENIN

*Жамашева Н.С. – старший преподаватель,
 Сулейманова Т.А. – старший преподаватель
 Жалал-Абадский государственный университет
 г.Жалал-Абад Кыргызская Республика*

Аннотация: Данная статья посвящена основным темам творчества С.А.Есенина. Сложная и интересная судьба Есенина, множество путешествий, смена мест и образа жизни в сочетании с творческим подходом к осмыслению действительности обусловили богатство и разнообразие тем и мотивов лирики Есенина.

Аннотация: Бул макала С.А.Есениндин чыгармачылыгындагы негизги темаларга арналган. Есениндин татаал жана кызыктуу тагдыры, көптөгөн саякаттары, орун жана турмуш образын алмаштыруусу, чыгармачылыгына бай жана ар түрдүү темаларды жана кайрыктарды терең көтөрүүгө алып келди.

Annotation: This article is devoted to the basic themes of work of S.A. Eсенин. Difficult and interesting life of Eсенин, great number of travelling, changing of places and way of life in combination with the creativity going near the meaning of reality stipulated riches and variety of theme and reasons of lyric poetries of Eсенин.

Ключевые слова: Серебряный век, лирика, мотив, тема Родины, тема любви, философская лирика.

Ачык сөздөр: “Күмүш доор”, лирика, мотив, Мекен темасы, махабат темасы, философиялык лирика.

Key words: the Silver century, lyric poetry, reason, theme of Motherland, theme of love, philosophical lyric poetry.

Есенин - великий русский национальный поэт, чье неповторимое дарование уходит корнями в глубины народного мироощущения, русской культуры и истории.

Сергей Есенин был и остается одним из величайших поэтов Серебряного века. Родившись в селе Константинове Рязанской губернии, а потом, переехав в Москву, он не забывал о своей малой родине.

У Сергея Есенина было замечательное, настоящее, золотое детство. И юность была яркая - с множеством стихов, с влюбленностями, с мечтами. Геннадий Иванов говорит, что "никто в русской поэзии не писал так пронзительно об ушедшей молодости, как Есенин. Об этом вообще мало писали великие поэты. У Есенина это одна из основных тем. Но, может быть, острота боли и нежности поэта происходит еще от наложившегося интуитивного ощущения, что не только "отзвучавшие в сумрак" года молодости уходят, но сама Россия уходит. Такая Россия, которой никогда уже больше не будет. Как и молодости".

Для Есенина родина - это основной стержень его поэзии от первых строк до последних. "Ищите родину, иначе все написанное вами будет собаке под хвост", - то есть мало иметь родину от рождения, надо суметь пробиться к ней своим творчеством, утвердить ее в своем творчестве, тогда это найдет отклик, тогда это будет нужно, необходимо, насущно.

Основной темой ранней лирики Есенина закономерно становится описание природы, родных картин, пейзажей, проникнутых теплотой, близких с детства, знакомых, любимых. При этом многие явления природы поэт олицетворяет, видит в них живое, разумное начало, приписывает растениям качества животных:

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

Такая образность, яркость метафор и сравнений будет характерна и для последующего творчества Есенина, но в ранней лирике она носит свежий, радостный, новаторский характер, что придает стихам особую трогательность и выразительность.

Родная природа для поэта - вечный источник восхищения и вдохновения, описание самых простых и будничных сцен в его восприятии становится волшебным, сказочным, манящим ("Береза", "Пороша"). Так же трогательно, как к пейзажам вообще, Есенин относится к каждому конкретному элементу родного быта, будь то ветка дерева, заглядывающая в окно, домашняя утварь или даже животное: множество стихов Есенина посвящено именно животным ("Коровка", "Лисица", "Сукин сын"). Юношеское восприятие жизни у поэта - светлое, радостное; в ранних стихах появляется и тема любви ("Выткался на озере алый цвет зари..."), воспринимаемая с той же жизнерадостностью и свежестью.

Любовь для Есенина в этот период - какое-то романтическое, хрупкое состояние души, его возлюбленная - не девушка, а видение, символ: лирический герой описывает в основном не ее, а свои чувства и переживания, причем по-юношески романтично и трогательно:

Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

Характерно, что любовь и природа в ранней лирике Есенина взаимосвязаны, неразделимы. Все многообразие мотивов описания природы (пейзажные зарисовки, стихи о животных, бытовые сцены) перерастает в одну, глобальную, важную для понимания всей лирики Есенина тему - тему Родины; одним из первых в ее осмыслении поэтом стало стихотворение "Гой ты, Русь, моя родная". Поэт признается в любви Родине и фактически ставит ее выше рая, выше небесной жизни:

Если крикнет рать святая:
"Кинь ты Русь, живи в раю!"
Я скажу: "Не надо рая,
Дайте родину мою".

В стихотворении появляются религиозные, христианские мотивы, в основном связанные с церковной атрибутикой. ("Хаты - в ризах образа", "Пахнет яблоком и медом по церквам твой кроткий Спас").

Поэт представляет себе Русь только христианской, этот мотив получает развитие и в стихотворении "Запели тесаные дроги" (1916 г.):

И на известку колоколен
Невольню крестится рука.

В этом же стихотворении поэт применяет характерную цветопись:

О Русь - малиновое поле
И синь, упавшая в реку...

Описывая родную деревню, Есенин обычно использует синий, голубой, зеленый цвета (сам поэт говорил: "...Россия! Роса и сила и синее что-то...").

Переезд в Москву, скандальная жизнь, несколько наигранное поведение, эпатаж обусловили расхождение, двойственность тем Есенина: с одной стороны, именно эпатажная лирика ("Я нарочно иду нечесаный..."), с другой - воспоминания о родном селе, жизни в нем, как о самом светлом периоде.

Тема Родины получает развитие в стихотворениях "Письмо матери", "Русь советская", "Русь уходящая", "Возвращение на Родину". Революционные преобразования, произошедшие в деревне, поэт воспринимает с долей трагизма; ведь ушедшие времена невозвратимы, невозвратима и светлая, беззаботная жизнь; Есенин чувствует утрату связи с родным краем, где теперь "поют агитки Бедного Демьяна":

Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец.

Народ не воспринимает Есенина как поэта, а ведь Есенин называет себя "последним поэтом деревни". Автор усиливает ощущение трагизма прямыми сравнениями, подчеркивающими смену идеалов:

Воскресные сельчане
У волости, как в церковь, собрались...
("Русь советская")
И вот сестра разводит,
Раскрыв, как Библию, пузатый "Капитал"...
("Возвращение на Родину")

Появляется мотив поэтического творчества, его значения, и приобретает то же трагическое звучание:

Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Тема поэта и поэзии здесь тесно связана с темой Родины: Есенин воспринимает свое творчество как возможное средство духовной связи с народом. Изменения в деревне преобразили и ее, и народ, сделали ее непохожей на родной, близкий поэту край, но воспоминание о юности и о России тех лет остается в памяти Есенина светлым, чистым. В "Персидских мотивах", в стихотворении "Шаганэ ты моя, Шаганэ!.." Есенин пишет:

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.

Тема Родины опять связана с темой любви, развивается практически параллельно. Лирика московского периода и последних лет жизни поэта описывает в основном любовь несчастливую, обреченную на разлуку. ("Я помню, любимая, помню...", "Письмо к женщине"). Разгульная, скандальная жизнь не может совмещаться с искренней любовью; в ряде стихотворений Есенин пишет об отречении от шального образа жизни во имя любви:

В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.
("Заметался пожар голубой...")
Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.
("Пускай ты выпита другим...")

Но все же хулиганская бравада оказывается сильнее чувств, появляется мотив разлуки ("Сукин сын", "Письмо к женщине"). И лирический герой, и его возлюбленная

страдают от разлуки, но жизни их оказываются разьединенными жизненной бурей, "роком событий". И все же в некоторых стихотворениях сквозит щемящая нежность, трогательная; в стихотворении "Собаке Качалова" поэт пишет (обращаясь к собаке):

Она придет, даю тебе поруку.
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был виноват.

Последние стихотворения поэта опять же трагичны, в них звучит мотив неразделенной, несчастной, безответной любви.

Любовь - это одно из необходимых условий человеческого счастья, и понимание человеком сущности счастья обычно с возрастом изменяется, так же как и понимание любви. В ранних стихах Есенин описывает счастье как состояние души человека, видящего родной дом, любимую девушку и мать:

Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.

(1918 г.)

...моя тихая радость -
Все любя, ничего не желать.

(1918 г.)

Однако со временем поэт приходит к более глубокому, философскому пониманию сути счастья и смысла человеческой жизни. В лирике появляются философские мотивы. Стихотворения последних лет отражают мысли Есенина о прожитой жизни (вероятно, поэт предчувствовал свой конец): он не сожалеет о прошедших временах, принимает с философским спокойствием и мудростью тот факт, что "Все мы, все мы в этом мире тленны".

Подлинными шедеврами Есенина являются стихотворения "Отговорила роща золотая..." и "Не жалею, не зову, не плачу...". Смысл их и основные идеи сходны:

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком...

И:

Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Сходство проявляется даже в образах; поэт чувствует, что молодость безвозвратно прошла, пути в прошлое нет, и каждый человек когда-нибудь покинет этот мир, как когда-то в него пришел. Это гармоничное, спокойное восприятие жизни Есенин передает опять же через образы природы, причем символические: "роща" - это вся жизнь героя, его судьба; юность всегда ассоциируется с голубым или сиреневым цветами ("души сиреневая цвет"), старость - кисти рябины, а вся жизнь передается через образное сравнение:

Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

И последнее, предсмертное стихотворение поэта тоже относится к философской лирике, оно как бы завершает, ставит точку в конце короткого, но бурного творческого пути:

В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.
("До свиданья, друг мой, до свиданья")

Действительно, Есенин прожил недолгую, но очень яркую жизнь, во многом трагичную; на долю поэтов, творивших после революции, пришлось тяжелые испытания, в первую очередь - гнетущая проблема выбора, решить которую было для многих очень непросто. И Есенину, называвшему себя "последним поэтом деревни", было необычайно сложно продолжать творить в условиях цензуры, слежки, недоверия. Но даже за такой короткий срок поэт успел так много понять, осмыслить и выразить это в поэтической форме, что литературное наследство, оставленное им, многогранное, сочетающее в себе множество мотивов, образов, тем, идей, остается памятником таланту русского крестьянского поэта, "последнего поэта деревни", Сергея Александровича Есенина.

На стихи Есенина, тончайшего лирика, волшебника русского пейзажа, удивительно чуткого к земным краскам, звукам и запахам, написано много песен, некоторые из них по сути стали народными - "Не жалею, не зову, не плачу...", "Письмо матери", "Отговорила роща золотая...", "Клен ты мой опавший...", "Мы теперь уходим понемногу...".

Великий композитор Георгий Свиридов написал на стихи Сергея Есенина свой замечательный цикл "Отчалившая Русь".

Список использованной литературы:

1. Бондаренко М.А. "А душу можно ль рассказать?" Поэзия Сергея Есенина в школе // Литература в школе, 2003.
2. Есенин С.А. Полн. собр. соч.: В 7 т. - М.: Наука - Голос, 1995 – 2002.
3. Куняев С.Ю., Куняев С.С. Сергей Есенин. - М.: Молодая гвардия, 2006.
4. Марченко А. М. Сергей Есенин: Русская душа. - М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.
5. Тропа к Есенину: нетрадиционные уроки, внеклассные мероприятия, исследовательская деятельность. Автор-составитель Е.М.Кучерян. - Волгоград: Учитель, 2009.
6. Шубникова-Гусеева Н.И. С.А. Есенин в жизни и творчестве. - М.: Русское слово, 2002.

ДИЕРЕЗА В КИТАЙСКО-КИРГИЗСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ
КЫТАЙ-КЫРГЫЗ ЛЕКСИКАЛЫК ДАЛ КЕЛҮҮЛӨРҮНДӨГҮ ДИЕРЕЗА
DIERESIS IN THE CHINESE-KIRGIS LEXICAL CONFORMITY

Зулпукаров К.З. – д.филол.н., проф.
Ошский государственный университет, г. Ош. Кыргызстан.
email: zulpukarov48@mail.ru
Амиралиев С.М. – к. филол., проф. ОшГУ
Ошский государственный университет, г. Ош. Кыргызстан.
email: sem.87.90@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена характеристике действия законов компрессии и открытого слога в развитии китайского языка, показана роль диерезы в увеличении расхождений в фонетическом облике слов родственных языков, определено наличие многочисленных общих корней в тюркских и китайском языках, выдвинуто и обосновано положение о том, что тюркские языки, в данном случае киргизский, сохранили в целом древнейшее звуковое состояние корней, общих для сравниваемых языков.

Аннотация: Макалa кытай тилинин өнүгүүсүндөгү компрессия жана ачык муун мыйзамдарынын таасирин мүнөздөөгө арналып, диерезанын тектеш тилдердеги сөздөрдүн фонетикалык айырмачылыктарынын көбөйүүсүндөгү ролу көрсөтүлүп, түрк жана кытай тилдериндеги көп сандагы жалпы уңгулардын бар экендиги аныкталып, түрк тилдери, алардын ичинде кыргыз тили, салыштырылып жаткан тилдер үчүн жалпы болгон уңгулардын байыркы тыбыштык абалын сактап калган деген жобо сунушталып негизделди.

Annotation: The article is devoted to the description of the operation of the laws of compression and open syllable in the development of the Chinese language, the role of the diereza in increasing the discrepancies in the phonetic appearance of the words of related languages is shown, the presence of numerous common roots in Turkic and Chinese languages is determined, and the proposition that the Turkic languages, In this case, the Kyrgyz language, preserved in general the oldest sound state of the roots common to the languages being compared.

Ключевые слова: диереза, законы компрессии и открытого слога, сокращение объема языкового знака, китайский язык (ханью), киргизский язык.

Ачык сөздөр: диереза, компрессия жана ачык муун мыйзамдары, тилдик белгилердин көлөмүнүн кыскаруусу, кытай тили (ханью), кыргыз тили.

Key words: diereza, laws of compression and open syllable, reduction of the volume of the linguistic sign, Chinese (hanju), Kyrgyz language.

Работа выполнена в русле ностратики. К ностратической прасемье языков мы относим, наряду с алтайскими, дравидскими, уральскими, индоевропейскими, картвельскими и семито-хамитскими, также дагестанские, китайско-тибетские, чукотско-камчатские и эскимосо-алеутские языки. К настоящему времени уже выявлено свыше трех тысяч общих корней в тюркских и сино-тибетских языках [Зулпукаров 1994: 120-123; Зулпукаров 2016: 14-120; Зулпукаров, Амиралиев 2016: 307-312; Зулпукаров, Зулпукарова 2016: 284-293]. В статье только на материале китайского и киргизского языков демонстрируется роль диерезы в компрессии объема языковых знаков.

Диерезой, как известно, называется выкидка звука из состава слова. Она выполняет важную функцию в сокращении объема означающих и экономии артикуляционно-

акустических усилий участников речевого общения. Выпадение звука происходит в различных частях фонетической структуры слова. В тюркских языках КНР, т.е. в уйгурском, лобнорском, саларском, сарыг-югурском и других, находящихся под непосредственным влиянием ханью, сильно развито стремление к сокращению объема языкового знака. Например, в самых употребительных словах саларского языка встречаются все позиционные виды диерезы: 1) опопока, проявляющаяся в выкидке конечных согласных и преобразующая закрытый слог в открытый: *me/mi/mē/mī* < *men* «я», *ha* < *har* «каждый»; 2) синкопа, т.е. выпадение срединного звука: *töt* < *tört* «четыре», *emek/emik* < *egimek* «хлеб»; 3) афереза, состоящая в опущении начального звука: *ixit* < *jihit* «юноша», *uĉol* < *uĉjol* «три дороги» [Тенишев 1975: 82-83]. Все эти разновидности диерезы встречаются в китайско-киргизских лексических соответствиях.

В китайском языке минимальной единицей является не звук, а слог, который имеет в целом единообразное строение. Основными элементами слога являются инициаль, финаль и тон. Инициаль представляет собой начальный согласный звук, финаль – слогаобразующий гласный, дифтонг или же сочетание гласного и конечного согласного. В качестве конечного согласного финали выступают только два звука: *-n* и *-ng*. Тонном называется мелодическая характеристика слога, точнее – финали. Тон является такой же неотъемлемой частью фонетического облика слова, как и входящие в его состав звуки. В языке различается четыре тона: восходящий, нисходящий, ровный, нисходяще-восходящий, которые мы отмечаем с помощью надстрочных знаков. Нейтральный тон, характерный произношению служебных слов и слогов, особо не выделяется [Яхонтов 1965: 25-33].

В древнекитайском языке фонетический облик финальной части слога был более разнообразным, чем в современном. В нем было много корневых морфем с конечными согласными на *-n*, *-ng*, *-p*, *-s*, *-t*, *-k*, *-r* и др., из которых до настоящего времени дошли только корни на *-n*, *-ng*, а остальные, подвергаясь сокращению, были лишены конечных согласных. Слоги с конечными согласными сохранились в южнокитайском диалекте [Иванов, Поливанов 2003: 16-18; Яхонтов 1965: 27] и в их лексических соответствиях в тюркских языках, например, в киргизском.

Известно, что в древнем ханью конечный звук «*-r* до начала новой эры исчез или перешел в *-i*». Этот звук был распространенным в конечной части слога. В этой позиции он выпал под действием закона благозвучия, рифмовки и открытого слога. Например, древний слог *lur* «гром» в современном языке звучит просто и почти открыто в виде *lei* [Яхонтов 1965: 27]. Мы ниже приведем киргизские исходные корневые морфемы, которые, по нашему предварительному предположению, сохранили в конечной части лексической единицы древний звук *-r*.

Выпадение конечного *-r* в китайских слогах и его сохранение в киргизских соответствиях мы обнаружили в шестидесяти трех примерах. Для иллюстрации приведем некоторые наиболее характерные примеры: киргизское *бир* «один, единичный, единица, одинокий, единственный», имеющее в своем составе *-p*, соотносится с китайским *pī/pǐ* «единица, единичный, одинарный, голова, штука». Аналогичный эквивалент имеет и киргизское слово *сыр* «тайна, секрет, секретные желания, тайные помыслы, нечто личное, нечто сокровенное; индивидуальный, тайный», которое легко сравнивается с китайским слогом *sī* «личный, пристрастный, несправедливый, корыстный; частный, собственный, индивидуальный, тайный, секретный, скрытый; лично, пристрастно, в частном порядке, индивидуально, тайно, секретно, скрыто; личный интерес, я (ego), мой эгоистический интерес, мой, корыстный интерес, моя личная выгода; пристрастие, любимчик, фаворит, любовь, личные желания; незаконные доходы, взятки, контрабанда, тайна, секрет; питать пристрастие к».

Киргизские слова *шыр* «быстро, ловко, без запинки, без остановки», *шар* «быстро, бегло, без запинки, без остановки», кажется, сохранили древнейший фонетический облик китайских слогов *shù* «быстрый, поспешный, мгновенный, мимолетный; быстро, поспешно, мгновенно» и *shǐ* «быстрый, скорый; мчаться, скакать, быстро двигаться; гнать, подгонять». С этой точки зрения заслуживает внимания еще три киргизских слова с конечным *-р*, которые имеют «сжатые» соответствия в ханью:

1. Киргизское *шаар* (узб. *шахар*) «город, город-крепость, городская стена» – китайское *shì* «город, городской, рынок, рыночный, людное место, городская площадь, место сборищ; сборник, толпа, рой». В узбекском слове *шахар*, возможно, произошла вставка звука *х*, называемая эпентезой.

2. Киргизское *ыр* «песня, стихотворение, стих», *ыр ырдоо* (повтор) «петь песню» – китайское *shī* «стих, стихотворение, стихи, поэзия; стихотворный, поэтический, поэма» и *yī* «песня, наслаждение». На первый взгляд, здесь отсутствуют общие звуки, имеется только общий смысл. Обращение к фактам других тюркских языков позволяет заключить, что в киргизском слове *ыр* выпал начальный звук, соответствующий китайской инициали *sh-*: казах., татар. *жыр* «песня», узб. *шеър* «стихотворение», *шоир* «стихотворец, поэт», казах. *жырау* «певец». А в китайском его эквиваленте произошла выкидка конечного *-r*.

3. Киргизское *шер* «лев, львиный; храбрый, отважный, смелый» – китайское *shǐ* «лев, львиный, свирепый».

Как видим, три китайских слога с одинаковым звуковым составом и разными ударениями имеют в тюркских языках более развернутые эквиваленты, сохранившие древнейший фонетический облик общих лексем. В этом отношении интересны факты таких тюркских языков, которые развивались в тесном контакте с китайским языком и служат связующим звеном между этимологически идентичными китайскими и киргизскими лексемами. Примеры *жар* «обрыв, яр, крутой берег, обрывистый, скалистый» и *yá/yǎ* «скала, утес, выступ, обрыв; обрывистый, скалистый, крутой берег (реки), береговой; край, пределы, рамки» подходят к вышеназванному положению и соотносятся с примерами из других тюркских языков: хакас. *чар*, чув. *сыр*, якут. *сыыр*, туркм., казах., кара-калп., узб. диал. *жар*, тур., караим., кумык., ног., татар., башк., узб. *йар*. Лобнорское *йай* фонетически тождественно с первым вариантом китайского номинанта. Варианты уйгурского *йа/йар* имеют формы открытого и закрытого слога. Первый его вариант сходен с китайским *yā*, а второй – с татарским *йар*.

Теперь приведем пример с процессуальным значением. Киргизское *көр-/көрүү* «видеть, смотреть, пробовать», *кара-/кароо* «смотреть, глядеть, подсматривать, высматривать, наблюдать, ухаживать за, следить за», вероятно, представляет древнейший фонетический облик китайского слога *kuī* «смотреть, наблюдать, подглядывать, посматривать, высматривать, выведывать, разузнавать, исполнить, подстергать, следить за, допытываться». В древнем китайском языке эти значения передавались слогом закрытого типа *kas*, конечный согласный которого перешел в *-ī* и который мы сравниваем и с киргизским словом *көз* «глаз, глаза». Ср. китайское *guī* и киргизское *кыз* «дочь, девочка, девушка».

В киргизском языке мы нашли девяносто пять корней с конечным *-к*, которые являются эквивалентами соответствующих китайских слогов открытого типа.

Сравнение киргизского *как* «сушеный, сухой, худощавый, лишенный растительности; небольшое углубление, оставшееся от высохшего болотца» с китайским *kǎo* «сушиться, сохнуть, греться/греть (у огня), сушиться/сушить (у огня), жарить, поджаривать, печь (на огне), жареный, печеный», киргизского *ак* «белый, седой» с китайским *ái* «седой, бледный», *накъ* (южн.) «груша» с *pái* «груша (с твердой кожей)» позволяет считать, что отождествляемые корневые морфемы двух языков имеют общее

происхождение. Аналогично соотносятся между собою киргизские *тек* «низ, под, исход, происхождение, генезис, основа, основание», *тук* (в говорах) «низ, под, дно, основание, фундамент» и китайский слог *dī* «дно, низ, основание, основа, корень».

Приведем несколько киргизских слов с начальным *жс-*, имеющих эквиваленты в ханью с финалями на гласные: 1) киргизское *жсак* (в говорах) «масло, жир, крем, мазь», *бетжсак* «мазь для лица» (*бет* «лицо») – китайское *zhī* «жир, сало (животных); смазывать жиром; жирный, сальный; крем, помада; сок (растений), роскошь, довольство»; 2) киргизское *жсык-/жсыгуу* «свалить, побороть, победить», *жсыгыл-/жсыгылуу* «падать, упасть, свалиться, быть побежденным, повергнутым; падение, проигрыш» – китайское *zhì* «падать, спотыкаться, наткаться, задевать; неудачи, испытывать затруднения, страдать, мучиться»; 3) киргизское *жсаак* «челюсть, скула» – китайское *jiá* «щека, скула, челюсть»; 4) киргизское *жсак-/жсагуу* «жечь, зажигать, зажигание, сжигание» – китайское *jiāo* «поджигать, сжигать, опалить; гореть, обгореть, обгорелый; печь, жарить, поджаривать»; 5) киргизское *жсик* «шов, стык, место соединения, трещина, щель, межа», *жсөөк* «гряда, полоса, гребень борозды» – китайское *jì* «межа, граница, предел, промежуток, стык, линия, смыкание, соединение, между, между-, меж-».

В примерах *бак-/багуу* «кормить, накормливать, вырастить, взять на воспитание, усыновить, удочерить», *бак* «сад» и *bào* «вскормить, вырастить, выходить, взять на воспитание, усыновить, удочерить» мы обнаруживаем соответствие *ак* = *ào*, подчиняющееся общему правилу.

Под формулу «слово с конечным *-n* = слог с гласной финалью» подводятся следующие примеры: 1) *шан* «ладонь, пальцы, рука», *шаналак* (южн.) «ладонь, пощечина, мухобойка» – *shǒu* «рука, кисть руки, ладонь, рабочие руки, рука помощи, подмога, умение; жест руки, удар рукой, почерк, своя рука, собственноручный, своей рукой, от руки, ручной, для руки; держать в руке, схватывать рукой, ловить, бить, отбирать»; 2) *шып-* в словах: *шыба-/шыбоо* «мазать, штукатурить, покрывать тонким слоем», *шыбак* «штукатурка», *шыбануу* «накраситься, накладываться мазью, штукатуриться» – *shuā* «щетка, кисть; чистить, скрести, тереть (щеткой), мыть, удалять; красить, класть краску, накладывать мази, мазать, натирать краской»; 3) *чөп* «трава, сено, никудышный (человек), послед (животных), прокладка в заднике обуви», *чөп чабуу* «косить траву» – *chú* «сено, кормовая трава, солома; косарь, давать корм, кормить, косить сено (траву)»; 4) *кооп* «страх, боязнь, подозрение, сомнение», *кооптон-/кооптонуу* «беспокоиться, тревожиться, подозревать, сомневаться, страшиться, опасаться; страх, беспокойство, тревога, подозрение, сомнение», *кооптуу* «опасный, страшный, подозрительный, сомнительный, вызывающий опасение, беспокойство, тревожный», *кабатыр* «страх, беспокойство», *кабатырлан-/кабатырлануу* «беспокоиться, тревожиться, сомневаться» – *húo* «сомневаться, предаваться сомнениями, подозревать, тревожиться, предаваться заботам (тревогам), вводить в заблуждение, вызывать сомнения; сомнение, подозрение, смута, беспорядок, путаница, хаос»; 5) *теп-/тебуу* «лягать, пинать, толкать ногой, бить ногой, отталкивать ногой; лягание, пинок, отталкивание ногой», *тепки* «удар ногой, пинок», *тепселе-/тепселөө* «попирать ногами, топтать, давить (ногой), угнетать», *теп-тепке алды* (повтор) «нешадно топтали, избивали ногами» – *lì* «лягать, брыкать, лягаться, брыкаться; ударять (бить) ногой, поддавать ногой, пинать, давать пинка»; *diē/dié* «топать, пинать», *tà* «топать (ногой), притопывать, отбивать ногой ритм, ступать, наступать, давить, ступать по, наступать на, попирать, растаптывать, скамеечка для ног, приступка, подножка, педаль; ножный, обувь», *tuǐ* «нога, ножка (мебели)»; 6) *тан-/табуу* «находить, открывать (неизвестное), доставать (спрятанное), отыскивать, родить (ребенка), отгадывать (загадку)» – *tāo* «вынимать, вытаскивать, извлекать, доставать (из чего-либо закрытого), шарить, отыскивать, выкладывать, доставать деньги (из кармана), выкапывать, капать,

вырывать, проковыривать, рыть»; *tāo* «искать, найти, разыскать, раздобыть, обзавестись, завести»; 7) *ton* «мяч; группа, коллектив, стая, табун, часть, кусок, штука (материи), община, число, количество, множество, совокупность, масса», *бир тон жылкы* «табун лошадей», *тон башы* «глава общины» – *tuá* «дружина, отряд, ополчение, полк; коллектив, организация, бригада, группа, делегация, труппа; групповой, коллективный; комок, клубок, масса, клубы, облако, круглый, брикет; круглый, округло, в кружок, кругом»; 8) *жооп* «ответ, отклик, реакция на стимул», *жообун бер* «ответь ему, отпусти его», *жооп кайтарат* «ответит, среагирует» – *yí* «отвечать, откликаться»; 9) *kōn* «много, множество, во множестве, массы (народные)», *kōbōi-/kōbōiyū* «умножаться, увеличиваться количественно, делаться многочисленным, расширяться» – *kiò* «широкий, обширный, вместительный, просторный, пустой; великодушный, щедрый; расширять, раздвигаться, расстегивать, увеличивать». Как видно, в данную группу примеров входят самые употребительные слова двух языков, которые, на наш взгляд, не являются заимствованиями и свидетельствуют об очевидном генетическом родстве тюркских и сино-тибетских языков.

Теперь перейдем к сравнению киргизских корней на *-с/-з* и их соответствий в ханью. Киргизские примеры *сыз-/сызуу* «плавиться, расплавляться, незаметно скрыться, улизнуть, расходиться, исчезать», *сызгыр-/сызгыруу* «плавить, расплавлять, растоплять», *сызгың барбы?* «хочешь (незаметно) улизнуть?», *май сызгырын жатат* «растопляет масло (жир)», *эл сызып кетти* «народ разошелся», *даам сызуу* «вкусать пищу» очень напоминают китайское *xīāo* [сяо] «плавиться, расплавляться, растопляться, рассеиваться, расходиться, гаснуть, исчезать, хиреть, приходить в упадок, плавить, расплавлять, растоплять, тратить, расходовать, снижать, гасить, глушить; расход, потребление, трата», а корень *сас-* в словах: *сасык* «вонючий, зловонный, вонь, зловоние», *сасы-/сасуу* «вонять, дурно пахнуть, издавать зловоние», *сасыткы* «болтун (о яйце), потухшее яйцо» – китайское *sāo* «вонючий, зловонный, испорченный, прокисший, тухлый (о запахе), позорный, постыдный, дурной (о репутации); дурно пахнуть, вонять, дурной запах, вонь». Как видим, китайский трифтонг *-iāo* соответствует киргизскому звукосочетанию *-ыз*, дифтонг *-āo* – звукосочетанию *-ас*. Аналогичную картину мы видим и в некоторых лично-местоименных лексемах множественного числа. Киргизское *биз* «мы», варьируемое в предикативных и притяжательных суффиксальных формах в виде *-быз, -биз, -буз, -бүз, -пыз, -пиз, -пуз, -пүз* «мы, наш» и узбекское *биз* «мы», употребляемое в суффиксальной форме в виде *-миз* «мы, наш» (без вариантов) соответствуют китайскому местоимению *tī* «мы» (ср. узб. *онамиз* «мы матери, наша мать», где *она* «мать», *отамиз* «мы отцы, наш отец», где *ота* «отец»), киргизское и узбекское *сиз* «Вы (вежл.)» – китайскому *sōi* «Вы (вежл.), старик, старец». Китайские личные прономинативы имеют на конце гласные звуки, которые, вероятно, восходят к древним пракорням с конечным *-с/-з*. А местоимения *wǒmen* «мы, наш (эксклюз.)», *zāmen* «мы, наш (инклюзив.)» и *nǐmen* «вы, ваш» являются новообразованиями.

Под формулу «слово с конечным *-з/-с* = слог с гласной финалью» можно подвести и следующие примеры: 1) *бооз* «беременность, стельная (о корове), жерёбая (о кобылице)», *боозу-/боозуу* «беременеть, беременность», *боозут-/боозутуу* «сделать беременной» – *fū* «живот, брюшная полость, брюхо, утроба, брюшной, нутро, середина, внутренний, перед, спереди; толстый, плотный; обнимать, охватывать» (ср. рус. *пуза, пузатый*); 2) *таз* «паршивый, лысый, голый; парша на голове, человек с паршивой головой», *таз чоку* «голый пик горы, обнаженный горный пик», *таз кара/таз жору* «черный гриф, бурый гриф (хищная птица-падальщица с лысой шеей)», *таз баш* «лысеголовый, с лысой головой», *тазала-/тазалоо* «чистить, очищать, вычищать; очищение, вычищение, чистка» – *tū* «плешивый, лысый, голый, без растительности; облезлый, истертый, притупившийся,

несовершенный; облысеть, оголиться, истереться, притупиться, обнажить, исчерпать»; 3) *тоз* «сброшенная кожа змеи после линька»; *ийиниңди тоздурба* «не доводи свою одежду до износа, чтобы она не слезла с тебя как чешуя змеи» – *түі* «сброшенная кожа, зародышевая оболочка (пресмыкающихся, личинок насекомых); линять, сбрасывать кожу»; 4) *кес-/кесүү* «резать, отрезать, срезать, осудить, приговорить», *кесик* «отрезанный, отрезок», *кестир-/кестирүү* «заставить резать, осудить», *кесек* «кусок, комок», *кесим* «отрезок, кусок, резание, подрезывание», *кесинди/кыйынды* «отрезок, лоскут», *кесе* «чаша, вырубленная из дерева чаша» – *гē* «резать, отрезать, разрезать, срезать, прирезать, косить, жать; снизить, скосить, урезать; делить, разделять, разлучать; несчастье, бедствие», *гè* «кусок, часть, обрывок, обломок», *кè* «вырезывать, высекать на, гравировать; резной, гравированный; короткий отрезок времени, момент, резная надпись, резьба, гравировка, высечка», *кui/куi* «ком (земли), кусок глыбы; кусковой, глыбовый, прямоугольный лоскут, кусок (материи), участок» [Зулпукаров 1994: 75-76].

Формула «слово с конечным *-m* = слог с гласной финалью» реализуется в следующих лексических единицах: 1) *бүт-/бүтүү//бүтүр-/бүтүрүү* «кончать, заканчивать(ся), завершать(ся)», *бүткүчө* «до конца, до завершения» – *bi* «заканчивать, завершать(ся); до конца, до завершения»; 2) *бүт* «все, полностью», *бүткүл* «все, все вместе», *бүтүн* «все, полностью, целиком» – *bi* «все, полностью, целиком, сполна, очень, весьма, совершенно»; 3) *чет* «край, окрестность, окраина, граница, сторона», *четте-/четтөө* «ходить стороной, сторониться, уклоняться, устраняться, чуждаться», *четтет-/четтетүү* «отстранять, устранять, удалять; отстранение, устранение» – *chui* «край, окраина, граница, пограничные области», *уi* «кайма, кромка (одежды), край, окрестность, далекая окраина, пограничная зона, отдаленные земли, окраинные инородцы, некитайские племена пограничных земель, отдаленные потомки, отпрыски, потомство»; 4) *чат* «место соединения ног (с внутренней стороны), пространство между двумя реками перед их слиянием, место соединения двух ложбин», *чаткал* «впадина между двух гор» – *chā* «раздвигать, разводить»; 5) *бет* «щеки, лицо, поверхность, склон (горы)» – *fi* «щеки, скулы, верхняя часть»; 6) *жет-/жетүү* «достигать, добиваться, доходить, доехать, догонять, нагонять, преследовать» – *zhuī* «догонять, нагонять, достигать, гнать за, преследовать, гнать, следовать за, равняться на; искать, допытываться, домогаться (любви, благосклонности), добиваться, искать, дополнять, наполнять, дополнительно, вдогонку», *zhi* «доходить до, достигать, доходить до предела (апогея), достигать высшей точки, развиваться до высшего предела, доводить до совершенства, прибывать в, приходиться к; превосходный, наивысший, предельный, что касается, до, к», *zhi* «гнаться за, преследовать, догонять, нагонять, домогаться, добиваться, следовать за, перегонять друг друга, бежать на перегонки, последовательно, один за другим, друг за другом, следуя за».

Конечно, число примеров, демонстрирующих выпадение конечных согласных в китайских слогах под влиянием закона компрессии и открытого слога, можно легко увеличить. Считаем, что приведенных выше немногих двуязычных соответствий достаточно для утверждения о том, что тюркские языки, в том числе киргизский, сохранили древнейший фонетический прототип общих китайско-тюркских слов.

Выпадение звуков происходит не только в конце слова, но и в анлауте. Факты соответствия начальных звуков нулю звуков широко представлены в алтайских языках. В анлауте начальному языку *φ* в маньчжурском языке соответствует звук *h* или нуль звук в тунгусском (М.А. Кастрен), древнемонгольском *h* – нуль звук в тунгусском и современном монгольском и тюркских языках (Г. Рамстедт, П. Пельо, Т.А. Бертагаев). Ср., например, в диалектах монгорского языка значение «красный» имеют слова в хуцзу *фулан*, в минхэ *хулан*, в других *улан*, в монгольском, бурятском языках *хула(н)* «саврасый», в киргизском *кула* «саврасый» и *кулан* «дикий осел, онагр, лошадь Пржевальского».

Монгольскому *ховор/хобор/хомор* «скудный, невзрачный, редкий» в бурятском соответствует *обор* «неказистый, неважный, скудный» [Бертагаев 1971: 301-302]. Это говорит о распространенности афезы в алтайских языках.

Арабский антропоним *Хасан* заимствован киргизским языком в виде *Асан*. Чем это объясняется? Во-первых, киргиз не может артикулировать звук *х*. В его языке исконно отсутствует этот звук. Это – главная причина. Во-вторых, в аффиксальных формах слова ударение падает на последний слог (*Асан – Асан*

можем говорить о том, что в киргизском языке в качестве эквивалентов китайской инициали *h*- использованы нулевой звук и заднеязычный глухой согласный *к*-.

Такое же опущение начального *h*- мы обнаруживаем в киргизском эквиваленте китайского слога *hēng* «стонать, охать, кряхтеть, ворчать, бормотать»: *эн*- в словах: *энтигүү* «тяжело дышать, страдать одышкой; тяжелое дыхание, одышка», *энтелөө* «приходить в замешательство, растеряться, теряться, суетиться, проявлять торопливость», *энтеңдөө* «делать поспешные и растерянные движения, суетиться нервничая, взволнованно двигаться» и т.д. Если в предыдущих примерах китайскому конечному *-ng* в киргизском соответствует конечное *-н*, то в следующих примерах мы обнаруживаем обратное явление: китайскому *-н* в киргизском соответствует *-ң*: *hēn* «очень, весьма, в высшей степени, вполне, крайне, прочно, крепко» – *эң* «очень, весьма, в высшей степени, вполне, крайне, прочно, крепко». Межъязыковое соответствие *-н/-ng* и *-ң/-ng* на конце слова весьма распространено в сравниваемых языках: 1) *ылаң* «повальная болезнь скота, болезнь, несчастье, беда», *ылаңда-/ылаңдоо* «болеть (о животном, человеке)» - *làn* «болеть, страдать, портиться, приходить в негодность, презревать, загнивать, сгнивать»; 2) *көңүлдүү* «неравнодушный, проявляющий желание, радушный, радостный», *көөнү бар* «есть желание» - *hún* «душа, дух, сердце»; 3) *жаң* «война, сражение, бой» - *zhàn* «война, бой, сражение, схватка; военный, боевой; соревнование, состязание; вести войну (бой), боевать, сражаться, биться»; 4) *жаң* «жест (движение рукой, заменяющее речь), жаңсоо «делать жест; жестикулировать, жестикуляция», *жең* «рукав, рукава» - *zhǎng* «ладонь, лапа, ступня (животного), бить ладонью, держать в руках» и т.д.

Приведенный выше материал позволяет заключить, что диереза начального звука *х* на киргизской почве произошла после потери этим языком прежнего соответствующего звука. Если считать приведенные киргизские слова заимствованиями, то можно объяснить эти факты как явление интерференции, в результате которого опускается труднопроизносимый звук.

Теперь переходим к рассмотрению отдельных фактов из массы примеров, которые служат иллюстративным материалом для доказательства действия опопоки как разновидности диерезы.

Киргизское слово *кул* «слуга, раб» семантически мотивировано китайскими слогами. В ханью есть слово *kūlì* «чернорабочий, носильщик; не щадить сил в работе, надрываться в тяжелом труде». Смысловая и звуковая общность слов двух языков налицо. Мы здесь первичной считаем китайскую лексему на том основании, что китайский язык мотивирует семантическую структуру слова, поскольку оно состоит из двух взаимосогласованных самостоятельных слогов: 1) *kū* «тяжелый, мучительный, жалкий, бедный; мучиться, страдать, горечь, страдание, мучение, несчастье» и 2) *lì* «подчиняться, принадлежать; зависимый, подчиненный; слуга, раб». Эта двусложная лексема на киргизской почве лишилась конечного гласного звука, подвергаясь сокращению и превращаясь в закрытый слог. Известно, что об источнике слова *кули* в языках Евразии существуют разные предположения. Лексикографы считают, что оно имеет индийское [Словарь русского языка, Том III. 1983: 147] или тамильское [Словарь иностранных слов 1982: 272] происхождение, не зная, вероятно, мотивированности его семантики китайскими корневыми морфемами.

Киргизская лексема *чал* «старик, седой, пожилой мужчина, седой старик», как нам кажется, является «сжатым» вариантом древнего сочетания, состоящего из китайских слогов:

zhù/zhuó «след, колея, путь, наследие, дело, деяние, образец, пример»; 2) *zhé/chè* «колея, след колес, путь, дорога, образец, выход, столб, класс рифм». Здесь мы имеем дело с чередованием в китайских инициалах в виде *zh-/ch-*, соответствующих киргизскому начальному *ж-*. Различны финали: кит. *-ú/-uó/-é/-è* = кирг. *-ол*. Последнее можно было бы объяснить как соответствие киргизского закрытого слога китайскому открытому и признать первичным более развернутую, то есть киргизскую форму (*жу/жуо/же/че* из *жол*), если бы в китайском языке отсутствовали примеры, которые значительно дополняют и поясняют эти сравнения:

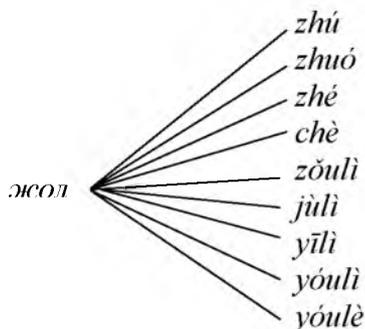
1) кит. *zǒulù* «идти по дороге, путешествовать», состоящее из слогов: *zǒu* «ходить (пешком), идти, прохаживаться, двигаться» и *lù* «дорога, наземный, по суше, сухим путем»;

2) кит. *jùlì* «расстояние, дистанция, просвет, пробел, дальность действия, дальнобойность, досягаемость», состоящее из слогов: *jù* «крупный, огромный, громадный» и *lì* «расстояние, на расстоянии, расходиться, удаляться, раздвигать, удалять»;

3) кит. *yīlì* «весь путь, тот же путь, вместе, по пути, с хода, по ходу»;

4) кит. *yóulì* «путешествовать, странствовать», *yóulè* «гулять, развлекаться, веселиться», которые, вероятно, состоят из слогов: *yóu* «гулять, прогуливаться, совершать экскурсию, обходить, объезжать, скитаться, бродить, кочевать, блуждать, путешествовать», с одной стороны, и, с другой, *lì* «расстояние, на расстоянии» и *lè* «радость, веселье, удовольствие; радоваться, веселиться, жить в радости; радовать, веселить; радостный, весело».

Инициалы этих слогов *z-*, *j-* и *y-* соотносятся с инициалами *zh-* и *ch-* первых двух слогов как чередующиеся и могут быть отождествлены с киргизским начальным *ж-* в слове *жол*. Корреляцию приведенных корней можно представить схематически в следующем виде:

Китайские односложные (4) и двусложные (5) лексемы объединяются общим значением «путь, быть в пути, движение в пути», которое свойственно и их киргизскому аналогу. Мы допускаем предположение: киргизское *жол*, вероятно, производное и состоит из двух частей: первая часть – слог *жсо-*, сравнимый с китайскими односложными лексемами, и вторая часть – инициаль *-л*, сравнимая с *-lù*, *-lì* и *-lè* в китайских двусложных лексемах, лишившихся конечных гласных в результате диерезы (см. *кул* - *кули*).

Корневая морфема в словах: *кул/кулүү* «смеяться, наслаждаться, смех», *кулку* «смех» допускает сравнение с китайскими слогами *ко*

детальный, убористый, плотный». В киргизском примере произошла выкидка конечного гласного. С этим примером легко сравнивается корреляция киргизского корня *жым* «тихий, молчаливый, закрытый» (*жым бол* «тихо! молчи!», *жымда-/жымдоо* «сообщать мимикой», *жымдаси-/жымдасуу* «скрыто обмениваться мнением, информацией; сговариваться») и китайских первичных и производных слогов: 1) *jī* «тайна, секрет, секретный»; *jīmi* «секрет, тайна, секретный, конфиденциальный»; 2) *jì/jì* «тихий, молчаливый, уединенный, в тишине, тишина, безмолвие», *jìdò* «тихий, одинокий, уединенный, безлюдный, тихо; скука, скучать». Китайские слова *jīmi* и *jìdò* построены по принципу плеоназма: к слогам *jī* и *jì/jì* присоединены синонимичные с ними слоги *mì* «тайный, секретный, конфиденциальный; тайно, втайне» и *dò* «молчать, безмолвствовать; молча, молчаливо; без слов, в уме, про себя, тихо, без шума; молчание, безмолвие». Мы предполагаем, что выкидка конечных гласных из производных китайских слов привела к сокращению номинантов тишины в киргизском языке (об этимологической идентичности китайского *dò* «молчать» и киргизского *моо* «тихий, молчаливый», китайского повтора *mimì* «тайна, секрет, тайный, секретный, конспиративный, тайно, втайне, секретным путем» и русского *мимика* [Зулпукаров 1994: 365]).

Как видим, более компактные эквиваленты в данных соответствиях выступают как вторичные, а развернутые – как первичные.

Если в предыдущих примерах мы имеем дело с проявлением диерезы, то в следующих мы затрудняемся определить наличие или отсутствие этого фонетического явления. Сравнение корневой морфемы в киргизских словах *кубан-/куван-//кубануу/кувануу* «радоваться, радость», *кубант-/кубантуу//кубандыр-/кубандыруу* «радовать, обрадовать, вызвать чувство радости, радостное настроение», *кубанычтуу* «радостный, веселый, резвый» с китайским слогом *hua*

3. Выкидка звука из состава корневой морфемы приводит к «сжатию» объема словесного знака и является одним из путей увеличения расхождений в фонетическом облике идентичных по происхождению слов в родственных языках.

Список использованной литературы:

1. Бертагаев Т.А. Об анлауте и некоторых этимологических наблюдениях в алтайских языках // Структура и история тюркских языков. – М., 1971. – С. 301-309.
2. Зулпукаров К.З. Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии и некоторые проблемы ностратических этимологий // Внедрение новых технологий в учебный процесс как средство повышения качества обучения. Сборник научных трудов. Выпуск 5. Ош, 1994. – 120-123 с.
3. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. - Бишкек, 2016. – 768 с.
4. Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М. Проте́за в киргизско-китайских лексических соответствиях // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17-18 ноября 2016 года, г. Москва. - М.: Издательство РУДН, 2016. – С. 307-312.
5. Зулпукаров К.З., Зулпукарова А.К. О генезисе и развитии личных местоимений в ностратических языках // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17-18 ноября 2016 года, г. Москва. - М.: Издательство РУДН, 2016. – С. 284-293.
6. Иванов А.И., Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка. Изд. 3-е, стереотип. – М., 2003. – 304 с.
7. Словарь иностранных слов. Изд. 9-е, испр. – М., 1982. – 607 с.
8. Словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. Том III. – М., 1983. – 750 с.
9. Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. – М., 1975. – 575 с.
10. Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык. – М., 1965. – 115 с.

О МОТИВИРОВАННОСТИ СЕМАНТИКИ
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯЗЫКЕ
ТИЛДЕГИ ЛЕКСИКА-ГРАММАТИКАЛЫК БИРДИКТЕРДИН
МААНИСИНИН ЖҮЙӨӨЛҮҮЛҮГҮ ЖӨНҮНДӨ
ON MOTIVATION OF SEMANTICS
OF LEXICO-GRAMMATIC UNITS IN LANGUAGE

Зулпукаров К.З. – д.ф.н., профессор,
Ошский государственный университет, г. Ош. Кыргызстан.
email: zulpukarov48@mail.ru

Аннотация: В статье сравниваются китайско-киргизские общие корневые морфемы, словосочетания, предикативные образования, которые имеют тождественное происхождение. В ней доказывается, что семантика многих киргизских слов и их сочетаний мотивируется в своем исходе первичными корневыми морфемами-слогами в китайском языке.

Аннотация: Макалада кытай, кыргыз тилдериндеги теги бирдей жалпы уңулуу морфемалар, сөз айкаштары, предикативдик түзүмдөр салыштырылат. Мында кыргыз тилиндеги көптөгөн сөздөрдүн жана сөз айкаштарынын семантикасынын келип чыгышы кытай тилиндеги баштапкы уңулуу морфема-муундар аркылуу түшүндүрүлүүсү далилденет.

Annotation: The article compares the Chinese-Kyrgyz common root morphemes, word combinations, predicative formations that have the same origin. It proves that the semantics of many Kyrgyz words and their combinations are motivated in their outcome by primary root morphemes-syllables in Chinese.

Ключевые слова: китайский язык (ханью), киргизский язык, тюркские языки, общие слова, словосочетания и предложения, мотивация семантического строения лексико-грамматической единицы.

Ачык сөздөр: кытай тили (ханью), кыргыз тили, түрк тилдери, жалпы сөздөр, сөз айкаштар жана сүйлөмдөр, лексика-грамматикалык бирдиктердин семантикалык түзүмүнүн жүйөөлөнүүсү.

Key words: Chinese (hanju), Kyrgyz language, Turkic languages, common words, phrases and sentences, motivation of the semantic structure of the lexical-grammatical unit.

В данной работе термины ханью и китайский язык употребляются как синонимы. В ней мы пытаемся продемонстрировать мотивированность семантического строения киргизских лексико-грамматических единиц с точки зрения китайского языка, что свидетельствует об отдаленном генетическом родстве китайского и тюркских языков и их носителей.

В словарном фонде киргизского и других тюркских языков много таких слов, семантика которых наглядно и убедительно мотивируется китайскими первичными корневыми морфемами-слогами. Как хорошо известно, в ханью первоэлементом языка является не звук, а слог. Слог в нем выступает как минимальная, далее неделимая языковая единица, как элементарный носитель смысла, произносимый дифференцированно по тону. В ханью различаются ровный, восходящий, нисходящий, нисходяще-восходящий и нейтральный (немаркированный) тоны. Нейтральный тон характерен служебным

морфемам-слогам. В нашей работе тоновые различия слогов отмечаются с помощью надстрочных знаков.

С точки зрения ханью многие корневые морфемы тюркских языков оказываются производными, состоящими из древнейших слогов.

Китайское *ěr* «близкий, ближний, ближайший, недалекий, недавний, неглубокий» сравнивается с киргизским глагольным суффиксом *-ар, -ер, -ор, -өр* со значением сомнительного будущего времени: *кел-ер-мин* «наверное, я приду/приеду» (где *кел-* «прийти/приехать», *-ер* признак будущего сомнительного, *-мин* «я»), *бар-ар-сың* «ты, наверное, пойдешь/поедешь» (где *бар-* «пойти/поехать», *-ар* признак сомнительного будущего, *-сың* «ты»). С этим суффиксом сходен корень *эр* в слове *эртең* «завтра». Вполне можно допустить, что оно сложное и состоит из *эр* «будущее, ближайшее» и *таң* «утро, рассвет». Гласный звук второго слова подвергся прогрессивной ассимиляции, в результате чего произошел переход *эр + таң* в *эртең*. Теперь обратимся к фактам китайского языка. В этом языке есть слова *èr* «близкий, ближний, ближайший» и *dàn* «утро, рассвет, на рассвете, рано утром, утренний, день, дневная пора, днем, рассветать». Их сочетание могло образовать слово *er + tan*, к которому восходит киргизское наречие *эртең/эртеге* «завтра». А чередование *-н/-ң/-г* – распространенное явление в финальной части тюркских слов. Ср. в других языках: *эртен* в тур. диал., кумык., карачаево-балк., ног., алт., тув., *эртан* в узб. диал., *иртен* в хак., шор., бар., *иртан* в тат., башк., *эртең* в кирг., каз., ног., кара-калп., алт. языках в значении «утро, утром, наутро, поутру, рано утром; завтра, завтра утром» [3, 305-306]. Тот же корень *эр* мы обнаруживаем в слове *арзан* «дешевый, недорогой», где компонент *-зан* допускает сравнение со словом *зыян* «ущерб, вред, урон, убыток». Киргизское *зыян/зан* очень напоминает китайские лексемы 1) *xiàn/xiàn* (диал.) «нести ущерб, наносить ущерб, вредить, губить, запутывать, вовлекать в, ловить в (ловушку); яма, впадина, провал, западня, ловушка; проступок, ошибка, промах»; 2) *xiǎn* «вредить, портить, пресекать путь, воздвигать преграды, создавать препятствия»; 3) *jiǎn/jiàn* «экономить, экономный, бережливый, скудный, бедный, недостаточный, недостаток, неурожай, экономия, умеренность, бережливость»; 4) *jiǎn/xiàn* «уменьшать(ся), убавлять(ся), снижать(ся), сокращать(ся); уменьшенный, сокращенный, вычитать, отнимать, минус; портить, вредить, убивать, выводить из строя»; 5) *qīǎn* «терпеть урон (ущерб), быть притесненным, подпруга» (ср. кирг. *чыгым* «расход, ущерб, убыль, отход»). В китайском языке отмечается инициальное чередование *x-/j-/q-*, передаваемое киргизским звуком *з-*. Таким образом, есть основание считать, что в древнем языке архиформа слова *арзан* могла иметь значение «близкий к ущербу, к убытку» [2, 16-18].

Необходимо отметить, что не все киргизские слова с конечным *-л* являются первичными, производными. Материалы ханью позволяют нам уточнить исход некоторых подобных корней.

Киргизское слово *кул* «слуга, раб» имеет эквивалент в китайском языке в виде *kūlì* «чернорабочий, слуга, носильщик; не щадить сил в работе, надрываться в тяжелом труде». Смыслово-формальная общность двух сравниваемых слов налицо. Мы здесь первичной считаем китайскую лексему на том основании, что китайский язык мотивирует семантическую структуру слова, поскольку оно состоит из двух взаимосогласованных самостоятельных слогов: 1) *kū* «тяжелый, мучительный, жалкий, бедный; мучиться, страдать, горечь, страдание, мучение, несчастье» и 2) *lì* «подчиняться, принадлежать; зависимый, подчиненный; слуга, раб». Эта двусложная лексема на киргизской почве лишилась конечного гласного звука, подвергаясь сокращению и превращаясь в закрытый слог.

Киргизское *жол* «дорога, путь, трасса, дистанция, расстояние, след, колея, полоса, выход, проход» можно сравнить с китайскими лексемами: 1) *zhù/zhuó* «след, колея, путь,

наследие, дело, деяние, образец, пример»; 2) *zhé/chè* «колея, след колес, путь, дорога, образец, выход, столб, класс рифм». Здесь мы имеем дело с чередованием в китайских инициалах в виде *zh-/ch-*, соответствующих киргизскому начальному *ж-*. Различны финали: кит. *-ú/-uó/-é/-è* = кирг. *-ол*. Последнее можно было бы объяснить как соответствие киргизского закрытого слога китайскому открытому и признать первичным более развернутую, то есть киргизскую форму (*жу/жуо/же/че* из *жол*), если бы в китайском языке отсутствовали примеры, которые значительно дополняют и поясняют эти сравнения:

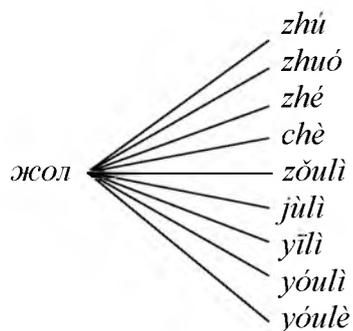
1) кит. *zǒulù* «идти по дороге, путешествовать», состоящее из слогов: *zǒu* «ходить (пешком), идти, прохаживаться, двигаться» и *lù* «дорога, наземный, по суше, сухим путем»;

2) кит. *jùlì* «расстояние, дистанция, просвет, пробел, дальность действия, дальнобойность, досягаемость», состоящее из слогов: *jù* «крупный, огромный, громадный» и *lì* «расстояние, на расстоянии, расходиться, удаляться, раздвигать, удалять»;

3) кит. *yīlì* «весь путь, тот же путь, вместе, по пути, с хода, по ходу»;

4) кит. *yóulì* «путешествовать, странствовать», *yóulè* «гулять, развлекаться, веселиться», которые, вероятно, состоят из слогов: *yóu* «гулять, прогуливаться, совершать экскурсию, обходить, объезжать, скитаться, бродить, кочевать, блуждать, путешествовать», с одной стороны, и, с другой, *lì* «расстояние, на расстоянии» и *lè* «радость, веселье, удовольствие; радоваться, веселиться, жить в радости; радовать, веселить; радостный, весело».

Инициали этих слогов *z-*, *j-* и *y-* соотносятся с инициалами *zh-* и *ch-* первых двух слогов как чередующиеся и могут быть отождествлены с киргизским начальным *ж-* в слове *жол*. Корреляцию приведенных корней можно представить схематически в следующем виде:

Китайские односложные (4) и двусложные (5) лексемы объединяются общим значением «путь, быть в пути, движение в пути», которое свойственно и их киргизскому аналогу. Мы допускаем предположение: киргизское *жол*, вероятно, производное и состоит из двух частей: первая часть – слог *жo-*, сравнимый с китайскими односложными лексемами, и вторая часть – инициаль *-л*, сравнимая с *-lù*, *-lì* и *-lè* в китайских двусложных лексемах, лишившихся конечных гласных в результате диерезы (см. *кул - кули*) [2, 235, 746-748].

Киргизские слова *кул* и *жол* имеют близкий фонетический облик к слову *чал* «старик, седой, пожилой мужчина, седой старик», которое тоже с точки зрения китайского языка является производным и, вероятно, состоит из двух первичных корней:

Плеоназм мы встречаем и в семантической структуре киргизского слова *сулуу* «красивый, изящный, прекрасный», которое сравнивается с китайским *xìlì* [сюли] «прекрасный, очаровательный, пленительный; красота, прелесть; прелестный», состоящим из слогов *xì* «цветущий, прекрасный, прелестный, изящный, тонкий; цветок, колос; цвести, расцветать» и *lì* «красивый, прекрасный, изящный, роскошный, цветущий, блестящий, чистый, прозрачный». Прозрачность семантической структуры китайской лексики служит основанием считать слово *сулуу* заимствованным из ханью. Конечный гласный на киргизской почве не подвергнут диерезе и даже, наоборот, заменяется долгим гласным. По требованию закона сингармонизма звуков слово *сюли* получает звучание в виде *сулуу*: серединный огубленный звук (второй компонент дифтонга первого слога) уподобляет себе как первый компонент дифтонга, так и гласный второго слога. Следовательно, фонетический облик слова *сулуу* приобретен в результате одновременного действия регрессивной ($y > u$) и прогрессивной ($y < u$) ассимиляции гласных. При этом последний гласный двусложного слова стал долгим, приобретая новое количественное свойство.

В киргизском языке есть существительное *куюн* «вихрь, смерч». Оно допускает сравнение с китайскими слогами: *kuī* «разваливаться, разрушаться, рушиться, распадаться, терпеть крушение», с одной стороны, и, с другой, *yǐn/yìn* «рушиться, развалиться, падать (с высоты), ронять, падать вниз», а также *yǐn* «вращать, вертеть, поворачивать, совершать кругооборот, двигаться, вращаться, кружиться, поворачиваться, кругооборот». Следовательно, мы имеем основание предположить о семантической мотивированности киргизского слова *куюн* фактами китайского языка. С этой точки зрения заслуживает внимания смысловое и фонетическое строение киргизского слова *кыян* «сильный, стремительный поток дождевой воды, дождевые потоки, наводнение». Китайские два слога: *kuī/huī* «прорвать плотину, вырваться из окружения, разлиться, затопить/залить всю округу; растечься, разбежаться, распасться, потерпеть поражение; разбитый, разграбленный; взволноваться, растеряться, растерянный, взволнованный, потерявший голову; разрушаться, прорываться, разбить, разгромить, нанести полное поражение; буйный, бурный, грубый, гневный, буйно, неудержимо» + *yǎn* «мокнуть, намочить, пропитаться водой, обливаться (слезами, потом); погружаться в воду, уходить (в глубину), покрываться водой, затонуть; тонуть, утопиться; задерживаться, застревать, медлить, медленно течь (о времени), глубоко вникать, уходить с головой, упорно овладевать (знаниями); мочить, намачивать, пропитывать, увлажнять; затоплять, заливать, наводнить, погружать в воду, окунасть; топить, окунасть с головой», сочетаясь между собою, могло передавать в древности значение «наводнение, сель». Каждый из данных китайских слогов имеет богатую семантическую парадигму. Из них вычлениются самые актуальные для речевой ситуации значения, которые в пределах требований сочетательной валентности слогов, образуя одну синтагму, привели к возникновению слова *кыян*. Слово *кыян*, следовательно, имеет китайскую мотивацию и, вероятно, восходит к сочетанию «разлиться + затоплять».

Китайский слог *dōu* «карман, мешок, кошель, корзина» очень напоминает киргизское *-төк/-той* в словах: *чөнтөк/чөнтөй* (в говорах) «карман, мешочек из мошонки быка», *окчөнтөй* «колчан». Последнее состоит из трех корней: *ок* «стрела» (тюркское) + кит. *chōng* «наполнять, заполнять, выступать в качестве» + *dōu* «карман, мешок». Вторая половина, вероятно, послужила базой для образования слова *чөнтөк/чөнтөй*.

Киргизское слово *төлө/төлөө* «землянка; сложенный из камней шалаш (где скрываются охотники, которые ставят сеть на ловчих птиц)» этимологически связано с китайским *tǔláo* «тюрьма-подземелье, яма», где *tǔ* «земля, почва, земляной», *láo* «тюрьма, загон, хлев; надежный, крепкий, прочный».

В киргизском языке имеется лексема *шуушаң* «большие ножницы для стрижки овец, требующие работы двумя руками», которая тоже мотивируется фактами китайского языка, где *shǒu* «рука, ладонь, рабочие руки, умение, мастерство, мастер, умелец, вместе в руках, держать в руке, ловить, сдерживать, охватывать рукой», *shuāng* «два, оба, пара, ровня, парный, удвоенный»; ср. *shǒuzhǎng* «ладонь».

Сочетание китайского слога *shuò* «яркий, блестящий, сверкающий; высокий, возвышенный, образцовый; плавить, расплавлять; сжигать, испепелять, уничтожать; новолуние, утро, рассвет, начало суток» со слогом

уподобляться; быть таким же, как; соответствовать, отвечать, сообразовываться с; равняться, равно; похоже, кажется, как будто, будто, словно, наподобие; подобно тому как; соответственно, согласно, по, или, либо»; 3) *r*

«скупка, скупать, оптовая покупка, покупать оптом (партиями)», *dùn/dūn* «тонна» (ср. франц. *tonne* «тонна») + *yán* «идти (вниз) по течению, идти вдоль/по краю; прилегать к, примыкать к, граничить вплотную с, продолжать традицию, блюсти, сохранить в силе, следовать за; вдоль, по, согласно, в соответствии с, в зависимости от; берег, край воды» (кирг. *жан-* в словах: *жана* «и, также, недавно, только что, рядом с, с», *жанда-/жандоо* «быть около, быть/находиться рядом в походе, поездке, путешествии и т.д.», *жандап жүрүү* «идти сопровождая, идти рядом с», *аялын жандап* «сопровождая жену», *чоң жолго жандап жүрүү* «ездить вдоль большой дороги/шоссе», *жээк жандап/бойлоп баруу* «идти по берегу/вдоль берега») + *jiè* «граница, рубеж, межа, край; пограничный; пределы, рамки, границы; сфера, круг; граничить, ограничивать, разделять, отделяться»; *zhōng* «конец, окончание, крайняя точка, окончность, конечный; последний, наследок, в конце концов; весь до конца; закончиться, прийти к концу» (ср. *чек* «предел, граница, рубеж, межа, участок», *чек коюу* и *чекте-/чектөө* «ограничивать, ставить предел, определить зону действия, ограничение», *чек ара* «(государственная) граница», *чек эмес* «не предел, не конец, не окончание», *чегине жетти* «дошел до крайней точки, до финала», *өмүрдүн чегин* «конец жизни», *чектүү* «ограниченный, предельный, конечный» *чектеп* «пограничный, смежный; имеющий общую границу», *чекебел/жакабел* «около, вокруг, периферия, окружение, пограничная зона») + *suǒ* «излишек, остаток, с лишним», *dé* «получать, добывать, обретать», *suǒdé* «доход» (ср. кирг. *соода* «торговля, купля-продажа»). Слог *suǒ* мы находим и в слове *lèsuǒ* «вымогать, шантажировать», первая часть которого (*lè*) обозначает «принуждать, вымогать, силой требовать». Китайское сложное слово *lèsuǒ* соответствует киргизскому *аласа* «то, что причитается с кого-нибудь; то, что положено взять; ангел смерти» с протетическим гласным.

Словосочетание *майда манты* «мелкие манты» этимологически связано со слогами: *mǎo* «маленький, мелкий, мельчайший, ничтожный, тонкий, нежный, тончайший» + *dā* «пачка, связка, стопка, ряд, полоса, прядь» + *mántou* «хлебец, приготовленный на пару, пампушка, паровые пирожки». Здесь слоги *mēn* «томить, тушить (в посуде на медленном огне)» / *mèn* «закрывать наглухо, плотно закрытый» / *mèn/mēn* «томить, тушить (на огне), томлённый, тушённый; отпаривать, отмачивать; душный, спертый, душно» и *tóu* (словообразовательный суффикс, обозначающий предметы округлой формы), сочетаясь между собой, образовали название известного у нас блюда в качестве главного слова в определительном словосочетании.

Что касается словосочетания *унаа жуучу жай* «автомойка», то его составляющие тоже имеют этимологически идентичные эквиваленты в китайском языке.

В киргизском языке есть слово *улоо/ылоо/унаа* «рабочий скот, тягло, тягловая сила; верховая лошадь; транспорт». Оно находит соответствия в других тюркских языках: *улаг* в тур., туркм., уйг., сарыг-югур., сагай., тувин., шор., койб., качин. яз., *улау* в каз., кара-калп., *улаа* в лебедин., *улав* в узб., *лав* в казах., кара-калп., чуваш., *улак* в азерб. (*улак арба* «телега»), в тат. диал., лобнор., куманд., чаг., тур. диал., *олаг* в сарыг-югур., *олак* в узб. диал., *ылав* в башк., *ула* в алт., *унаа* в телеут., алт., *унага* в куман. языках [4, 69-70; 5, 588-559]. Здесь видно, что в тюркских названиях вьючного животного произошло чередование *л/н*. Наиболее распространенным является вариант со звуком *л*. Нет оснований считать, что конечный согласный в этих примерах является суффиксом. Видно, что они допускают возведение к общему пракорню, рефлексией которого, на наш взгляд, выступают китайские наименования вьючных животных. По нашему предположению, тюркский формант *улоо/улак/лав/лак* соотносится с китайскими слогами *liú* «мул», *liú* «белая лошадь с черной гривой», *liútiú* «(двугорбый) верблюд, верблюды (вьючный верблюд)». Киргизское *лөк* «одногорбый верблюд-самец» очень напоминает эти китайские слова. Конечный согласный (-в, -к, -г) не является суффиксом, а рефлексией второй части

дифтонга *uo*. Мы как раз сравниваем киргизское *улоо/ылоо/унаа* «рабочий скот, тягло, верховая лошадь» с китайскими слогами *liú* «маршрут, экипаж, колесница», *liú* «мул», *lǐ* «осел»; *liútuó* «двугорбый верблюд». Таким образом, первый компонент рекламного словосочетания является одним из вариантов номинантов вьючных транспортных средств, общих для сино-алтайских семей [3, 308-310].

Второй компонент рассматриваемого словосочетания имеет корень *жуу-* «мыть, смывать, стирать (белье), обмывать (труп), омовение» (ср. *жуун-/жуунуу* «умываться, купаться, очищаться», *жуундур-/жуундуруу* «заставить купаться, позволить умываться, заставить принять ванну»; азерб. *йу-* «мыть», халадж. *йуу-* «мыть») и сравнивается с китайскими слогами: 1) *yǐ* «совершать омовение, купаться, очищаться в; мыть, обмывать, купать, содержать в чистоте; купание, ванны»; 2) *yí* «мыло»; 3) *zhú* «мыть, полоскать, омываться, промываться; смывать позор, обелять себя (от позора), пить». К этому корню присоединяется суффикс *-чу/-чуу, -чү/чүү/-чы, -чи, -чу, -чү*, являющийся признаком глаголов длительного прошедшего времени. Ср., например: 1) *ойноо* «играть, игра» – *ойноочу* «(постоянно) играл», *ойночуу/ойночу* «играл (постоянно)» от *ойно-* «играй, играть»; 2) *билүү* «знать, знание» – *билүүчү* «знал (всегда)», *билчүү/билчү/билчи* «знал (всегда)» от *бил-* «знай, знать»; 3) *айтуу* «говорить, рассказывать» – *айтуучу* «(постоянно) говорил, рассказывал», *айтчуу/айтчу/айтчы* «(постоянно) говорил, рассказывал» от *айт-* «говори, говорить; Расскажи, рассказать» и т.д., что очень напоминает китайский суффикс *-zhù/-zhu*, участвующий в передаче постоянного и длительного действия в прошедшем времени (в гуанчжоуском диалекте) и подчеркивающий переход действия в устойчивое результативное состояние (со значением «накрепко, намертво, прочно»). Киргизский признак действия и материально, и семантически близок к гуанчжоускому суффиксу.

Третьим компонентом словосочетания является лексема *жай* «место, дом, жилище, жильё, квартира; место работы, заведение, предприятие, место жительства; могила, кладбище», которая идентична с китайским варьируемым слогом *zhái/zhè* «жилище, квартира, резиденция, усадьба; могила, кладбище; участок земли, земельная площадь; жить в (доме, квартире), обосноваться (обитать, поселиться) в; занимать место; основать, заложить». В составе словосочетания эти этимологически идентичные лексические единицы употреблены в узком и конкретном значении.

Киргизское словосочетание *опоң чычаң* обозначает детскую забаву: жердь, положенная поперек бревна, на концы которой садятся дети и качаются вверх-вниз. Его строение объясняется по-китайски: *pián* «парный, двойной, парой, вместе» и *chíchěng* «мчаться верхом на коне, скакать во весь опор».

Приведенные и проанализированные выше примеры, имеющие общее этимологическое строение, не являются исключительными и специально подобранными образованиями, а обнаруживают много аналогов в тюркских и китайском языках, что свидетельствует о явных этногенетических и социокультурных связях древних тюрков и ханзу [1, 16-25].

Сравнивая предложения киргизского и китайского языков, мы установили в них ряд общих типологических свойств и отдельные этимологические связи.

В настоящей работе приведем и проанализируем некоторые киргизские предложения, составляющие которых идентичны с китайскими корневыми морфемами по происхождению. Например, предложение *Айланайын, эжеке!* «вы милая/любимая, старшая сестра» (букв. «чтобы я кружился вокруг вас, старшая сестра»). Ключевые единицы данной фразы имеют материально-идентичные эквиваленты в ханью. Киргизские слова *айлан-/айлануу* «двигаться вокруг, кружиться, вращаться, вертеться, превращаться, выражать готовность стать жертвой ради адресата», *айланайын* «ты милый/милая; ты любимый/любимая», *айлана* «окружность, окрестность» соотносятся с китайскими

слогами:

которых, вероятно, образовало общетюркский суффикс *-ке*, присоединяемый преимущественно к названиям лиц мужского пола.

Киргизское предложение *Баянсулуу жакшы кыз эле* «Баянсулу была хорошей девушкой» имеет этимологическое строение, мотивированное первичными китайскими слогами. Имя фольклорной героини, весьма распространенное в кипчакско-тюркских языках, с точки зрения китайского языка состоит из четырех корневых морфем. Первая часть имени употребляется как отдельное слово: *баян* «рассказ, повествование». Его структура прозрачна с точки зрения китайского языка, где *bǎo* «драгоценность, сокровища, ценность, реликвия; ценная вещь, клад; драгоценный, ценный» и *yān* «слово, говорить», сложение которых, вероятно, образовало слово *bǎo + yān > баян*. Ср. также *bǎojiàn* «народное сказание». В слове *сулуу* «красивый, прекрасный, прелестный» два слога, которые имеют прямые соответствия в ханью: *xìu* [сю] «цветок, цветущий, прекрасный, прелестный, изящный» + *lì* «красивый, прекрасный, прелестный, изящный; прелесть, красота». Ср. слово *xìulì* «прекрасный, очаровательный; красота, прелесть», образованное в результате сложения двух синонимичных слогов. В киргизских эквивалентах под влиянием закона сингорманизма произошла ассимиляция гласных звуков [2, 309,369].

Китайское слово *yōushì* «преимущество, перевес, превосходство, доминирование, преобладание» по значению и звуковому облику очень напоминает киргизское *жакшы* «хорошо, хороший, лучше, лучший, превосходно, превосходный, знатный»; *жакшысыңбы?* «хорошо ли ты себя чувствуешь? как ты поживаешь?», *эл/журт жакшысы* «достойный из людей, превосходнейший из людей; глава, начальник».

Киргизское слово *кыз* «девушка, девушка, дочь, незамужняя женщина, женщина» допускает сравнение с китайским слогом *guī* «девушка, дочь, незамужняя женщина, женщина, женская половина дома; женский, дамский». Конечному *-ī* в китайском языке соответствует киргизский *-з* [8, 27]. Это не единичный случай. В современном китайском языке есть другие аналоги: слог *kuī* «смотреть, наблюдать, подглядывать, подсматривать, подстергать, следить, шпионить». В древнем китайском языке эти значения передавались слогом закрытого типа *kas* «оглянуться, посмотреть». Мы видим, что конечный согласный перешел в *-ī*. Древнекитайское *kas* мы сравниваем с киргизским словом *көз* «глаз, глаза». Этот факт свидетельствует о том, что киргизское слово сохранило древнейший звуковой облик слова. В киргизском языке есть и рефлексии китайского *guī* [гуэй]: *кудагый* «сватья (мать невесты, жениха или их пожилая родственница)», ср. *куда* «сват (отец невесты, жениха или их пожилой родственник)»; антропоним *Каныкей* (букв.) «дочь хана или жена хана» (имя жены эпического героя Манаса), где *-кей* напоминает китайское *guī*.

Таким образом, мы имеем финальные соответствия: кит. *-uī* = кирг. *-өз/ыз*.

Однако в тюркских языках звук *з* нередко чередуется со звуком *р*. Ср. *гыз* в азерб., *гыыз* туркм., *кыз* в тур., узб., уйг., кирг. кара-калп., тат., каз. и др., *кыс* в алт., гагауз., тув., *хыс* в хакас., *кыыс* в якут., а в чуваш. *хыр*, т.е. *з/с = р* [6, 17-18]; по-узбекски и по-уйгурски пишут *кыз*, произносят *кыз*). Чувашское *хыр* «дочь» объясняет происхождение киргизского сложного слова *кыз-кыркын* «разные девушки, все девочки, все дочери, женщины», образованного на основе повтора, т.е. *кыз-/кыр-* с собирательным значением. Последний слог *-кын* сравним с китайским слогом *gēn* «сопровождать, следовать (позади), идти вслед (за), быть вровень (с), равняться с, вместе с, вслед за, у, в равной мере». Переход *е* в *ы* легко объясняется действием прогрессивной ассимиляции, когда корневой звук *ы* жестко требует уподобления ему гласного следующего слога и лишения качества переднеязычности.

Итак, мы имеем дело с межъязыковым финальным чередованием *з/р* (тюрк.) // *й* (кит.) в наименованиях концепта «дочь, девушка». Это чередование мы находим и в номинантах концепта «глаз, глаза»: кирг. *көз* «глаз, глаза» (татар. *күз*), *көр* «видеть,

глядеть, слепой (южн., эвфемизм)» (татар. *кур-*) и кит. *кит* «смотреть». Чередование *с/з/р/й* может встречаться в финальной части идентичных по происхождению слогов даже одного языка, например, киргизского: *кес-* (резать, рубить), *каз-* «рыть» (*көзө-* «продырявить»), *кер-* в словах *керки* «тесло», *керт-* «рубить, отрубить, надсекать, делать зарубку», *кый-* «резать, рубить» и т.д.

Киргизское *эле* – служебный глагол для обозначения прошедшего времени: *мен айткан элем* «я говорил», *сен айткан элең* «ты говорил» и т.д., который сходен с китайским служебным слогом *le* (частица со значением «что-то случилось и возникла новая ситуация»). Отличие сравниваемых служебных слов состоит в наличии протетического гласного в киргизском эквиваленте.

Сказанное позволяет заключить, что конструктивно-семантическая структура киргизской фразы *Баянсулуу жакшы кыз эле* в своем исходе мотивируется китайскими слогами. Правда, в подобных предложениях между подлежащим и предикатом в китайском языке вставляется служебная частица *shì* «быть, являться», которая напоминает киргизские указательные местоимения *ушу/ушул, шу/шул* (в говорах) «это, этот, эта».

Теперь рассмотрим составляющие предложения *mǎ chī cǎo* «лошадь ест траву» с точки зрения киргизской лексикологии и фонетики. Каждое из слов-слогов является членом парадигмы и выбрано говорящим для выражения мысли. Фраза и ее составляющие прозрачны и отдаленно напоминают киргизские речевые произведения. Слог *mǎ* «лошадь» сходен с киргизским междометием *ма-ма*, употребляемым для зова лошадей. *Ма-ма* употребляется в речи взрослых в значении «лошадь» при обращении к маленьким детям. Это пример междометного именованья. Слог *chī* с процессуальным значением созвучен с глаголами *же* «ешь» и *ич* «ешь (жидкую пищу), выпивай», а объектное наименование *cǎo* – с существительным *чоп* «трава». Фраза же в целом переводится так: *Ат чоп жейт*. Здесь объект препозитивен относительно глагола-предиката. Если в китайском языке действие, процессуальность, протекание действия в момент речи заключены в слоге-морфеме, то в киргизском действие – в корневых морфемах *же* «ешь, есть; кушай, кушать» и *ич* «ешь (жидкую пищу), выпивай», продолжительность действия передается деепричастным суффиксом *-й* (*жей* «едя, кушая») и *-е* (*иче* «едя жидкую пищу, выпивая»), субъект действия (3-е лицо) – лично-глагольным суффиксом *-т* «он, она». Последнее очень напоминает китайский прономинатив *та* «он, она».

Слова *chī* «ест» и *же* «ешь», *жейт* «ест» тоже созвучны и напоминают казахское *же/жейди*, узбекское и уйгурское *йе/йейди* «ест» и даже русское *йе* (*йем* «кушаю», *йеешь* «кушаешь» и т.д.). Отметим, что китайскому *ch* в киргизском языке часто соответствует звук *ж*: значение «враг, противник» по-китайски *chóu*, по-киргизски *жоо*, значение «отвечать, откликаться, отзываться» по-китайски *chóu*, по-киргизски *жооп*, значение «толстый, пузатый» в ханью *chǒu*, в киргизском *жоон*, значение «цыпленок, птенец» по-китайски *chú*, по-киргизски *жөжө/чөжө*, в некоторых южных и узбекских говорах *жижи* «младенец» и т.д. Глагол *ич-* «есть (жидкую пищу), пить» представляет метатезу относительно китайского *chī* и тюркского *же-/йе-* «есть, кушать». В нем гласный предшествует согласному, в последних же согласные – гласным. Семантический объем корня *же-/йе-* шире значения корня *ич-*. Но эти корни часто образуют сложные слова: *жеп-ич* и *ичип-же* (с интерфиксами *-п* и *-ип*) «жить за чужой счет, есть не стесняясь, кушать вдоволь; брать подношение, получать взятку». Узость значения *ич-* (в отличие от *же-*) проявляется в том, что он употребляется при приеме жидкой пищи и напитка.

Объект представлен в ханью слогом *cǎo* «трава», который по звуковому облику сходен с киргизским *чоп* «трава». Китайское *с* соответствует киргизскому *ч* в целом ряде примеров: значение «брать в щепотку, щепотка» в ханью *сиō/сид*, в киргизском *чымчуу/чымчым*, значение «запутать, запутаться» по-китайски *сиō*, по-киргизски

чатышуу/чатытыруу и т.д. Киргизское *чөп* «трава» фонетически сходно с другим китайским слогом. В ханью есть слово *chǎo* «трава», которое может заменить слог *cǎo* «трава», образующий с ним одну семантическую парадигму. Китайским дифтонгам соответствуют звукосочетания киргизского языка (*ao=өп, io=ым, io=ат*). В китайской и киргизской фразе только порядок слов разный: объект в ханью занимает постпозицию относительно глагола, а в киргизском – препозицию.

Таким образом, мы имеем все основания считать, что китайская фраза *mǎ chī cǎo* имеет прямые соответствия в киргизском языке, что свидетельствует о возможном отдаленном генетическом родстве сравниваемых языков. В парадигмах каждой из частей предложения и парадигмосинтагме всего предложения мы имеем дело с материально и семантически сходными эквивалентами в двух языках.

Выше нами приведено и проанализировано три предложения: два из них на киргизском, одно на китайском. Все слова, использованные в них, имеют этимологически идентичные эквиваленты в обоих языках. Считаем, что эти соответствия являются не случайными, а подчиняющимися определенным закономерностям.

Список использованной литературы:

1. Зулпукаров К.З. Об этногенетических и социокультурных связях ханзу и киргизов по данным языка // Вестник Ошского государственного университета. – 2014. - №2. – С. 16-25. (Совм. с А.А. Зулпукаровой).
2. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. - Бишкек, 2016. – 768 с.
3. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные) – М.: Изд-во АН СССР, 1974. – 318 с.
4. Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М. Протега в киргизско-китайских лексических соответствиях // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17-18 ноября 2016 года, г. Москва. - М.: Издательство РУДН, 2016. – С. 307-312.
5. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Л». – М.: Изд-во АН СССР, 1980. – 632 с.
6. Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1967. - С. 17-80.
7. Севортян Э.В. Категория сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть II. Морфология. – М., 1956. - С. 19-35.
8. Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык. – М., 1965. – 158 с.

ФОРМЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ
РУССКОГО ЯЗЫКА
ОРУС ТИЛИ САБАКТАРЫНДАГЫ ОКУУЧУЛАРДЫН ӨЗ АЛДЫНЧА
ИШТӨӨ ФОРМАЛАРЫ
FORMS OF INDEPENDENT WORK OF PUPILS IN SUBJECTS OF
RUSSIAN LANGUAGE

*Калмуратова Г.А. – старший преподаватель,
каф. рус.филологии ЖАГУ
Акматабеков М. – преподаватель ЖАК*

Аннотация: В статье отражены основные формы самостоятельной работы учащихся по русскому языку. Материалы данной работы могут быть использованы в школьной практике обучения русскому языку.

Аннотация: Макалада орус тили боюнча окуучулардын өз алдынча иштөөсүнүн негизги формалары чагылдырылган. Макаланын материалдарын мектептерде орус тилин окутууда колдонууга болот.

Annotation: The article deals with the main forms of independent work of pupils in Russian language. The materials of this article may be used in teaching practice of Russian language.

Ключевые слова: самостоятельная работа, урок, знания, повторение, закрепление.

Ачык сөздөр: өз алдынча иштөө, сабак, билим, кайталоо, бышыктоо.

Key words: independent work, subgek, knowledge, repetition, consolidation.

Перед учителями русского языка и литературы стоит задача – уделять больше внимания активизации познавательной деятельности учащихся, развитию их самостоятельности в применении полученных знаний на практике. Знать, писал В.А.Сухомлинский, – это значит прежде всего уметь пользоваться знаниями. В наши дни степень интеллектуального развития человека определяется прежде всего тем, как может он умеет ориентироваться в безграничном море знаний, как может он пользоваться источниками знаний – книгами, интернетом. С увлечением может ученик учиться только тогда, когда он владеет важнейшими умениями и навыками, с помощью которых он может добывать новые знания.

Самостоятельная работа должна занимать достойное место в структуре обучающих уроков русского языка. Тщательно продуманная самостоятельная работа может решать несколько задач:

* прежде всего способствует закреплению пройденного материала, совершенствует учебно-языковые умения учащихся по изученной теме;

* развивает орфографические и пунктуационные умения учащихся;

* обогащает словарный запас учащихся, знакомит с новыми словами и их значениями;

* расширяет общий кругозор учащихся;

* развивает устную и письменную связную речь учащихся;

* развивает мышление, воображение, память учащихся и т.д.

Самостоятельная работа – основа закрепления и учебно-языковых, и правописных, и речевых умений учащихся. Однако в большинстве своем самостоятельная работа учащихся на уроках русского языка превращается в некий механический, а не творческий,

процесс, чему во многом способствует однообразный характер упражнений в школьных учебниках. Учителю необходимо изыскивать пути активизации самостоятельной работы учащихся.

Главная трудность при организации самостоятельной работы – распределение времени урока. Здесь нужно находить время на всех видах обучающих уроков, включая и уроки объяснения новой темы. Практика показывает, что только детальное продумывание каждого элемента урока поможет находить время для самостоятельной работы.

Большинство уроков, проводимых в школе, – это уроки объяснения новой темы. На уроках объяснения новой темы этап закрепления может включить самостоятельную работу учащихся. Этому элементу урока отводится до 15 минут. Значит, учитель должен тщательно продумать эту часть урока, чтобы самостоятельная работа учащихся была продуктивной.

Уроки закрепления и повторения, а также уроки развития речи имеют больше возможностей для организации самостоятельной работы.

Мы хотим рассказать о некоторых эффективных видах самостоятельной работы учащихся на уроках русского языка. Это подбор примеров, составление словосочетаний, предложений и их схем, а также составление связных текстов и их планов, тезисов; работа по индивидуальным карточкам, по учебнику, по картине и т.д.

После изучения имени прилагательного с целью систематизации изученного планируется урок повторения. После коллективной работы и повторения теоретического материала учащиеся работают самостоятельно. Учитель выступает в роли консультанта. Самостоятельная работа должна быть разнообразной. Предлагаем следующие виды работ:

1. Сочинения по наблюдениям (описания) (2 ученика). Учитель организует систему наблюдений природы, отдельных предметов и процессов. Устные рассказы и письменные сочинения обобщают, упорядочивают результаты наблюдений. Работая над описанием, ученики выявляют признаки наблюдаемых предметов, выявляют существенные признаки, синтезируют. Описания приучают школьников к высокой точности в выборе слов, к строгой последовательности изложения, четкости в словесном оформлении своих знаний. Предлагаем следующие темы для описания: «Яблоко», «Часы», «Деревья весной и осенью», «В лесу летом», «В саду осенью», «В магазине игрушек», «Закат солнца», «Как правильно посадить дерево», «Наша Мурка», «Моя кукла», «Мой друг», «Моя подруга», «Моя семья», «Как мы убрали овощи» и др.

Приведем пример устного описания букета цветов. На столике стоит ваза, в ней – цветы: тюльпаны, веточка сирени, нарциссы.

Минута дана детям на молчаливое рассматривание; затем беседа:

- Все ли цветы вам знакомы? Назовите их. Опишите их.
- Нравится ли вам букет? Какие еще весенние цветы вы знаете?

2. Сочинения-миниатюры (2 ученика). Широкую популярность приобрели сочинения малых форм, или миниатюры. К сочинениям-миниатюрам предъявляются все те же требования, что и к сочинениям крупных размеров. Однако подготовительная работа здесь занимает значительно меньше времени; длительные наблюдения не нужны, беседа очень короткая (всего 2-3 вопроса) или совсем отсутствует, план не составляется. Нередко добавляется грамматическое задание. Дети используют в сочинении-миниатюре изучаемые грамматические формы, активизируют их. Приведем примеры таких сочинений:

Котенок

Маленький котеночек ползал по полу. У него ушки остренькие, а сам он рыженький, глазки черненькие, точно бусинки. (Задание: употребить прилагательные; это помогло изобразить котенка живо и ярко.)

Снегопад

С вечера небо затянуло тучами. Потом повалил густой снег. Люди, которые шли по улице, были в снегу. Снег шел до самой ночи. (Задание: подчеркнуть окончания имен существительных, определить число, род, падеж.)

Систематическое выполнение подобных сочинений малых форм создает непрерывность в развитии связной речи, повышает самостоятельность учащихся.

3. Сочинения по картине (2 ученика). Чрезвычайно велика роль картины в развитии речи учащихся. Картина воздействует на чувства ребенка, помогает глубже осознать те явления, которые уже знакомы школьнику. Картины развивают наблюдательность, воображение учащихся, учат понимать искусство живописи.

Описание картины – самая трудная форма сочинения. Здесь ученик, используя свои знания, свой жизненный опыт, должен создать в воображении сюжет, наметить действующих лиц, представить себе обстановку, на фоне которой протекает действие до и после того момента, который запечатлен на картине. При этом учащийся должен контролировать себя, чтобы его вымысел не противоречил действительности.

Работа по картине, как и любая работа, должна проводиться по принципу «от простого к сложному». В начальных классах дети описывают картину по вопросам, выявляя, во-первых, тему картины (что на ней изображено; во-вторых, ее композицию, передний план, задний план, расположение предметов; наконец, идейный смысл, «настроение» картины. От класса к классу требования к описанию картины усложняются, вводятся элементы анализа, развивается наблюдательность детей. Картины оживляют урок, заинтересовывают учащихся, активизируют их, вызывают желание высказаться, что для учителя является важным.

4. Работа с учебником (1 ученик). Учебник, являющийся для ученика одним из источников получения им знаний и навыков по русскому языку, занимает видное место и в процессе обучения, и в процессе усвоения учеником программного материала, в его самостоятельной работе в классе и дома.

Учебник своим материалом, его расположением, характером заданий, последовательностью, их системой как бы подсказывает учителю тот методический путь, которым он должен идти в своей работе. Но учитель не должен слепо следовать за учебником, механически отрабатывая с учащимися каждое упражнение и все упражнения подряд в полном их объеме.

Знание класса, творческий подход учителя к своему делу должны подсказать ему, какие упражнения не следует давать вовсе, чтобы не тратить напрасно силы и времени учащихся, какие нужно выполнять только частично (например, из десяти данных в упражнении примеров разобрать только три-четыре, опустить наиболее легкие из них или трудные для данного состава учащихся).

Работа с учебником является одним из основных видов самостоятельной работы по русскому языку. Обычно с учебником работают сильные и активные ученики. Учитель указывает упражнение и объясняет, как необходимо выполнить данное упражнение.

5. Составление диалога (2 ученика). Диалог представляет собой цепь реплик, которые порождаются в процессе общения двух лиц, поэтому в диалогической речи наиболее ярко проявляется функция речи как средства общения. Диалогическая речь характеризуется эмоциональностью, употреблением междометий, вводных элементов, обращений, формул речевого этикета. В ней кроме вопросительных и повествовательных предложений широко используются восклицательные предложения. В процессе общения диалогическая речь – это чаще всего неподготовленная, ситуативно-обусловленная речь. Довольно часто сам диалог непонятен без описания ситуации, в которой происходит диалогическая речь. Речевые ситуации на уроке могут создаваться путем словесного

описания. При обучении диалогической речи необходима языковая подготовка. Нужно давать опорные слова, напоминать мотив речи, подсказывать форму выражения, наталкивать на употребление запланированных слов и выражений. С целью развития умений диалогической речи используются следующие виды работ: составление диалогов по образцам, по заданной ситуации, по данному началу, по данному концу; трансформация диалогов в связи с изменением ситуации; создание ситуаций, в которых может возникнуть аналогичный диалог и т.д. Предлагаются следующие ситуации: в магазине (диалог между вами и продавцом); в библиотеке (диалог между вами и библиотекарем); вы задержались у друга (разговор по телефону с мамой); ваших родителей пригласили на родительское собрание в школу (разговор между вами и родителями) и т.д.

6. Составление полилога (3 ученика). Полилог (или беседа) – это речь, которая порождается в процессе общения более двух лиц. Беседа может проводиться по прочитанному или прослушанному тексту, по картине, по наблюдениям, по любой теме. Предлагаются для составления полилога следующие темы: «Кем я хочу быть?», «Как я провел летние каникулы?», «Моё хобби», «Мой день», «Мой любимый актер», «Мой идеал» и др.

7. Решение кроссворда (1 ученик). Кроссворд – это игра, состоящая в разгадывании слов по определениям. К каждому слову даётся текстовое определение, в описательной или вопросительной форме указывающее некое слово, являющееся ответом. Ответ вписывается в сетку кроссворда и, благодаря пересечениям с другими словами, облегчает нахождение ответов на другие определения. Буквы загаданных слов вписываются по одной в каждую ячейку. Ячейки имеют вид квадратных клеток, собранных в прямую линию. Сетка кроссворда состоит из слов, написанных по вертикали (сверху вниз) и по горизонтали (слева направо). Слова-ответы должны быть в единственном числе, мужском роде, именительном падеже.

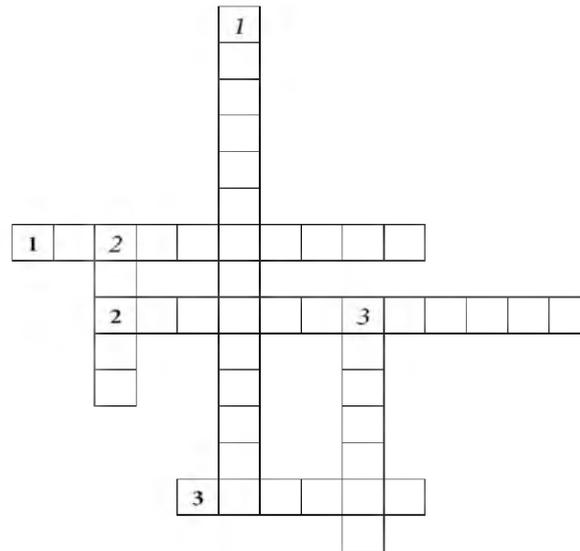
Предлагаем следующий кроссворд по теме «Имя прилагательное».

По вертикали:

1. Часть речи, которая обозначает признак предмета и отвечает на вопросы какой? чей?
2. На какой вопрос отвечает слово **весёлый**?
3. Прилагательное, образованное от существительного **война**.

По горизонтали:

1. Антоним прилагательного **небрежный**.
2. Разряд прилагательного, который имеет степень сравнения.
3. Прилагательное, образованное от существительного **вера**.

8. Работа по индивидуальным карточкам (4 ученика). Карточки как дидактический материал являются очень удобным, гибким средством для организации планомерной индивидуальной самостоятельной работы. Использование карточек позволяет намного сократить время, затрачиваемое на подготовку к проведению индивидуальных занятий, и тем самым существенно облегчает труд учителя. Предлагаем следующие карточки для самостоятельной работы по теме «Имя прилагательное».

Карточка №1

Напишите ответы на вопросы, употребив прилагательные в нужной форме.

1. Какую книгу прочитала сестра? (интересный)
2. В каком пальто пошел брат в театр? (новый)
3. Каким карандашом покрасил ученик листья? (оранжевый)
4. Какому брату Асан отправил письмо? (старший)
5. Чьи следы видны на снегу? (заячий)
6. Для каких классов было проведено собрание? (младший)

Карточка №2

Образуйте от полных прилагательных краткие. Составьте предложения с полными и краткими прилагательными, сделайте их синтаксический разбор.

- великий – ...
- правдивый – ...
- прекрасный – ...

Карточка №3

Образуйте от данных прилагательных формы степеней сравнения, составьте с ними предложения.

- высокий – ...
- красивый – ...

Карточка №4

Определите разряд данных прилагательных, распределите их по столбикам.

Зеленый, кирпичный, алёшин, серьезный, мамин, горячий, простой, медвежий, ночной, веселый, спортивный, заячий, молодежный, сестрин, талантливый.

качественные	относительные	притяжательные
.....

На выполнение вышеуказанных заданий отводится до 10 минут. После истечения 10 минут все учащиеся прекращают свою работу, так как они должны внимательно слушать, анализировать и делать выводы. Ведь ученики получают знания не только из уст учителя, но и от товарищей. При такой организации занятий большое значение приобретает руководство работой учащихся со стороны учителя. Занимаясь со слабыми учениками, учитель одновременно должен следить за тем, как протекает работа сильных учеников. Иногда в роли консультанта могут выступать сильные ученики. Последние минуты урока посвящаются подведению итогов, а также выставлению и комментированию оценок. Самостоятельная работа должна проводиться систематически. Только в этом случае она будет результативной. Но результат зависит прежде всего от умелой организации и большой любви учителя к своему делу и детям.

Список использованной литературы:

1. Архипова Л.В., Шахова Л.А. Самостоятельные работы по русскому языку. Тамбов, 2013.
 2. Игнатьева Т.В., Тикунова Л.И. Диктанты и творческие работы по русскому языку. Москва, 2008.
 3. Кулькевич С.В., Лакоцетин Т.П. Совсем необычный урок. Ростов-на-Дону, 2001.
 4. Торопопова И.А. Индивидуальная работа учащихся на уроках русского языка и литературы как залог повышения качества образования. Москва, 2012.
- Чернякова Т.Л. Самостоятельная, творческая, учебно-исследовательская работа учащихся на уроках русского языка и литературы.

ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПТА КЫРГЫЗЧЫЛЫК В КЫРГЫЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
 КЫРГЫЗ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯСЫНДАГЫ “КЫРГЫЗЧЫЛЫК”
 КОНЦЕПТИНИН МААНИСИ
 THE IMPORTANCE OF THE “KYRGYZCHYLK” CONCEPT
 IN THE KYRGYZ LINGVOCULTURE

Мадмарова Г.А. – к.филол.н., доцент,
 ОшГУ г.Ош, Кыргызстан

Аннотация: Данная статья посвящена выявлению значения и роли в кыргызской лингвокультуре многогранного концепта «кыргызчылык». Это один из ключевых концептов, который дает ключ к пониманию национального характера кыргызского народа.

Аннотация: Бул макалада ар тараптуу “кыргызчылык” концептинин кыргыз лингвомаданиятындагы мааниси жана орду каралат. Бул кыргыз элинин улуттук мүнөзүн түшүндүргөн негизги концепттердин бири.

Annotation: This article is devoted to the identification of the significance and role in the Kyrgyz linguoculture of the multi-faceted concept of "kyrgyzchylyk". This is one of the key concepts that gives the key to understanding the national character of the Kyrgyz people.

Ключевые слова: кыргызчылык, концепт, концептосфера, ментальность, специфичность.

Ачык сөздөр: кыргызчылык, концепт, концептосфера, менталдуулук, спецификалуулук.

Key words: kyrgyzchylyk, concept, conceptosphere, mentality, specificity.

Словари разных языков располагают разными универсальными наборами понятий, и потому не все, что может быть выражено на одном языке, может быть выражено (без добавлений и пропусков) на другом. Современные методы изучения лексической семантики и результаты, полученные при их применении к материалу определенного языка, показывают, что значение большого числа лексических единиц (в том числе и тех, которые на первый взгляд кажутся имеющими переводные эквиваленты в других языках) включают в себя лингвоспецифичные конфигурации идей. При этом нередко обнаруживается, что эти конфигурации смыслов соответствуют каким-либо представлениям, которые традиционно принято считать характеристиками именно для «русского», «восточного», «западного» или же иного взгляда на мир.

А.Вежбицкая считает, что «во всех языках мира имеются слова для обозначения основных человеческих понятий и все, что вообще может быть выражено, может быть выражено путем правильного соединения этих понятий» (Вежбицкая 2002: 15). Мы не совсем согласны с этим утверждением, так как перевод многих слов и выражений с одного языка на другой не является адекватным. Как, к примеру, перевести русское «авось» или кыргызское «тобокел» на другие языки? Перевести можно все, но эквивалентность перевода может оказаться под сомнением. В таких случаях мы можем говорить о том, что языковые данные могут служить ключом к пониманию каких-либо культурно значимых аспектов восприятия мира. Анализ русской и кыргызской лексики позволяет выявить целый ряд мотивов, устойчиво повторяющихся в значении многих лингвоспецифичных и плохо поддающихся переводу лексических единиц и фразеологизмов, которые при этом, как правило, не попадают в ассертивный компонент высказывания. Сюда относятся такие

экспоненты концептов, как русские *авось, заодно, удаль, приволье* и т.п., и кыргызские *тобокел, чиркин, кокуй* и т.п.

Также нужно учитывать то, что если какое-то понятие актуально для одного языка, то совсем необязательно, что оно будет актуальным и для другого языка. К примеру, в русском языке существует концепт *пастух*. В кыргызском языке есть *койчу* (пасет овец); *бадачы, уйчу* (коров); *жылкычы* (лошадей) и др. Разнообразие экспонентов кыргызских концептов объясняется недавним кочевым образом жизни народа, при котором скотоводство было одной из важнейших сторон кыргызского быта. Тем не менее, основные жизненные понятия у всех людей близки по своему смысловому наполнению.

Концептуальный анализ отражает ключевые концепты той или иной культуры, этнообусловленные модели восприятия мира, ценностные ориентировки и речеповеденческие установки и стереотипы. В этой связи представляется особенно важным изучение таких концептов, которые отражают ведущие тренды в современной цивилизации, а именно ориентацию на поиск национальной идентичности, стремление к сбережению уникальной самобытности каждого этноса, населяющего нашу планету.

Человек – носитель определенной национальной ментальности и языка, участвующий в совместной деятельности (и что особенно важно – речевой деятельности) с другими представителями национальной общности. Современным исследователям интересен не человек вообще, а человек в языке. Дело в том, что язык – единственное средство, способное помочь проникнуть в скрытую ментальность этноса, ибо он определяет утаенную область членения мира в той или иной культуре. Он расскажет о человеке такие вещи, о которых сам человек и не догадывается. Поэтому при исследовании человеческого сознания невозможно обойти стороной кванты знаний – концепты, которые формируются на основе когнитивных дифференциальных признаков.

Изучение же межкультурных концептов открывает широкие возможности для исследования индивидуальных языковых особенностей, характеризующих определенный этнос. Анализ языковой картины мира народа есть вместе с тем важный этап постижения глубинных закономерностей общезыковой картины мира, языковых представлений человека о мире, а также его духовного мира и духовной культуры общества.

В каждой культуре есть ключевые слова, которые имеют большое значение для жизни определенного народа. Ключевыми можно назвать такие концепты, которые являются носителями наиболее значимой информации об определенном этносе; передают ценные сведения об эпохе, отражают важнейшие факты и события того или иного времени и используются для описания быта, морали и жизни народа.

По Вежбицкой, «ключевые слова» - это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры. Она пишет: «В своей книге «Семантика, культура и познание» я попыталась показать, что в русской культуре особенно важную роль играют русские слова *судьба, душа и тоска*, и что представление, которое они дают об этой культуре, поистине неоценимо» (Вежбицкая 2002:3).

О концептах в кыргызском языке написано еще мало. Есть работы сопоставительного плана, сравнивающие понятия, выражаемые ими в русском и кыргызском, или английском и кыргызском языках. Это работы М.Дж.Тагаева, З.К.Дербишевой, У.Д.Камбаралиевой, Ы.А.Темиркуловой, Е.Н.Мурадымовой и др.

Но концепты, выражающие кыргызский менталитет, еще не выделены. Это довольно сложная задача, неоднозначная и спорная. Прежде всего необходимо рассматривать массовое сознание представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества. Ядром этого пространства является «национальная когнитивная база, понимаемая как определенным образом структурированная совокупность знаний и национально-маркированных и культурно-детерминированных представлений,

необходимо обязательных для представителей данного сообщества» (Лингвокультурологический словарь «Русское культурное пространство. 2004, с.11»). Это должны быть такие концепты, которые бы являлись ключевыми для понимания кыргызской национальной культуры.

Одним из самых ярких и значимых для кыргызов концептов, по нашему мнению, является концепт *кыргызчылык*.

Концептосфера его настолько необъятна, что репрезентировать его в нескольких словах просто невозможно. У одного из французских писателей, Жан-Поль Сартра, есть такие слова: «Пока Слово (в широком смысле, как Логос) не записано и не зафиксировано, пока оно переносится духом, оно живое. Как только его напишешь, начинается постепенный сдвиг: слово подвергается постепенному вымыванию своего бытия, мертвеет и вырождается в ложное подобие своего изначального импульса». Эти слова в полной мере относятся к концепту *кыргызчылык*. Дать его толкование и перевести на русский язык очень сложно, хотя каждый кыргыз в полном объеме понимает широкую концептосферу этого понятия. Подобные концепты можно сравнить с центральными точками, вокруг которых организованы целые области культуры. Тщательно исследуя эти центральные точки, мы, возможно, будем в состоянии продемонстрировать общие организационные принципы, придающие культуру и связность культурной сфере в целом.

В словаре К.Юдахина этот концепт репрезентируется как «все, что в отношении нравов и обычаев характеризует старый киргизский быт» (википедия). Сейчас слово *кыргызчылык* снова стало достаточно употребительным и характеризует не только старый быт народа, но и современный. В советские времена понятие *кыргызчылык* носило явный негативный оттенок, было синонимом отсталости и невежества. На русский язык это слово можно было экспонировать словом *кыргызство*, хотя без должного контекста перевод вряд ли что объясняет.

В известных академических трудах по кыргызской этнографии, истории или фольклору такой термин не встречается, хотя кыргызы часто используют данное слово в том или ином жизненном контексте. Возможно, это тот случай, когда явление существует столь давно и оно так органично, что потребность в его изучении до недавнего времени не возникала.

Само слово *кыргызчылык* состоит из двух частей : «кыргыз» + «-чылык». «Кыргыз», как известно, название этноса; «-чылык» (-чилик, -чулук -ч=л=к) – собирательный суффикс, обозначающий совокупность определенных свойств и качеств. Например, мусулманчылык – мусульманство, тууганчылык – родство, мейманчылык – гостеприимство и проч.

В широком смысле *кыргызчылык* – это все то, что так или иначе связано с традиционной идентификацией кыргызов: строгий патриархат, гостеприимство, крепкие кровно-родственные отношения, общинность, взаимовыручка, открытость миру. В настоящее время понятие *кыргызчылык*, по нашему мнению, входит в систему специфического мировосприятия кыргызов, систему идей и ценностей, присущих нашему народу. Оно закреплено в кыргызских пословицах и поговорках: *Тууган менен үч бөлүнсө жат болбойт. Туугандын өзү таарынса да, боору таарынбайт.*

Как и любое явление, рассматриваемый концепт имеет две стороны: положительную и отрицательную. Это и такие негативные черты менталитета кыргызов как трайбализм, деление людей по родам; это и устройство похорон и свадеб с таким размахом, чтобы все увидели богатство и авторитет определенного человека; это и строительство огромных необжитых особняков; покупка дорогостоящих машин с целью пустить пыль в глаза и проч. С другой стороны, это и законы гостеприимства, диктующие, что гость может явиться в любое время суток и на любой срок – все равно мы

должны с радостью принять и угостить его. Это и законы дружбы, когда отдаешь близкому другу все самое лучшее. Это и законы родства, которые обязывают нас всегда помогать родным, оказывая им и материальную и моральную поддержку. Древние законы почитания и уважения старших, когда без их советов не начинается ни одно важное дело. Неписанные законы патриотизма, любви к своей земле, языку, народу.

Сейчас эта ментальная особенность кыргызов, помогавшая выживать кыргызскому этносу в эпоху феодально-родового строя, во время народных бедствий и страданий, «стала пережитком, мешающим свободному, демократическому развитию личности. Природные условия дали возможность кыргызам в историческом прошлом жить безбедно, а кочевой общинный уклад жизни, далекий от современной цивилизации, предопределил ограниченный набор потребностей. Все это в совокупности внесло в ментальность кыргызов определенную степень беспечности, сопровождаемую такими чертами, как довольствоваться малым, надежда на случай, везение и помощь своих родственников (Койчуев 2007, с.301).

Концепт кыргызчылык репрезентируется и в таких выражениях, как *кор намыс*, *тобокел*. Кор намыс/ сокур намыс – это понятие ложного стыда. За «сокур намыс», как пишет Суранова, кроется «пустое тщеславие, поддельная гордость и ложный стыд..., правящий сознанием сотен тысяч людей, из-за которого тратятся немислимые суммы на проведение однодневных гуляний, тешится самолюбие, вызывается зависть окружающих, рушатся семьи, берутся кредиты в банках, запускается регресс и усиливается деградация общества...» (Суранова. ч II:URL).

«Знаменитая и любимая кыргызами фраза «Эл эмне дейт?» - «Что скажут люди?» - уже давно стала частью повседневного лексикона» - подмечает А.Суранова (Суранова. Ч II:URL). Именно эта стереотипная фраза определяет ментальность и поведенческие реакции кыргызов. Из чувства ложного стыда человек спускает все, что имеет на бесконечные тои, гулянки. Каждый старается провести свое мероприятие как можно пышнее, чтобы не ударить в грязь лицом перед людьми.

Беспечность в национальном характере кыргызов мотивируется концептом *тобокел*

1) авось; была не была; будь что будет; 2) перен. беспечный, тот, который надеется на авось да небось. М.Дж. Тагаев сближает кыргызский «тобокел» и русский «авось», а следовательно и черты кыргызского и русского национального характеров. Такие особенности, как вера в судьбу (бешенеге жазганы болот «случится то, что предначертано на лбу»), выбор позиции пассивного субъекта в сложившейся ситуации, надежда на благоприятный исход и удачу. В отличие от русского «авось», который может осуждаться (авось до добра не доведет, авось – дурак, с головой выдаст), «тобокел» в языковом сознании кыргызов имеет положительную коннотацию, толкая носителей языка на смелые, решительные, а то и безрассудные поступки (*тобокел – эрдин жолдошу* «риск – спутник молодца», *тобокелге бел байлап* – «решившись на все», *тартпас тобокелчи* – «смелый, решительный», *ойчул оюна жеткиче, тобокелчил барып келиптир* «пока думающий додумался, рискующий уже побывал и вернулся») (Тагаев 2015, с.132).

Рассмотренные выражения *кор намыс/сокур намыс* и *тобокел* помогают установить определенные черты национального характера кыргызов, а также репрезентируют некоторые стороны концепта *кыргызчылык*.

В словаре «Тушундурмо создук» понятие *кыргызчылык* поясняется следующим образом:

«Ата-бабалардын байыркы адам, жаратылыш, дүйнө түшүнүктөрүнөн тамыр алган көп кырдуу көрүнүш. Азыркы заманда анын саясий, коомдук, маданий, руханий кубулуштары бар. Кыргызчылыктын бир тармагы – элдик дарыгерлик, бул жерде кыргызчылык касиет деген сөзгө маанилеш» (Википедия).

То есть *кыргызчылык* представляется нам как оставшееся от предков понятие, которое предопределяет восприятие нами человека и природы; наше мировоззрение и миропонимание. Действительно, мы можем с полным правом сказать, что *кыргызчылык* является истоком национального менталитета, он влияет на наши поступки, принимаемые нами решения, стремления и достижения.

Определение этого феномена, данное в книге Мамырасула Тажиева и Ибрагим кызы Зульфийи, можно привести как типичное для многих наших современников: «Кыргызчылык – кылым карыткан, каада-салттуу, үрп-адаттуу, ырым-жырымдуу, учу-ченемсиз, чексиз эркин касиет» (Ибрагим к.З., Тажиев М. 2006:43), что переводится, как «кыргызчылык – это древняя, традиционная, неписанная, ритуальная, вечная, бесконечная и безграничная таинственная способность». *Кыргызчылык* кылуу – значит обратиться к нетрадиционной медицине (если традиционная не помогает). *Кыргызчылыгы бар* – люди с необычными, экстрасенсорными способностями.

Интересной нам представляется статья писателя А.Сариева, который опубликовал в газете «Көк Асаба» статью «Что такое «кыргызчылык»?»

«В старину, если кыргыз совершил неправильное дело или же провинился неверными высказываниями, он сам просил прощения: «Ну, прояви *кыргызчылык*, прости меня?!» «Кыргызчылыком» пользовались для достижения прощения: «Сказанное или сделанное нами не подходит к «кыргызчылык». Качества «кыргызчылык» были святым делом, воспитывающим людей в правильном направлении, открывающим дорогу. А сейчас установились неправильные мысли и мнения – стоит сделать плохое дело или сказать плохое слово – сразу говорят: «Это кыргызчылык» («Көк Асаба» №17 от 05.09.2012, с.5).

Там же А.Сариевым высказывается мысль о том, что с течением времени многие слова теряют свое исконное значение и приобретают совершенно иное толкование. Например, слово *хатун/катын* прежде было применимо лишь к женщинам высокого происхождения, а в настоящее время стало просторечным, грубым. *Халат* – верхняя одежда у тюркских народов: *нарядный праздничный, будничныи* – в настоящее время и в русском языке, и в кыргызском воспринимается как *домашняя одежда*. То же произошло и с концептом *кыргызчылык*, который в прежние времена имел лишь положительные коннотации, а сейчас может иметь и негативный оттенок.

По Асану Жакшылык-Нуру, *кыргызчылык*, если выразиться современным языком, это «кыргызмаданияттуулугубуз», то есть это понятие включает в себя все культурные ценности кыргызского народа, его духовность и национальную специфичность. Для него концепты *кыргызчылык* и *менталитет* равнозначны. Он очень подробно и интересно обосновывает свою точку зрения, хотя, на наш взгляд, *кыргызчылык* – это составляющая часть нашего менталитета, а не полностью заменяющее его понятие. Также, по нашему мнению, *кыргызчылык* включает в себя не только исключительно положительные, но и некоторые отрицательные стороны национального характера кыргызов.

Изучение ключевых концептов представляется нам особенно важным в связи с тем, что они отражают ведущие тренды в современной цивилизации, а именно ориентацию на поиск национальной идентичности, стремление к сбережению уникальности и самобытности каждого этноса, населяющего нашу планету.

Список использованной литературы:

1. Вежбицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов. М.: 2002.
2. Жакшылык-Нур А. Кыргызчылык. Бишкек, 2009.
3. Ибрагим к.З., Тажиев М. Теъир Ата (Отец Тенир).- Б.: Бийиктик, 2006.
4. Койчугев Т.К. Менталитет кыргызов: история и современность// Койчугев Т. Избр. соч. в 3 т. Бишкек, 2007.

5. Суранова А. Кыргызчылык. Ч.1. Паразитизм.
[URL:http://rus.azattyk.org/content/kyrgyzstan_blogs_suranova/24900934.html](http://rus.azattyk.org/content/kyrgyzstan_blogs_suranova/24900934.html) (4 марта 2013).
6. Суранова А. Кыргызчылык. Ч.II. Сокур намыс.
[URL:http://rus.azattyk.org/content/kyrgyzstan_blogs_suranova/249535274.html](http://rus.azattyk.org/content/kyrgyzstan_blogs_suranova/249535274.html).
7. Тагаев М.Дж. Диалог языков и культур. Бишкек, 2015.

МАСТЕР ОСТРОУМНОГО СЛОВА
 (поэт-сатирик М.Алыбаев в устных народных рассказах)
КУРЧ СӨЗДҮН ЧЕБЕРИ
 (эл оозеки аңгемелер акын-сатирачы М.Алыбаев жөнүндө)
MASTER OF WITTY WORDS
 (Poet-satirist M.Alybaev in oral folk stories)

Мурадымов Н.М. – к.филол. н., профессор, ОшГУ

Аннотация: В статье исследуется функциональная роль устных народных рассказов о мастере остроумного слова, поэте-сатирике Мидине Алыбаеве.

Аннотация: Макалада курч сөздүн чебери акын-сатирик Мидин Алыбаев жөнүндө эл оозеки аңгемелеринин функционалдык ролу изилденет.

Annotation: The article investigates the functional role of oral folk tales about the master of the witty word to the poet-satirist Midine Alibayev.

Ключевые слова: поэт-сатирик, остроумное слово, острота, ирония, сатира, жанр, устный народный рассказ, сказовая проза, повествование.

Ачык сөздөр: акын-сатирачы, укумчулсөз, курчтук, ирония, сатира, жанр, элдик оозеки аңгеме, баяндоосуз проза, аңгеме түрүндө айтуу.

Key words: witty word, poet-satirist, oral folk story, unsophisticated prose, narrative.

В истории кыргызской культуры много ярких имен, славящихся остроумием, находчивостью, умением насмешливым словом разоружить оппонента. Про острословах народ говорит: *акылы курч; ташка тамга баскандай, укумчул; куудул созчул*. У нас популярны имена *куудулов Бекназара, Жоошбая, Карачунака, Куйручука, Шаршена*. Не меньшей известностью и уважением пользовались в кочевом обществе *чечены* Мойтаке, Садыраке, Сартаке, Тилекмат, Кокотай. Видный русский ученый-тюрколог, академик В.В.Радлов, исследуя фольклор и поэзию кыргызского народа, отмечал: у этого народа есть подлинный культ слова, культ красноречия. По этой причине в кыргызском сообществе трудно было занять свою нишу на поэтично-словесном олимпе. В кыргызской литературе XX века особым предпочтением пользуются два мастера остроумного слова – это Райкан Шукурбеков и Мидин Алыбаев. Запоздало, но в наши дни однозначно они названы классиками сатиры и юмора (К.Мамбеталиев). А были времена, когда их имена старались реже упоминать, откладывая в сторону, когда следовало поощрить кого-то из писательской армии. Правда, самих поэтов это менее всего заботило. Им было достаточно народного признания.

К.Мамбеталиев прав: их не запрещали партийными постановлениями, книг из библиотек не изымали, но... побаивались его острот. Любопытен вот такой казус. Поэт, драматург, прозаик, переводчик Мидин Алыбаев (1917-1957), прожил короткую жизнь (ему в этом году исполняется столетие), но он оставил богатое и многожанровое наследие. Это был тонкий лирик, едкий сатирик - эпиграммист, пародист, опытный очеркист, умный рассказчик в прозе, добротный драматург в жанре комедий. Он проявил себя уверенно как профессиональный переводчик стихов русских (А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, В. Маяковский), пенджабских и узбекских поэтов.

Велико было удивление и недоумение общества, когда в Истории киргизской советской литературы, изданной под эгидой АН КР (Москва, 1970), о М. Алыбаеве было сказано мизерным абзацем следующее: «А 1947 году выходит небольшой сборник стихов

М.Алыбаева. В нем наряду с политической и гражданской лирикой большое место отведено любовной лирике. Многие стихи и песни Мидина Алыбаева, вошедшие в этот сборник, сейчас положены на музыку. В 1949 году он издает сборник стихов «Жаны ырлар» («Новые стихи»). После этого из-за болезни он долгое время не пишет и лишь спустя восемь лет, в 1957 году публикует сатирический сборник «Будь здоров», который был тепло встречен читателями» (ИКСЛ, 1970, с.237). И все: в других разделах, например прозы, публицистики, драматургии имя писателя обойдено вниманием. Пристрастие к зелью было названо щадяще: *из-за болезни*. Досужие знатоки говорят: из-за этого недуга и любили его люди: наш брат, свой?! Нет конечно, народ ценил в Мидине (так и говорили: наш Мидин!) его поэтическую независимость, нежелание прогибаться перед сильными мира сего. Было в нем что-то от непокорности Токтогула Сатылганова, Барпы Алыкулова, акынов-заманистов.

В народной массе имя поэта-сатирика было популярным стало еще при жизни, а после оно обросло легендами, байками, досужими домыслами, анекдотами. Этой молвы стало больше после его загадочной гибели в 1959 году: тело писателя нашли в столичной роще. Мифологическая масса вокруг его имени возросла неимоверно после 90-х годов: сняли все запреты на слово! В большинстве народных устных рассказах подчеркивается остроумие, мастерство комического /сатирического/ слова поэта. И часто люди задаются вопросом: что здесь правда, а что вымысел? Было такое события или рассказчики сами выдумали это о Мидине?

В этой статье мы попытаемся рассмотреть народные устные рассказы о поэте-сатирике, благодаря которым не только создается мидиноалыбаевская мифология, но ярче высвечивается образ поэта-сатирика, мастера родного слова. Будучи тесно связаны с реалиями биографии легендарного писателя, эти рассказы, если даже, допустим, не всегда соответствующие действительности, имеют право на существование. Люди убеждены: у Мидина так могло быть! Изучение функциональной роли народных рассказов, с учетом даже очевидных успехов мидиноведения, значимо, своевременно с учетом предстоящего юбилея писателя.

На рубеже XX-XXI веков кыргызское литературоведение сделало заметные шаги в изучении наследия поэта-классика. Объективный взгляд на творчество поэта наметился уже в статьях и материалах С.Карымшакова (1967), Ж.Абдраимова (1967), К.Бобулова, А.Жиркова (1967), Н.Удалова (1968) и др. О комическом даре, остроумии поэта говорил К.Осмоналиев в статье «Там, где был Мидин, там царил смех» («Мидиндин жургон жери кулку эле» (К. М. 13-Х-1967). В школьных и вузовских учебниках, справочниках теперь находим солидные статьи о поэте [4;5; 6, 7; 8], изданы новые сборники из наследия писателя [1;2; 3 и др.]. Защищена кандидатская диссертация «Поэзия Мидина Алыбаева и ее стилистические особенности» И.Султаналиевым (1997). Из последних весомых работ отметим раздел о Райкан-Мидиновской школе 50-60-х годов в «Истории кыргызской литературы XX века» О.Ибраимова [6], дающего объективную оценку значения мастеров слова в развитии национальной литературы. Автор уместно говорит о всенародной молве как оценки литературной репутации двух корифеев сатирического слова, искусства смеха. М.Алыбаева ученый определяет как представителя военного поколения, по праву занявшего ведущее место в литературе последующих лет [6, т.1, 402]. Автор истории прав и в утверждении, что обилие легенд, всевозможных рассказов-баек не только показатель их неординарной личной жизни, что тоже само по себе было интересным явлением, своим значением далеко выходящим за пределы собственно литературы, оно говорило о демократизации общественной и литературной жизни (там же, с.402). На самом деле, их оценки в сфере литературного хозяйства, суждения о литературных генералах и рядовых слова становились поистине

общественным мнением. Литературовед отмечает: многочисленные эпиграммы и остроты поэта воспринимались как своеобразный протест тому партийному официозу и чинопочитанию, которая в те годы глубоко проникла в общество [6, т.1, с. 403].

Подлинными классиками сатиры и юмора называет М. Алыбаева и Р.Шукурбекова литературовед К.Мамбеталиев в монографии «Сатира и юмор в кыргызской литературе» [7]. Думается, впервые в кыргызском литературоведении о М.Алыбаеве, как о мастере сатирического жанра, профессионально сказано в названной работе. Исследователь рассматривает комическое мастерство его эпиграмм, шуток, пародий. Справедлива и такая оценка: «Мидин самый народный из всех народных, хотя и не получил от властей этого почетного звания – Народный поэт Кыргызстана» [7,150]. По этому поводу в народе ходит байка: во время похорон, один из аткаминеров суетился больше всех и давал команды: выносите награды (он сам первым «придерживал» фамилию слишком критичного поэта в списки для наград).

Отметим сборник стихов и прозы «Жан эрмек» (2002) известного кыргызского писателя М.Толомушева, в котором автором приведены наиболее известные устные рассказы современников о видных общественно-политических и культурных деятелях (Шабдан Баатыр, Ж. Абдыракманов, Э. Эсенанамнов, А.Орозбеков, М.Сыдыков, К.Юдахин, Т.Сыдыкбеков, А.Токомбаев, К. Осмоналиев, Б. Сарногоев, М. Борбугулов и др.). Многие рассказы связаны с именами М. Алыбаева и Р.Шукурбекова, они представлены в разделе «Дегенэкен...» /«Оказывается, сказал...» /. Судьба этих народных преданий о поэтах оказалась более благополучной, чем «биографии» иных печатных текстов. Ведь образцы народной прозы трудно запретить, «подправить» строгим цензорским пером. Они отображают тех или иных персонажей рассказов, в том числе и поэта-сатирика, такими, какими они остались в памяти современников. В основе таких текстов обязательно лежит *реальный факт*, различным может быть только степень соотношения *правды и вымысла*.

В литературоведении наметился поворот к данной проблеме. А.Эркебаев в работе «Малоизученные страницы истории кыргызской литературы»[1999], обозревая *жанры народной прозы*, отмечает отсутствие внимания к вопросу дифференциации понятий *устный рассказ, миф, предание, легенда, меморат* [10, с.22]. Действительно, устный рассказ, как явление несказочной прозы вызывает много споров, вызванные смешением понятий *форма повествования и жанра*. Если миф, предание, легенду, родословную относят к устному рассказу, то имеют в виду не жанровую принадлежность к рассказу, а форму (способ) *рассказывания* или *повествования*. Некоторые фольклористы, считает А.Эркебаев, порой смешивают *сказ, устный рассказ* и *бытовой рассказ*.

Они широко распространены в народной среде и функционируют в самых различных формах. Как правило, современники, очевидцы умеют рассказывать ярко и интересно истории, байки о серьезных, комических эпизодах из жизни знаменитостей, обычных людей. Недаром отмечено: «Практически каждый член общества причастен к устному словесному творчеству» /С.Азбелев, Э.Шубин, А.Эркебаев и др. / [10, с. 23]. Простейшей и самой массовой формой несказочной прозы, очевидно, является *устный рассказ*, чаще участника или свидетеля тех или иных событий. А.Эркебаев замечает: жанр устного рассказа не в чести был в советские годы и лишь с обретением независимости появились первые публикации образцов народных рассказов о Курманджан-датке, Шабдане, Ормоне, Байтике, Кыдыр-аке, Богачы, А.Сыдыкове, И.Раззакове и др.[10, с. 25]. Заметим, часто устные рассказы близки *сказам, легендам и анекдотам* о легендарных лицах (Джэзренче, Асан Кайгы, Алдар Косе, Апанди).

Прошедший век породил немало таких устных рассказов и о легендарном Мидине Алыбаеве. Они подтверждают правоту мысли Аристотеля: «остроумное создают,

комическое находят». Кыргызский поэт обладал исключительным даром видеть комическое в жизни, молниеносно облечь в краткую, лапидарную строку сатирико-комическую остроту. А это дается от Бога. Вот устный рассказ «Келинсиз кемпир» («Женщина без снохи»). «С детства Мидин умел говорить складно, находчиво. Ему было 8-9 лет и тут приболела мать. По пути за водой родились строки: «Атын Бегим, ооруйт белин. Мени суу алып кел дедин: сенде жок беле жумшай турган келин» [9, с. 23]. / «Твое имя Бегим, измаявшись спиной, сказала мне – сходи за водой, нет что ли келинки, помогающей тебе»). Как видим, уже подростком Мидин мог говорить кратко, лапидарно, афористично. Не придерешься и к рифмовке: *Бегим – белин – алыпкел дедин – келин*. Соединение неожиданного с элементами парадокса, с долей иронии и юмора в устах юного героя вызывает улыбку. Вот такая изящная миниатюра, весьма афористичная.

Об остроумии Мидина красноречиво говорят рассказы «Чечпейсин бичепкенди» («Снял бы свой армяк»), «Шым согулсо ийне жок» («Брюки порвались, а иголки нет»), «Башта калган эстелик» («Памятник, оставленный на голове»), «Жанылыш пикир» («Ошибочное мнение»), Жумгалдан кат» («Письмо из Жумгала»), «Орундуу суроо» («Уместный вопрос») и др. Они затрагивают самые разные грани биографии поэта, от взаимоотношений с сильными мира сего и до обычных бытовых ситуаций.

М.Алыбаев не боялся испортить отношения с критиками, литературными генералами: ведь от них многое зависело. Поэт-сатирик создал цикл эпиграмм «Литературный парад», подтверждающий, что их автор с божьей искрой [7, с. 135]. В рассказе «Безучастный писатель, надоевший критик» («Камыраган жазуучу, тажаткан сынчы») речь идет о эпизоде между Т.Сыдыкбековым и критиком Жээнбаев Самагановым, Последний по праву *официального критика* отказал в издании новой книги, выискивая у писателя идеологические «ошибки». Т.Сыдыкбеков, знающий себе цену, забрав рукопись без спора, с достоинством покидает критика. Мидин тут же рассмешил присутствующих строками: «*Жазгандан тажан, ар кылбай, / жарабай калса кайгырбай, / сандалап чыгып курсагы, / Бу Тукем, социалисттик айгырдай!*» (пер.: «Преданный душой писанине, не вдаваясь кручине, / чрево бережно неся, / наш Туке – как социалистический рысак!») Досталось и чересчур бдительному критику: «*Бирине бирин жасаган, / Олорман сынчы Самаган! / Сенин айткан сынындан / жазуучулар тажаган!*» («Всех сталкивает лбами неистовый критик Самаган / от твоих критик всех писателей тошнит!») [9, с. 137].

В пору первых шагов М. Алыбаева поэт Кубанычбек Маликов назвал его «цыпленком в среде писателей» [7, с. 135], правда, похвалив его книгу. Со временем младший коллега профессионально вырос. Это видно по отзыву на стихотворения Маликова «Сарала козу» для детей. Оно было подвергнуто критике, в том числе и в эпиграмме Мидина Алыбаева (ты мне друг, но истина дороже). В стихотворении он просит коллегу писать лучше: «*Жармачтыктап качыныз, жакшылап бирди жазыныз, «Саралакозун» сапатсыз, ооруду окуп башыбыз!*» Далее поэт, указывая, что книжки пылятся на полках магазинов, предлагает их распространять в Токелдеше (место проживания семьи поэта) [«Плохой ягненок» /9, с. 137].

Большинство преданий освещают тему творческого поведения поэта, его контактов с читателями, земляками. Рассказ «Письмо из Жумгала» передает не только нравы литературного быта той поры, но и проблемы личной жизни поэта. С Жумгалом связаны большинство рассказов о поэте. Вот текст «Памятник, оставленный на голове». Мидин приехал в Жумгал и многие желали общаться с ним, послушать его остроты, шутки. На одной из таких посиделок рядом с ним оказался один из районных *чонбашей*. Оказывается, тот не любил и побаивался острого на язык поэта. В общем разговоре он не участвовал (кто Я и кто вы?) и налегал на питье. Утром все встали вместе с гостем, а *райчиновник* продолжал спать. Поэт быстро набросал стихи: «*Жылдыганбы, жулганбы, / же булл*

жыгылып жаткан кумганбы? /Таз башына жазам деп / таза колум буланды./ Минтип журсом куу тазым / курутасын Жумгалды! [9, с. 141]. Прав сатирик, именно такие начальники-обломовы и доводили окраинные районы до бедственного положения. Не боялся Мидин и большим руководителям говорить о желательности быть почаще в гуще народа. Поучителен рассказ «Вы же не ходите на зеленый базар» / «Кок базарга келбейсиз»/. «В одну из встреч с писателями Исхак Раззаков (до 1962 года был первым секретарем ЦК КП Киргизии), увидев Мидина Алыбаева сказал: «Мидике, что-то тебя не видно...». – «Исхак Раззакович, в дом, где Вы сидите, меня не пускают, а на зеленый базар, где я бываю, Вы не ходите!» - ответил поэт»[9, с. 179].

Сюжеты многих народных устных рассказов связаны с эпизодами *недуга* поэта – пристрастием к спиртному. Это рассказы «Камкордук» / «Заботливый» /, «Бекемдик» / «Стойкий»/, «Уместный вопрос» («Орундуу суроо»), «Жанылыш пикир» («Ошибочное мнение», «Жумгалдан кат» («Письмо из Жумгала»), «Балдардын суту» («Молоко для детей») и др. В советские годы о таких вещах старались в газетах не говорить и не писать: свято хранили каноны *облике моралес*. Но, что было, то было. А вот народ сохранил штрихи литературного быта тех лет. Во всех литературах мира найдем богемно-анакреонтическую ноту. И скажем прямо, эти питейные истории делают образ поэта более человечным, живым. В них неотложного хрестоматийного глянца, которым обычно покрывают классиков. Даже в этих, не слишком презентабельных текстах, поэт остается верен своему таланту: из самых пикантных, трудных житейских ситуаций он старается выйти с честью. Мидин помнит: он поэт.

В рассказе «Заботливый» говорится. «У Райкана после длительных вытывок был период затишья, зато у его друга Мидина начался запой. В правлении СП Киргизии подняли вопрос о творческом и моральном состоянии мастеров слова, подвергнув Мидина сильной критике. И тогда поэт дал зарок: больше пить не буду! Райкан Шукурбеков от радости сам предложил: «Я возьму над ним шефство! Буду его контролировать!» Не прошло много времени, как вышел сборник стихов Мидина. Получив гонорар, он зашел к другу и предложил вместе пообедать в ресторане «У фонтана». Мидин полагал: гонорар следует отметить суцим пустяком - жуз граммом! После раздумья Райкан согласился: неудобно обижать друга. Выпили, да тут подошли новые друзья и дело пошло веселее. Райкан быстро опьянел. Мидин пил в меру и решил устроить друга на отдых поблизости - в здании Союза писателей. Но в дверях они столкнулись с Аалы Токомбаевым (он в те годы был руководителем правления). «Мидин, что же это такое?! Ты же обещал не пить?! – спросил тот сердито. И тогда, не растерявшийся Мидин, ответил: «Я не смог сдержать свое слово, чуть-чуть выпил, признаюсь, но зато Раке (Райкан), вы же видите, свое слово держит, он меня не отходит и постоянно меня контролирует!»[9, с. 134].

Рассказ «Бекемдик» воссоздает еще один эпизод из жизни поэта. На собрании писателей Мидин дал слово не пить и в голове одна мысль, как эту задачу выполнить. Его дом возле вокзала, а работа в центре. И по дороге Дзержинкой (проспект имени Дзержинского, ныне Эркиндик) встречались 3-4 питейные точки. Поэт идет на службу. Вот нормально прошли одну точку, вторая осталась позади, с трудом, но обошли и пивнушку у Фонтана. И тогда Мидин, весьма довольный собой, что даже не взглянул на водку и пиво, он, пройдя еще полквартиры, решает: это стоит отметить! Возвращается к буфету и дает заказ жещнице-буфетчице: «Два –по сто»! Та спрашивает: «Агай, а кто второй?» «А-а, айланайын, одна рюмка – за того, кто дал зарок не пить, а вторая – за азамата Мидина, выполнившего свой зарок». Он быстро осушил одну за другой обе рюмки. Буфетчица долго хохотала над словами поэта. [9, с. 134-135].

«Уместный вопрос» («Орундуу суроо»). Все знали о тяге поэта Мидина к спиртному. Один из его знакомых, желая лишний раз уколоть о его неравнодушии к

путью, при встрече в заведении сказал: «Ой Мидин, когда бы я тебя не увидел, ты постоянно здесь бываешь!» - «А что тут делаешь ты, так часто меня встречаешь?» - ответил тот [9, с. 146].

Очевидно одно: как мастер слова, Мидин Алыбаев помимо того, что владел талантом от Бога, блестяще знал народную культуру остроумного, назидательного слова. Как уже было отмечено, с детских лет в нем проявился этот дар. Умел этот человек слушать мудрых людей, обладал даром подмечать смешное в окружающем, сердито или с юмором высмеять чужие, да и свои погрешности. Исследователь прав: в последние годы жизни поэт был очень популярен, постоянно на виду, в гуще скопления мужчин, то есть в точках общепита, где торговали пивом и крепкими напитками. Об этом говорит отрывок «Акын» [9, с. 162], но и подчеркивающий добрую память о поэте. Люди сохранили много преданий, шуток о нем, в том числе и об этой странице его биографии. В этом непреходящая ценность устных рассказов, которые выполняют самые различные функции в нашем восприятии легендарной личности Мидина Алыбаева. В них отложилось мудрое, яркое слово одаренного поэта-сатирика. Радует то, что мы не предали забвению его интересную прозу, очерковую публицистику, смешные комедии, острые эпиграммы и пародии. В кыргызской литературе в творчестве многих поэтов, кудуулов, чэчэнов живы традиции М.Алыбаева и Р.Шукурбекова, подлинных классиков в искусстве сатиры и юмора.

Список использованной литературы:

1. Алыбаев Мидин. Тандалган чыгармалар: ырлар, сатиралар, эпиграммалар. Тузгон Ж.Кудайбергенова.- Ф.: Кыргызстан, 1977. – 207б.- Алыбаев Мидин. Ачылбаган кат: ангемелер жана сатиралар. – Ф.: Кыргызстан, 1987. – 200 б.
2. Алыбаев Мидин Ангемелер. Фельетондор. Пьесалар. Очерктер. – Б.: Учкун, 1993 (издание подготовлено Ж.Кудайбергеновой, З.Мидиновой, М.Мидиновым).
3. Мидин. Ырлар жана поэмалар. – Бишкек: Кыргызстан, 1996. – 220 б.
4. Алыбаев Мидин // Писатели Советского Кыргызстана. Справочник. – Фрунзе: Адабият, 1989, с.99- 101. – Алыбаев Мидин // Кыргыз Республикасынын жазуучулары: маалымдама. Биринчи том. /Туз М.А. Ааматов ж. б. –Б.: Дэми, 2008, 97-98 б.
5. Артыкбаев К. Мидин Алыбаев // К.Артыкбаев. XX кылымдагы кыргыз адабиятынын тарихы. – Бишкек, 2004. 244-255 б.
6. Ибраимов О. «Райкан-Мидиновская школа» в 50-60-х годах и общие вопросы литературной репутаций (личность и творческая индивидуальность М.Алыбаева и Р.Шукурбекова и их культурное значение) // О.Ибраимов. История кыргызской литературы XX века. В 2-х тт. т.1. - Бишкек, 2013, с. 400- 413.
7. Мамбеталиев К. Мидин Алыбаев /Классики сатиры и юмора в кыргызской литературе/ К.Мамбеталиев. Сатира и юмор в кыргызской литературе.- Б.:2011, с. 133-150.
8. Мидин Алыбаев // Кыргыз адабиятынын тарихы: 20—60 жылдар: Алтытт.- Бишкек, 2002. 6 т. 511-530 б.
9. Толомушев М. Дегенэкен...(Азилтамашалар, нускасоздор)// Мырзаян Толомушев. Жан эрмек: жыйнак: ырлар, проза, котормо. – Б.: 2002. –280 б.
10. Эркебаев А. Малоизученные страницы истории киргизской литературы Бишкек. 1999. – 198 с.

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В ПРОВЕРБИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ И
 КЫРГЫЗСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА
 ОРУС ЖАНА КЫРГЫЗ ТИЛ СҮРӨТҮНДӨГҮ ТУГАНЧЫЛЫК ТЕРМИНДЕРДИН
 ПРОВЕРБИАЛДЫК МЕЙКИНИНДЕГИ ОРДУ
 THE TERMS OF KIN SHIP IN THE VERBIAGE SPACE OF THE RUSSIAN
 AND KYRGYS WORD PICTURES

Мурадымова Е.Н. – доцент КПКРЯ и КР ФРФОшГУ

Аннотация: В статье рассматривается проблема терминов родства и свойства в провербиальном пространстве русской и кыргызской картины мира.

Аннотация: Макалада орус жана кыргыз тил сүрөтүндөгү туганчылык терминдердин провербиалдык мейкининдеги ордунун маселеси каралат.

Annotation: The article explores the place of terms of kin ship and properties in the verbiage space of the Russian and kyrgyz language picture of the world.

Ключевые слова: термины родства и свойства, паремии, пословицы, провербиальное пространство, картина мира, русский, кыргызский язык.

Ачык сөздөр: туганчылык терминдер, паремия, лакаптар, провербиалдык мейкиндиги, тил сүрөтү, орус, кыргыз тили.

Key words: affinity term, paremia, proverbs, test space, picture of the world, russian kyrgyz language.

Изучение когнитивно-лингвистического содержания терминов родства в провербиальном пространстве русской и кыргызской языковой картине мира – актуальная задача филологической науки. Ученые (Ю.Д.Апресян, З. К. Дербишева, К.З.Зулпукаров, Д. Айылчиева, А.Калмурзаева, С. Эргешова и др.) указывают, что в единицах языка отражается наивная картина его носителей. В лексической семантике находит свое отражение обыденное сознание этноса, в котором закреплены память и история народа, его опыт познавательной деятельности, мировоззрение и психология. Этнический опыт, по мнению ряда ученых (К.З.Зулпукаров, Ю.И.Левин, З.К.Тарланов) наиболее полно представлен в провербиальном пространстве языка. Филологическая наука активно использует понятия: провербиальная картина мира, провербиальный код, провербиальные единицы, провербиальный концепт, провербиальный смысл и т.д. (1; 3; 4). Понятие *провербиальный* вбирает в себе значения древность, культурная значимость, ценность, общеизвестность, универсальность, эмоциональность, которые передаются в содержании фразеологизмов, пословиц, поговорок, примет, проклятий, благожеланий и других паремийных изречений (4).

Проблема функционирования и текстовой реализации русских и киргизских терминов родства и свойства (ТРС) в пословицах и поговорках, как значимых форм паремийного наследия народов – малоизученная проблема (9, с. 143-153). Как известно, ТР и С играют важную роль в создании «картины мира», в онтолингвистике, в дидактиколингвистике (2; 9). В данной статье мы попытаемся выделить и описать наиболее продуктивные провербиальные единицы языка с концептами родственности. «Провербиальным пространством называют функционально-семантическое и когнитивно-ментальное поле языка, покрываемое сетью паремийно-фразеологических единицы языка», - пишут исследователи К.Зулпукаров, А.Калмурзаева, С.Сейитбекова (4 /2010, с.19).

Паремийное наследие – это золотой фонд культуры любого народа. Т.А.Тулина пишет, что «одной из центральных тем русских пословиц является человек в его кровнородственных и матримониальных отношениях» (11, с. 55). Концепты семьи, родства занимают важное место и в пословицах, поговорках кыргызского народа (2;6;7). Действительно, названия родственных отношений, реализуясь в паремиологических текстах, с присущей им лаконичностью выражают духовный мир человека, его семейно-брачные отношения. Как в зеркале, они отражают мудрость народа, его наблюдательность, остроумие. Поистине, «хороша пословица в лад и масть». В.И. Даль отмечал: «Простой народ упорнее хранит и берегает исконный быт свой.. Отцы и деда – для него великое дело...» (10, т.1, с.7). В России и Кыргызстане больше стало уделяться внимания собиранию и изучению паремийного наследия. Об этом говорилось на Международной научной конференции по актуальным проблемам паремиологии (Ош., 1992) в выступлениях ученых (А.М.Бушуй, З.Н. Вердиева, Г.И.Богин, А.Н.Лисс, А.М.Шахнарович, К.З.Зулпукаров, М.Колдошев, Ш.Мараш-Огл, Е.Джалалов и др.). Ими были отмечены как достижения, так и белые страницы в изучении паремиологического наследия. Участники конференции внесли лепту в уточнение многих понятий, в т.ч. и терминов *паремия* / притча, изречение /, *паремиология* / наука, изучающая мудрые изречения/.

Эта наука складывалась в России трудами Ф.И. Буслаева, В.И.Даля, А. Потебни, И.М.Снегирева, П.Н. Рыбникова, А.Н.Кожина, В.П.Аникина, Г.И.Пермякова и др. Об успехах данного направления языковедческой науки говорят издания типа «Паремиологического сборника» (М.: 1978) и др. На Ошской конференции отмечались и нерешенные проблемы в собирании, инвентаризации пословиц и других мудрых изречений, слаба разработанность основополагающих методологических стратегий, есть нечеткость границ между понятиями *пословица*, *поговорка*, *крылатое слово*, *краткий афоризм* и др. (1, с. 3-4). Докладчики говорили о необходимости изучения структурных особенностей, словарного состава, семасиологии, поэтики пословиц. Особо отмечалась актуальность выявления специфики языкового творчества народа, образа его мышления, языковой картины мира (1, с. 4).

Ученые Кыргызстана, в том числе и южного региона, внесли свою лепту в изучение паремиологии. На Востоке паремийные единицы традиционно называют «аталар созу» (на кирг. яз.), «оталар сузи» (на узб. яз.). В РКС академика К.К.Юдахина термин пословица дается как *макал* (войти в пословицу – *макал болуп калуу*, *макалга айлануу* (РКС, с.612). ТР и С, как явление наиболее древнего слоя лексики, часто тесно связаны с паремиями. Издревле понятия *дед*, *бабушка*, *отец*, *мать*, *сын*, *дочь*, *брат*, *внук* и др. уже фигурировали в пословично- поговорочных фразах (, с. 112-143). Они выражали отношение общества, людей к таким вопросам бытия человека, как *дом*, *семья*, *родители* и *дети*, *предки*, *потомки*, *соплеменники*. В сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа»(10) есть немало суждений о святости уважения к предкам. Напр. «Как жили деды и прадеды, так и нам жить велели»(1, 181); «Живы родители- почитай, померли - поминай»(1, 302).

Возникновение как ТР, так и пословиц, обусловлено социализацией человеческой познавательной деятельности. Они зарождались, развивались как суммированный итог его опыта. Человек всегда стремился свести разрозненные жизненные эпизоды в единое целое, объединив на основе характеризующих их типичных признаков. Интегрированные человеческим сознанием явления окружающей жизни и служили базой для продуцирования обобщенных высказываний об этом мире (С.Л. Рубинштейн, М.М. Коровкин и др.).

Пословица в сжатой форме передает значительно больше информации, чем лежит на поверхности суждения. Паремиям присуща функция обобщения, систематизации

жизненного опыта многих поколений. Паремии, особенно пословицы, обладают свойством концептуализации. Любая пословица эвристична. С помощью старого опыта она служит поиску нового, его утверждению в сознании человека. Проф. К.Зулпукаров, говоря о предмете, задачах и материале учебного человековедения, подчеркивает: «Одну из основных тематических групп пословично-поговорочных изречений... составляют человековедческие паремии»(1, с.30-31). Вот почему современная лингводидактика большое внимание уделяет использованию паремий в учебно-воспитательных стратегиях. В школах Кыргызстана живы заповеди русского педагога К.Д. Ушинского, который напоминал: «в пословице отразились все стороны жизни народа: домашняя, семейная, общественная; его потребности, привычки, взгляды на природу людей, на значения всех явлений жизни».

Ценность ТР и С и ПП, как своеобразной системы, в том, что в них просматриваются все языковые явления и процессы, протекающие в лексической макросистеме. Так, в пословицах русского народа можно найти пословицы-архаизмы, заимствованные, интернациональные, пословицы нового времени. Встречаются устаревшие формы обозначения родственных отношений: *домовинов* (значит, домочадцев, членов семьи) *нет, так есть домовой; временем и смерд барыню берет*. В наши дни трудно понять далевскую пословицу «*Просватали миряка за кликушу*» (миряк-человек бесноватый, страдающий от порчи). Естественно, при работе в мононациональной аудитории данная паремийная единица нуждается в этнокультурном толковании.

Пословицы по структуре бывают из двух элементов (*Бесприданница -безобманица*, т.е. что есть, то и есть), трех (*Добрая свадьба- неделя*), четырех (*у зятей много зятей; чешет, что мачеха пасынка*), пяти (*сварливая жена в доме пожар; деток родить не веток ломить*) и др. Семантика паремиологических единиц также разнообразна, так как пословицы отражают многогранные аспекты объективной реальности, духовного мира человека. Исследователи (В.П.Аникин, Г.Л. Пермяков, Г.Л. Прохоров, К.Абдуллаев, С.Закиров, С.Гапаров, К.Зулпукаров и др.) считают, что пословицы представляют собой замкнутое текстовое образование, с инвариантной устойчивой семантикой, в основе которой лежит определенная социальная мораль, служащая для понимания семантики всех составляющих компонентов.

Весьма часто ТР в структуре паремиологических суждений употребляются не только в прямом, но и в переносном смысле. Коннотативность - важная особенность прямых номинаций родства. В них находим сочетание экспрессивности и оценочности. Напр. *Злая жена- та же змея*(1,294); *Мать праведна- ограда камня* (1, 302). Пословицы с использованием ТР зримо показывают роль родительского дома, семьи в формировании человеческой личности. Семь *род, семья, отец, мать, бабушка, дед, брат, сестра* и др. – опорные слова в основной массе пословиц русского народа, а *уруу, уй-було, ата, эне, чоната, чонэне, аке, эже* и др. в киргизских паремиях. «Все одного *отца* дети, все Адамовы детки» (1, 162); «Мы у *матушки России* детки, она наша *матка*»; «*Родительское* слово мимо не молвится»; «В своей *семье* сам большой»(2,87). Лексемы *родители, отец, батюшка, мать, матушка, matka*, как правило, используются в прямом и переносном значении. Напр., Родимый мой *батюшка*, прошу ни злата, ни серебра, а прошу твоего *родительского* благословения; *Батюшка Покров*, покрой *мать* сыру землю и меня молодую (перен.). Многие пословицы связаны с семьей *мать*: При солнце тепло, а при *матери* добро (1,30); Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной *матери* (1, 302); Без отца-полсироты, а без *матери* и вся сирота(1,301). Паремийные единицы затрагивают проблему преемственности отцов и детей, порой их не простые взаимоотношения: «На что *отец*, коли сам молодец» (1,301); «По *матери* дочка»(2, 186); «Каков *род*, таков и приплод»(2, 186); «В большой *семье* не без уroda»(2, 189); «Валяя

дети: отец в ответе»(1,298); «Детки хороши- *отцу, матери* венец, худы- *отцу, матери* конец» (1, 300).

Менталитету русского народа присуще уважительное отношение к семье, браку. Недаром молвится: «Кумовство да сватовство- ближнее родство (1,303). Издревле русские просили всевышнего: дай Бог- с кем венчаться, с тем и кончаться(1, 282). Они считали, что «добра жена да жирные щи -другого добра не ищи»(1, 281), что «пава красна перьем, а жена мужем; жена при муже хороша(1, 288). Есть пословицы выражающие осуждение *бобылей*, не желающих заводить семью: «*Не женат- не человек*»(2, 213), «*Ни роду, ни племени: бобыль бобылем*»(1, 281); «Что гусь без воды, то и мужик без жены»(1, 294). В старину девушек, которым чуть перевалило за двадцать уже называли *перестарками*. Их чаяния иметь семью нашли выражение в пословицах: «*Матушка Параскевья, пошли женишка поскорее; Не всяк жених, кто присватался; Много женихов, да нет суженого; В девках сижено - горе мыкано и др.*

«Скрытые положительные оценочные семы терминов родства,- пишет лингвист Т.А. Тулина,- актуализируются в контексте как антонимичные семам отрицательной оценки, содержащимся в смысле противопоставленных имен лиц и неодушевленных предметов» (*Лихорадка - не матка: треплет, не жалеет*(1,310); *Курице не тетка и свинье не сестра* (2, 194); *Вор не брат, а потаскуха не сестра* (2, 230).

К.З.Зулпукаров и другие отмечают: кыргызский этнос и его язык вобрала в себя все лучшее из духовной и языковой культуры народов мира, особенно Востока (4, 2010, с. 7-18). Паремийное наследие кыргызского народа весьма востребовано в республике. Как золотой фонд народной мудрости, оно пополняется, изучается, используется во многих сферах жизни, особенно при воспитании подрастающего поколения. Изданы сборники «Накыл создор» /Назидания/ К. . Карасаева, «Народная жемчужина» / сост. Т.Молдобаев / (1983), «Киргизские пословицы и поговорки» /сост. Б. Керимжанова(1948, 1955,1964), А. Аширова (1969), Ш. Усупбекова (1967, 1982), С. Закирова (1962, 1972), Т.Самудинова (2000), К.Нускаева (2003), А.Алсеитова (2005), М.Ибрагимвоа (2005, 2008) и др. Со страниц газет и журналов в переводах Д. Ашубаева, Н.Чекменева, И.Баженова, Н. Гребнева, С. Фиксина образцы киргизской паремиологии становились достоянием русскоговорящих кыргызстанцев. Пословицы, поговорки, крылатые изречения стали объектом внимания ученых, вузовских, школьных дошкольных работников образования.

Академик Х. Карасаев в своей книге изучил историю происхождения киргизских пословиц и поговорок путем этимологического анализа слов, входящих в их состав. Поучительна родословная история выражений: *Жээн эл болбойт, желке тон болбойт* // Сородичем не станет племянник, на шубу не годится загривок (русс. вариант: из шапки шубу не сошьешь; или *Кыздын сыры төркүнгө малым* //Секреты девушки знает ее родня и др.). Эти сентенции весьма ценны для глубокого понимания и картины мира народа. Значимыми были труды видного фольклориста, проф. КНУС Закирова, собирателя и знатока кыргызских санжыра, паремийного наследия народа (1962, 1972, 1996), получившие признание общественности. Опыты ученого-филолога активизировали многих на собирание и изучение образцов народной мудрости. В книге «Киргизские пословицы и поговорки» акад.К.К. Юдахина (1957) находим более трех тысяч паремиологических образцов. Значимость труда в том, что автор дает разносторонние пояснения семантики пословиц. Если пословица имеет достаточно ясный смысл, то приводится литературный перевод. В случае размытости смысла паремии дается русский эквивалент, при отсутствии буквального совпадения киргизской и русской пословиц автор предлагает литературный перевод, а в скобках буквальный смысл текста. Иногда ученый просто дает пояснение или указывает примеры ее употребления. А.Н. Лисс считает оправданным подачу двух переводов пословиц, так как ПЕ двух или нескольких народов часто передают один и тот

же смысл, но созданы они на разном лексическом материале (1, 22). Большой лексический и паремиологический материал содержит также книга «Киргизско-русские пословицы, поговорки и изречения» // сост. С. Шамбаев (1979), включающая 2145 киргизских пословиц (использованы материалы из работ Б. Керимжановой, К. Юдахина и др.). Ценность сборника в том, что наряду с русскими соответствиями, заимствованными из оригинальных паремиологических сборников, составитель приводит также дословный перевод с киргизского на русский (Напр., *Ага-туган кимде жок, сыйлашпаса жатча жок* / У кого только нет родичей, но если они друг друга не уважают - равны чужакам // Русск. вариант: Родни много, а пообедать не у кого; По родству сват, по крови - брат, а по делу хват). С. Закиров в предисловии к сборнику отмечал: «Киргизский народ, подобно другим народам, выработал общие понятия о хороших и плохих качествах людей, о положительных и отрицательных явлениях действительности. В предлагаемом сборнике русские соответствия найдены почти всем киргизским пословицам: *Илим алуу ийне менен кудук казгандай* - Без муки нет науки и др.

Пословицы и поговорки, моделирующие одинаковые ситуации, очень близки образными выражениями, несмотря на их этнографическую, историческую и языковую специфику. ТР в них являются смысловым «ядром» суждения (*Жакшы болсо катынын, табыла берет акылын* / Если у тебя хорошая жена, то умен будешь всегда). Вызывает уважение смысловой и художественный колорит народных речений (своеобразная структура, психологический параллелизм, метафорика, полисемантизм, аллитерации, ассонанс и др.). Главная особенность киргизских паремий - это активное использование этносимволов, придающих пословицам самобытный национальный колорит. Напр. *Азансыз молдо болсо да, казансыз катын болбойт* / Бывает молдо без азана (молитвы), не бывает женщины без казана; *Жаман эркек тууганчыл, жаман катын торкунчул* / Плохой муж тянет к своей родне, плохая жена тянет к своей родне и др. Семы *молдо, азан, казан, катын, торкун* передают специфику жизни киргизского народа. И этим они и притягательны. Термины родства и свойства, используемые в КП - это еще один канал реализации этнопсихологических особенностей мышления народа. Представители киргизской этнопедагогики (Б. Апышев, А. Алимбеков, Т. Жоробеков, С. Иптаров и др.) рекомендуют активно использовать народные пословицы в педагогизации учебного процесса. Это верная стратегия. КП поэтизируют высокие нравственные качества, толерантность (*Жакшыуулэлине баш болот, жаман уул эллине кас болот*), добрососедство народов (*Эр достугу - эгиз, эл достугу - дениз*), трудолюбие (*Байлыктын атасы эмгек, энеси жер*), стремление к поддержке приятельных родственных отношений (*Туганга душман болбо; Туганың таарынса да, бору таарынбайт*) и др. Народ свято берег закон «жети ата», уважительно относясь к предкам, почитая отца и мать (*Төркүндүн төрүндө болгончо, уулдун улагасында бол; Ата жакшы - уул жакшы, эне жакшы - кыз жакшы*). В менталитете народа ощущается уважение к женщине, матери, хозяйке дома (*Үйдүн көркү аялда / Красота юрты в жене; Энесин көрүп, кызын ал*), понимание роли родителей в воспитании детей (*Уул жаман - уйгак, кыз жаман - камгак*), сочувствие обездоленным, сиротам (*Жетим жүрүп жетилет*), взаимопонимание поколений (*Жашка кызмат, карыга - урмат*) и т.п.

Киргизские пословицы - подлинные шедевры словесного искусства. Чаше они двучленны. Эти части отличаются сходством ритмических звеньев, звукового ряда, рифмовки. Два звена пословиц большей частью дают два самостоятельных смысла, на стыке которых и зарождается ценность, значимость суждения (*Жакшы болсо аялын-келип турат жакынын, жаман болсо аялын, качып турат жакынын* / Если жена хороша, близкие будут приходить, если жена плоха, близкие будут уходить // РВ: *Добрая жена дом сбережет, а плохая руками разнесет* (КРП, 117). Иногда одно из двух звеньев выступает в

роли подтверждения мысли, высказанной в другой части (Коншу жакшы болсо, сокур кыз эр табат / При хороших соседях и родных и для слепой находится жених //РВ: Кто дружбу водит, тот счастье находит (КРП, 196).

Таким образом, ТР и С, достаточно емко представленные в пословицах и поговорках русского, киргизского народов, дают зримое представление об их этнонациональных ценностях (склад ума, манера видения и постижения мира). Русские и киргизские паремии выполняют самые различные функции в семантическом, лексико-грамматическом плане. Вокруг многих терминов родства и свойства концентрируется смысловая модель паремиологического суждения. ТР и С в киргизских пословицах и поговорках, равно как и русском языке, играют столь же важную роль в создании картины мира народа. Об этом пишут К.З.Зулпукаров, З.К.Дербишева, Г.А.Мадмарова, Н.Асанова, Д.Т.Айылчиева, А.А.Калмурзаева, Б.М.Примкулова, Д.Н. Раимжанова, С.М.Амиралиев и др. Они справедливо отмечают этноментальную специфику киргизских паремий, пословиц, поговорок. Термины родства и свойства в провербиальном пространстве играют важную роль в создании картины мира русского и киргизского этносов, они активно используются в живой русской и киргизской речи, публицистике, художественной литературе.

Список использованной литературы:

1. Актуальные проблемы паремиологии: материалы Международной научной конференции 22-25. IX. 1992 г. ОшГУ. – Ош, 1992. 260 с.
2. Асанова Н. Анализ концептов *семья и родство* в пословицах в киргизской и турецкой культурах //ALATOOCACADEMIASTUDIES, 2016, № 3. С. 83-88.
3. Зулпукаров К.З. Кыргыз паремияларынын түрлөрү, түзүлүшү жана педагогикалык максатта колдонушу// Эл агартуу, 2002, № 3-4, 53-58б.
4. Калмурзаева А.А. Теологические концепты в провербиально-языковой картине мира. АКД. - Бишкек, 2013. – 23с. - А.Калмурзаева и др. «Концепт «Кудай- Бог» в провербиально- религиозной картине мира // Сборник научных трудов. Вып. 2. – Ош, 2010, с. 19 -30.
5. Киргизско-русские пословицы, поговорки и изречения. Сост. и пер. С.Шамбаев; предисловие С.Закирова. – Фрунзе: Мектеп, 1979. 339 с.
6. Лисс А.Н. Паремиология Кыргызстана. Библ. указатель по паремиологии. Вып. первый. – Ош, 1992. с.185.
7. Мадмарова Г.А. Пословично- поговорочные изречения и их роль в воссоздании «картины мира» в произведениях художественной лит-ры// Актуальные проблемы паремиологии. - М., Бишкек, Ош, 1992.с.46-47.
8. Маслова В.А.Языковая картина мира и эмпирическое обыденное сознание// Маслова В.А. Лингвокультурология.-М.,2001.с.64-73.
9. Мурадымова Е.Н. Терминология родства в лингвокультурологическом и сопоставительно-типологическом освещении. – ОШ, 2014. – 168 с.
10. Пословицы русского народа. В 2-х тт. – М.: 1984./ в статье ПРН/
11. Тулина Т.А. Семантические особенности терминов родства в русских пословицах // Актуальные проблемы паремиологии, стр. 55-56.
12. Эргешова С.Б. Паремияларда антонимдик концептер аркылуу тилдик дуйно суротунун жана менталдык пропозициянын берилиши. КДА.- Б.: 2010.

УДК 82 (091)

ГЕНДЕРНЫЕ ТРАДИЦИИ КЛАССИКИ И РАЗРАБОТКА ТЕМЫ «МЫСЛИ
СЕМЕЙНОЙ» В КЫРГЫЗКОЙ ПРОЗЕ
КЫРГЫЗ ПРОЗАСЫНДА ГЕНДЕРДИК КЛАССИКАЛЫК САЛТТЫ ЖАНА «ҮЙ-БҮЛӨ
ЖӨНҮНДӨ ОЙЛОРДУ» ӨНҮКТҮРҮҮ
THE GENDER TRADITIONS OF CLASSICAL MUSIC AND DEVELOPING THE THEME
OF "THINKING FAMILY" IN THE KYRGYZ PROSE

Оразова М. – магистрант ОшГУ

Аннотация: В статье изучены вопросы развития традиций русской литературы и новаторские поиски при разработке гендерных различий освещения темы «мысли семейной» в кыргызской прозе.

Аннотация: Макалада кыргыз прозасында орус адабиятынын салттарын улантуу суроолору жана үй-бүлө темасын гендердик айырмаларын новатордук изденүүлөр аркылуу чагылдыруу маселелери изилденген.

Annotation: The paper examined the issues of development in the Kyrgyz prose traditions of Russian literature, the search for innovative writers in the development of gender differences threads <<thought the family>>

Ключевые слова: традиции, новаторство, мысль семейная, кыргызская проза, гендер.

Ачык сөздөр: салт, новатордук, гендер, үй-бүлө ою, кыргыз прозасы, гендер.

Key words: tradition, innovatory, thoughtfamilies, kyrgyz prose, gender.

Проблема семьи, дома – традиционная часть общечеловеческой культуры. В данной работе мы рассмотрим особенности этноментального изображения семейных ценностей, гендерных аспектов семейной проблемы в кыргызской прозе через призму классических «толстовских» традиций. Это сейчас – актуальная задача науки [1, с. 126-127; 2; 8].

В восточной ментальности весьма ощутимы гендерные различия применительно к семейным ценностям. Справедливо и другое замечание: в кыргызской системе родственных отношений концепт «семья» имеет несколько иное содержание, нежели это находим в европейской традиции [5, с. 167]. Действительно, в европейском (русском) понимании семья – это *муж, жена, дети*, а у кочевых народов семья – это *целый клан*, объединяющий всех *сыновей, их жен с детьми, старых родителей*. Только целым сообществом номады могли противостоять всем угрозам, бедам. Вот почему народ почитал крепость семьи, превозносил домовитых, расторопных жен, хороших мужей, детей, при этом подчеркивая гендерные различия. Такие материалы исследованы З.К.Дербишевой[5]. Вспомним: *Үйдүн көркү аялда (Красота дома в жене; Мир в семье женой держится)*; *Үйдүн кырк эркек толтураалбайт, бир аял толтурат (Сорок мужчин дом не заполнят, а одна женщина заполнит);* *Аял жакшы – эр жакшы (Жена хороша, так и муж хорош; У хорошей жены и мужу нет цены)*. Положительный образ кыргызской женщины, как хранительницы семейного очага, предполагал помимо внешних параметров, внутренние качества. Она должна была быть проворной, расторопной в хозяйстве, рассудительная, сдержанная, немногословная. Выход за эти рамки подвергался осуждению.

Народ в образе небесной матери Умай-эне создал этикетный кодекс, который позже подтверждался образом жизни колоритных представительниц женской мудрости, красоты, твердости характера, силы воли (Каныкей, Сайкал, Джаныл-мырза, Курманджан-датка и

др.). Не случайно в народе говорили: «Жакшы болсо катынын, табыла берет акылын» (*если у тебя жена хорошая, то умное решение всегда найдется*); «Турмуштун туткасы – аял» (*опора жизни – жена*). Недостойными считались такие черты характера женщины как жеманство (*акыштанганкатын*), кокетство (жоруктанган), непостоянство, капризность (*жаман аял кетем деп коркутат*), коварство (жылаандын териси кооз, тиши – уу; *кожа у змеи красива, зубы – яд*). Беременность дочери вне брака считалось позором для отца, матери, всей родни. Супружеская неверность, пишет исследовательница, почиталась особым пороком и предавалась осуждению. Об этом говорят идиомы типа тошоктепсет (*буквально затоптать постель*). Народ осуждал жестоких мужей: катынды кутуктап албаган кун кылат (*тот, кто не ценит жену, в рабыню ее превратит*). Но были сентенции, призывающие мужей быть строгими с женами: «Камчы кайраттуу болсо, катынуйтуу болот» (*если камча резкая, то и жена будет совестливая*). Уход от мужа, семьи в народе воспринимался как легкомысленное поведение. О такой женщине говорили - жылма кабак келин / *влюбчивая и ветренная женщина*), или козу тик келин (*беззащитная женщина*). Интересно проследить, как мастера слова воссоздали гендерные особенности семейных ценностей. Какими путями шло освоение традиций классики?

XX-й век стал временем подлинного расцвета литературы кыргызского народа, когда о себе заявили десятки ярких талантов в самых различных жанрах, стилевых формах[1, с. 76; 3; 4]. Не принижая очевидные успехи поэзии и драматургии, можно говорить о *золотом веке* кыргызской прозы. В советские годы в русле идей ускоренного развития литератур малых народов этот подъем модно было объяснять только мощным влиянием традиций мировой и русской классики[3; 4; 6; 9]. Да, традиции играли важную роль, но не следует забывать и о внутренней мощи культуры народа. О воздействии опыта русских классиков говорили многие киргизские писатели, правда, с некоторыми оговорками. Вспомним эти суждения. «Я учился писательскому мастерству и реализму у Пушкина, Чехова, Тургенева, Горького и Шолохова», - говорил Т.Сыдыкбеков. Народный поэт КР Т.Уметалиев, вспоминая годы учебы в педтехникуме, признавался: «Я познакомился с «Полтавой» Пушкина и мне открылся огромный мир поэзии. Я стал писать стихи, стараясь подражать Пушкину, его форме...» (Автобиография).

А.Токомбаев: «Писатель с далекой национальной окраины..., я вначале смотрел на русскую классическую литературу с изумлением, уважением, а больше с благоговейным трепетом, как на необозримый хребет, подавляющий высотой и мощью вершин» (Звезды в душе // СК, 2-03-1962). Еще одно признание: «О Горьком слышал давно... В 1926 году прочитал впервые «Песню о Соколе» на казахском языке... До 1930 года по-русски вообще не читал. Изучив язык, прочитал «Мать». Книга поразила меня глубиной и мастерством. Под впечатлением прочитанного написал стихотворение, которое назвал «Мать» (О себе. 1932). В этих суждениях явно ощущается ученический восторг перед великой классикой.

Иные интонации уже звучат у кыргызских писателей второй половины XX века. На смену ученическому подражанию приходят взвешенные мысли о творческом восприятии чужого опыта. Выдающийся мастер стиха, талантливый переводчик, в том числе и поэмы «Василий Теркин», С.Эралиев, вспоминая годы войны, учебы, первых шагов в литературе, говорит: «Твардовский стал моим учителем, «Теркин» - моим Литинститутом» (Автобиография). Автор новаторских «Поэма о любви» «Ак Меер», «Путешествия к звездам», «Упрямая красавица» учился много и упорно у классиков, но многое он уже воспринимал критически («Наш учитель – русская литература» /1963/). Ведь за его плечами были уже учеба в советской предвоенной школе, работа в редакции газеты, трудные испытания на фронтах войны, ранение и снова учеба, вновь работа редактором газеты. О

критическом восприятии опыта русской литературы автором поэмы «Ак Меер» З.Кедрина писала в статье «На новом уровне» (ЛГ, 7-02-1961) и Ч.Айтматов (Открытие берега // СК, 13 -1X-1964).

Ч.Т.Айтматов в статье «Взаимосвязь традиций» (1972) отмечал сильное воздействие на свое творчество гения Л.Н.Толстого: «Невозможно создавать современную прозу, не впитав опыт классического реализма Толстого и Чехова». «Русская литература, - пишет И.Лайлиева /1988/, - стала для кыргызской литературы в полном смысле слова учителем жизни». В наши дни подобные признания национальных писателей и ряда ученых многие воспринимают критически, что восприятие чужого опыта не следует рассматривать как важнейший, ключевой, судьбоносный фактор, не оставляя места другим точкам зрения (О.Ибраимов /2013/). К сожалению, в советские годы убеждение о решающей роли традиций русской литературы в ускоренном развитии молодых литератур, о мощном воздействии на профессиональный рост писателя окраин было расхожим местом в трудах многих компаративистов. В наши дни ситуация стала более спокойной и проблему восприятия опыта, в том числе и русских классиков, изучают в объективных рамках. Феномен значимости чужого опыта, безусловно, во все времена служил активизатором творческого импульса мастера слова [3; 4; 6; 9]. Возьмем хотя бы проблему эволюции *мысли семейной* в кыргызской литературе, с определенным учетом и опыта автора Л.Н.Толстого при написании романа «Анна Каренина».

В критике и литературоведении республики есть работы К.Асаналиева, А.Акматалиева, К.Бобулова, О.Ибраимова, И.Лайлиевой, Е.Озмителя и других авторов о проблеме традиций и новаторства, развития опыта мировой и русской классики. Они правы, было бы непродуктивно отвергать значение чужого опыта. Прав, видимо, А.Акматалиев, что в период становления национальной письменной литературы кыргызские поэты и писатели *не всегда умели пользоваться опытом писателей других народов*; поэтому в их творчестве преобладало прямое «*подражательство*». Литературовед прав: ведь «учеба должна быть творческой»[1, 233]. История рецепции наследия классиков мировой и русской литературы, факты взаимосвязей литератур содружества красноречиво говорят о том, как в 20-30-е годы в трудных поисках преодолевались недуги прямого *подражательства*, как писатели постепенно осваивали новые приемы творческой учебы.

Поучителен опыт первых переводчиков книг Толстого на кыргызский язык (Ж.Боконбаев, М. Элебаев, К.Маликов, М. Койчуманов и др.), которые в процессе такой трудной работы постепенно осваивали тайны творчества русских писателей. Вехами переводческой культуры стали опыты У. Абдукаимова («Хаджи Мурат»), Т. Саманчина («Анна Каренина»), С. Бектурсунова («Война и мир», «Воскресенье») и др., показавшие новый уровень понимания и рецепции русских текстов. В статье «Как я работал над переводом «Анны Карениной» (1978) Т. Саманчин предметно говорит о трудных и счастливых днях глубинного постижения *мысли семейной*, волновавшего русского писателя в этом творении[7]. Литературоведы Е. Озмитель («Л.Н.Толстой и киргизская литература», 1978), А.М. Жмаев («Наследие Л.Н.Толстого и киргизские писатели», 1978) приводят красноречивые факты многогранных творческих связей наших писателей и переводчиков с опытом автора «Анны Карениной». Ч.Т. Айтматов однозначно считал: «Да, Толстой – это чудо!» Но он категорически возражал против призывов: *писать, как Толстой, как Чехов, как Шолохов* (Ч.Айтматов. Обрести свою судьбу). Как видим, постижение толстовского гения, его идей, как и самого романа, в котором главной была мысль семейная, шло по многим каналам, шло через преодоление искусства подражательности. В кыргызской прозе иные акценты в показе гендерных отношений.

Опыт Л.Н.Толстого над романом «Анна Каренина» (с февраля 1870 по 1877 годы) поучителен для многих киргизских писателей кропотливой и многолетней разработкой темы, идеи, структуры произведения[4; 6; 7]. В процессе такой работы писатель избавился от ряда гендерных стереотипов в отношении к героине, она становилась мужчине-писателю все более симпатичной. Тема взаимоотношений мужчины и женщины Л.Н.Толстого волновала многие годы. Л.Н.Толстой указывал: «В «Войне и мире» я любил *мысль народную*, а в «Анне Карениной» - *«мысль семейную»* (Дневник). Многим киргизским писателям была понятна и близка толстовская мысль о трагедии семьи, о положении женщины в обществе. Общеизвестно признание писателя о том, как зародился от пушкинской книги замысел о *замужней женщине, из высшего света, потерявшей себя*. «Я как-то после работы взял... том Пушкина и, как всегда (кажется седьмой раз), перечел всего, не в силах оторваться, и как будто вновь читал. Но мало того, он как будто разрешил все мои сомнения... Я задумал лица и события, стал продолжать.. и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман, который я нынче кончил вчерне, роман очень живой, горячий и законченный, которым я очень доволен и который будет готов... через две недели» (письмо Л.Н.Толстого Н.Н.Страхову, 25 марта 1873года). Вот еще один довод о пользе чужого опыта (напомним, что Толстой иногда весьма сурово отзывался о прозе Пушкина). Ученые отмечают, что хотя писатель свой новый роман и начал с образа героини- замужней женщины Анны Карениной, но истоки драмы были поначалу неясны Толстому. В самом начале героиня представлялась ему, как ни в чем не виноватая, однако уже в первых набросках романа причина трагедия усматривается в ней – *потерявшей себя*. Вот почему облик Анны в первой стадии работы был весьма непривлекателен. Напротив, ее муж представал в выгодном для него свете. В ходе многолетней работы (почти семь лет) героиня оказывалась все более симпатичной, фигура же мужа приобретала отталкивающие черты. Судьба Анны Карениной постепенно вырисовывается как трагически безысходная. При этом внешне, формально она же по-прежнему сама во всем виновата. А муж целиком прав. Толстой сам пережил в эти годы схожую трагедию: столкновения живой и в каждую минуту пульсирующей жизни с окаменевшими ее формами. Эту драму прозаик не только пережил, но и реалистично отобразил в романе. В свое время француз Г.Флобер говорил: «Мадам Бовари – это я!»(ПСС в 8 тт.т.8). Вот и Л.Н.Толстой через драматическую судьбу своей героини выразил работу своего ума, сердца, души о времени и о себе.

В киргизской литературе – женская тема, мотив несчастной женской доли- одна из магистральных[8]. Вспомним классические образцы киргизских песен (арманы, песни-жалобы), эпических сказаний («Олжобай и Кишимжан», «Ак Меер»), акынской поэзии. «Жалоба девушки, выданной замуж за старика», «Причитания жены дехканина», «Причитания жены охотника», «Кемчонтой» Т.Молдо, «Алымкан» Т.Сатылганова, «Девочка-сирота» Барпы Алыкулова, пьесы «Карачач» К.Джантошева, «Горемычная Какей», М.Токобаева, повесть «Аджар» К.Баялинова. Во всех этих произведениях звучит голос в защиту киргизской женщины.

Тема эмансипации женщины – ведущая в литературах народов Востока. Здесь создана колоритная галерея восточных женщин – Биби-Ойша, Мухаббату С.Айнм, коммунистка Раушан- М.Ауэзова, Кумюшбиби- А.К.Адыри, «Лайли», Дильбар-Айбека, Зайнаб- Х.Алимджана, Гульсара- К.Яшена, Канизак, Хафиза- А.Каххара, Айкыз-Ш.Рашидова, Анахон -А.Мухтара, Майра -А.Таджибаева, Ботагоз -С.Муканова и др. Опыт этих писателей интересен для сравнения с женскими образами киргизских авторов. Почти все научно-критические труды, посвященные киргизской литературе второй половины XX века обозначены словами; *восхождение к зрелости, к новым рубежам, на пути новых традиций, от вершины к вершине ,по пути обновления* и др. Литературовед К.Бобулов в

работе «Новая ступень» (1976) размышляя об особенностях развития современной киргизской прозы, отмечал, что критическое освоение традиций русской и мировой литературы помогло многим смело проникнуть в глубинные пласты сложной действительности. У. Абдукаимов («Фронт»), Т. Сыдыкбеков («Женщины», «Батийна»), Ч. Айтматов («Первый учитель», «Джамиля», «Материнское поле»), Т. Касымбеков («Хочу быть человеком»), А. Джакыпбеков («Суровый путь»), М. Байджиев («Моя золотая рыбка», «Чужое счастье»), Н. Байтемиров («Бунтарка и колдун»), Ж. Мавлянов («Бракосочетание»), К. Каимов («Заблуждение»), М. Гапаров («Гость»), К. Джусупов («Жажда жизни»), О. Султанов («Белая дорога, синее небо»), Ш. Абдыраманов («Белый свет») и др. преодолев недуги описательности, схематизма новаторски используют в своем творчестве самые разные приемы психоанализа [1;3;4;9].

В показе сложной природы, внутреннего мира современника, в том числе и женских характеров, они дают пластическое изображение их внутреннего мира, психологически убедительно раскрывают их душевные качества, нравственную чистоту. Такими предстают герои У. Абдукаимова – Бермет и Кадырбек, Качике, Т. Сыдыкбекова – Батийна, К. Баялинова – Мамбет, Таня, М. Борбугулова – Дюйше и Бермет, Ч. Айтматова – Джамия, Данияр, Толгонай, Алиман, О. Султанова – Календер и Аджаркюль, Н. Байтемирова – Аруке. Молодость, любовь, семья, верность, разлука, война – вот основные звенья нравственных конфликтов, переживаемых этими героями.

Вспомним, сколько было споров о героях Ч. Айтматова, которые в критической ситуации войны, социальных катаклизмов ведут себя нестандартно, не всегда следуют канонам старины [1, 126-130].

Бурные споры вызвала повесть Айтматова «Джамиля» прежде всего характером главной героини. Как всякое неординарное явление она и поныне вызывает споры. Юный Сеит, младший брат Садыка, находящийся в дни войны на фронте, оказывается свидетелем любви *джене* Джамии и Данияра. Характер Джамии удивлял многих айльчан. Сеит, младший брат ее мужа, вспоминает, что в характере *джене* проявлялись какие-то мужские черты, что-то резкое, грубоватое. Работала Джамия хватко, вопреки поведению молодых келинок, не всегда могла ладить с соседями, если ее напрасно задевали, могла и отпор дать. Автор явно рисует киргизский женский характер, не соответствующий привычным гендерным стереотипам. Народ в молодухах помимо красоты, миловидности, ценил скромность, почтительность к старшим, трудолюбие, бережливость, нравственную чистоту и др. В тексте же сказано: «Она уважала старших, слушалась их, но никогда не склоняла перед ними голову, зато и не язвила шепотком, отвернувшись в сторону, как другие молодухи». Джамия во всем прямая по характеру, «говорила то, что думала». В конце *джене* вместе с любимым человеком покидает их дом, аил. Юноша мечтает нарисовать картину об этой любви.

Литературовед А. Акматалиев вспоминает как болезненно реагировали маститые аксакалы на повесть «Обон» (киргизский вариант «Джамиля») за подобную коллизию: как это так, молодая женщина бросает дом, мужа, сражающегося на фронте во имя новой любви [1, 193-194]. Понять недовольство киргизских писателей старшего поколения можно, ибо в книге Айтматова на глазах «рушилась не только традиционная концепция положительного героя в советской литературе, но как бы рушились принципы привычной коммунистической морали те, нормы социалистической нравственности» [О. Ибраимов. История... т.2. с.44]. Действительно, финал повести – уход Джамии, чей законный муж находится на фронте, с Данияром, вернувшимся в родной аил после ранения, обрисован автором так, что такой финал кажется не только не предосудительным, но естественным и единственно возможным. Не случайно и образ *свекрови* обрисован по-новому, ведь раньше они в отношении к *келинкам* бывали подчас жестоки, злобредны, придиричивы. Айтматов и

здесь отходит от гендерных стереотипов, свекровь уважает Джамилю, мечтает, чтобы после ее смерти *сноха* уверенно вела хозяйство. Умудренная женщина даже в чем-то понимает поступок невестки.

Литературовед О.Ибраимов считает: «Писатель смело описал священное безумие любви; жизнь людей сложнее упрощенных формулировок морали, шире затверженных истин, и в этом ее красота, в этом, как утверждает писатель, и ее трагизм» (2013. т.2. с. 44-45). Критика 60-80-х годов XX века превозносила повесть Айтматова за то, что он показал характер кыргызской женщины-бунтарки, отстаивающей свое личное достоинство. Новизну в характере героини видели в бунте против закостенелых обычаев патриархального уклада. На рубеже XX-XXI веков, когда в суверенном Кыргызстане начался процесс возрождения национальных обычаев, традиций послышались голоса, осуждающие Джамилю. Оппоненты им отвечали: в истории народа и раньше бывали бунтари-женщины, но не было Айтматова, чтобы написать об этом так, как это сделал автор «Джамили». Большая часть читателей и критиков и в наши дни ценят в характере этой героини ее цельность натуры, красоту внутреннего мира, высокую духовность. Критик пишет: Джамиля – человек искренний и честный, в то же время, сильный» (О.Ибраимов.т.2. с. 47). Этот ученый справедливо сравнивает айтматовскую героиню с Анной Карениной и в обоих случаях видит родство двух женщин в активной жизненной позиции, в твердом стремлении к счастью. Писатель Айтматов в ряде книг показал, что Джамиля не одна такая.

В повести «Материнское поле» Толгонай проводила мужа, трех сыновей на фронт, сама стала бригадиром в колхозе. Теперь она за все в ответе: ведь об этом ее попросил муж перед уходом на войну[8]. И женщина дала обещание и это обещание она выполняет строго. Вместе со всеми она делит слезы вдов, сирот. Она бросается в погоню за ворами, когда Эшенкул с друзьями угоняет колхозных лошадей. Исподволь писатель умеет показать, как в этой сложной жизненной ситуации, Толгонай и невестке Алиман удается сохранить человечность веру в жизнь, победу. Война кончилась, но Толгонай не дождалась мужа и сыновей, Алиман - совсем молодой осталась вдовой. Свекровь не настаивает, чтобы она соблюла вековые законы, остаться в доме мужа. Свекровь даже согласна, чтобы келинка снова вышла замуж и завела новую семью. Готова благословить ее на это! Молодая из всех сил стремится сохранить память о муже, Алиман уважает мать, не хочет ей приносить боль, страдания. Она заботливая келин. Женщина хочет забыть о своей горькой судьбе, пытается жить воспоминаниями о счастливом прошлом. Вот она гуляет по лугу, собирает, как в те мирные дни, цветы. Потом вспомнив, что у нее на голове черный платок, роняет букет на землю. Одна, но какая значимая деталь. Война идет по пятам. Писатель усложняет жизненную коллизию: Алиман уступила напористому проезжему чабану, она беременна. А у аила свои законы: это уят! Все выдержала мудрая Толгонай: пересуды, косые взгляды. Алиман умерла во время родов, остался малыш. И Толгонай в исповеди матери-земле обо всем говорит от сердца и души. Она только просит у Бога, чтобы всевышний дал ей силу и здоровья вырастить незаконного сына Алиман. Айтматовская героиня поражает нас широтой души, человечностью. Она живое воплощение начала Умай-эне! Каждый читатель уверен: пока у народа есть такие натуры как мудрая, великодушная Толгонай, такой народ будет вечен. Об этом писали критики С.Джигитов («Дорога матери - дорога народа»), К.Бобулов («Голос матери»).

Стремление любить, мечтать о личном счастье стали и для героини Салтанат из произведения Ж.Мавялнова «Бракосочетание» причиной ее беды. В аиле получили благодарственное письмо от командиров части, в котором воюет Белек. После чтения при всем народе председатель Стамов вручил письмо Салтанат, со словами: «Таким женихом можно гордиться! Здоровья тебе, дочка, и счастья!» Но счастье девушки омрачается тем,

что она под это радостное настроение желает рассказать матери Белека о *их тайне*. Она беременна, это случилось в последний день, перед уходом юноши на войну. Шекер сама пожелала, чтобы Саламат жила у них. Она тогда говорила: «Ты моя дочь. А в тот день, когда вернется домой Белек, я покрою твою голову платком: будет у сына жена, а у меня послушная сноха». Мать Белека, строгая тетушка Шекер, услышав весть о беременности Салтанат, пришла в сильное негодование. Она воплощенный идеал гендерного образа *байбиче*, умудренной женщины-мусульманки, живущей по законам адата. «Ох, вы, *клятвопреступники*, разве не знаете, что такое ребенок, рожденный вне брака? Кто скажет о нем доброе слово? Как мы теперь будем смотреть людям в глаза? Господи, никогда еще в нашем роду не было такого бесстыдства, господи... Неужели такое могут себе позволить дети мусульман?... Как я скажу людям, что это ребенок моего сына, если он незаконнорожденный? Что я им скажу? Чего же ты молчишь, бесстыжая?...» Нам понятна реакция айльной женщины, воспитанной в строгих нормах ислама, адата, можно. Она считает, что обязательно нужно пройти обряд бракосочетания, обряд молодых мусульман, создающих новую семью. А это может сделать только мулла! Шекер считает: «Пока не сотворен этот обряд, ты не жена ему, он не муж тебе». Салтанат оправдывается: Белек ходил за муллой, но его дома не оказалось, он был в отъезде. Из-за военной спешки, они не смогли пройти обряд *нике*. Но возмущенная вероломством будущей снохи Шекер требует, чтобы *бесстыжая* ушла из их дома. Узнав эту новость, и старый Сагын приказал поскорее увести с глаз *бессовестную тварь*. Вот и пришлось униженной Саламат рано, еще на рассвете, чтобы не видели люди, покинуть дом Белека. В отличие от свекрови *кайни* Калыбек пожалел и понял как нелегко *джене*.

Он догнал ее на лошади, предложив довести до дома. Салтанат не хочет привлекать внимание людей и отказывается от помощи Калыбека, но просит его: «Ничего не пишите Белеку, Я ему сама напишу...» Героиня считает, что с любимым они сами разберутся в этой сложной ситуации. А читатель должен решить, кто прав в непростой истории? Права мораль старой Шекер, с ее религиозно-этическими законами? Или правда на стороне молодых, вынужденных из –за проклятой войны так поспешно пытаться построить свое счастье? Прозаик Жунай Мавлянов умет ставить непростые жизненные вопросы и этим его проза дорога читателям. Для этого мастера слова литературными наставниками являются Л.Толстой, М.Горький, М.Шолохов. В их русле кыргызский прозаик рисует своих героев, подчеркивая гендерные конфликты. Молодые учатся, работают, борются, пытаются построить свое счастье, но это иногда не находит поддержки у старшего поколения. Последним кажется, что молодые покушаются на святая святых. Л.Н.Толстой образом Анны Карениной хотел осудить эту женщину – *жену и мать, которой не след гулять*, но многие говорили, что писатель ее *возвеличил*.

Писатели У.Абдукаимов, Ч. Айтматов, Ж.Мавлянов, О.Султанов, своих героинь часто ставят в сложные жизненные обстоятельства, на предмет проверки их душевных качеств, моральных устоев. Они порой совершают поступки, которые в обычном быту, подвергаются осуждению. Но авторам достает художественного такта, чтобы читатели поняли их замысел, идею произведения. Наши писатели зрелого периода, ощущая себя продолжателями гуманистических традиций родной и мировой культуры, чаще предстают не *суровыми прокурорами* их поступков, а дотошными *адвокатами*. Читатели восхищались нравственной чистотой, стойкостью Асель, сочувствовали Толгонай, волновались за будущую судьбу Джамили и Данияра. Мы огорчаемся за добрую, милую, трудолюбивую Салтанат, что все у нее случилось так некстати. В этом и заключается главный смысл любого художественного произведения, чтобы оно защищало суверенные права личности, его стремление к счастью.

Представители кыргызской прозы в гуманистических традициях мировой и русской (в первую очередь, естественно, национальной культуры) сумели новаторски решить значимые аспекты *мысли семейной*, высокохудожественно изображая преодоление гендерных различий в показе неординарных женских натур. Им весьма удаются и непростые мужские судьбы, они не боятся затронуть конфликты отцов и детей. Для ряда кыргызских прозаиков весьма значимыми оказались толстовские традиции, особенно при решении темы *мысли семейной* [4; 6; 9]

Список использованной литературы:

1. Акматалиев А. Избранное. Собрание сочинений. Литературоведение.- Бишкек, 1997.
2. Бендас Т.В. Гендерная психология. – Спб, 2008
3. Бобулов К. Проблема традиций и новаторства в кыргызской прозе. АКД. – М.: 1966. - Бобулов К. Пути развития реализма в кыргызской прозе. – Фрунзе, 1969.
4. Борбугулов М. От «Манаса» к Толстому // Живое единство. Сборник. М.: 1974. С. 298-332.
5. Дербишева З. Родственные узы. Кыргызская женщина // З. Дербишева. Кыргызский этнос в зеркале языка. – Бишкек, 2012. С. 167-190; с. 271-292.
6. Жмаев А.М. Наследие Л.Н.Толстого и кыргызские писатели // РЯКШ, 1978, №1. С. 25-30
7. Саманчин Т. Как я работал над переводом «Анны Карениной» //РЯКШ, 1978, № 3. С.1-7.
8. Сардарбеккызы Н. Образ женщины в ранних повестях Чингиза Айтматова // Вопросы искусства и литературы. –Бишкек, 2008.
9. Укубаева Л. К вопросу о влиянии русской литературы на творчество Чингиза Айтматова // Взаимосвязи и взаимодействия художественных культур народов. - Фрунзе, 1978. С.143-145

ФИЛОСОФИЯ АЙТМАТОВСКОГО СЛОВА
АЙТМАТОВДУН ФИЛОСОФИЯЛЫК СОЗУ
AITMATOV'S WORLD PHILOSOPHY

*Раманкулов Ш.М. – преподаватель,
Жалал-Абадский государственный университет
г.Жалал-Абад Кыргызская Республика*

Аннотация: Произведения Ч. Айтматова способствуют более глубокому художественному отражению действительности. Айтматовская философская концепция все шире открывает диалектику человеческой души. Поэтому его слово в освоении жизненной проблематики обогащает потенциал, возбуждает встречную активность мыслей и чувств.

Аннотация: Айтматовдун чыгармалары турмуш чындыгын терең жана көркөм сүрөттөй алган. Ч. Айтматовдун философтук концепциясы адамдын ички дүйнөсүн ачык айкын көрсөтөт. Ошондуктан анын жаңы сөзү потенциалды жогорулатып ой жүгүртүүнү жана сезимдерди ойготот.

Annotation: Ch. Aitmatov's works have deep reflection to reality. His philosophy opens dialect of human soul. The words used in his works enrich potential, develop activity, view and feeling.

Ключевые слова: философия, литература, проза, сюжет, концепция, роман, гений, мир.

Ачык сөздөр: философия, адабият, проза, сюжет, концепция, роман, гений, мир.
Key words: philosophy, literature, prose, plot, concept, novel, genius, world.

В настоящее время «философизация реальности» во многом определяет магистральные пути развития современной литературы, которая всё больше насыщается философским содержанием. Эта тенденция отчетливо проявила себя в литературном процессе последнего десятилетия, в произведениях, очень разных в жанровом и стилевом отношении, но объединенных положенными в их основу философскими проблемами - художественным исследованием «состоянием мира и человека» проведения нравственного самосознания личности в остро кризисных ситуациях. Зачастую пограничных между жизнью и смертью. Вечности и бесконечности, поднимающих проблемы «бега времени» и «исторической памяти».

Речь идёт о таких писателях как Ч. Айтматов, Ю. Бондарев, В. Распутин. В. Астафьев. Н. Думбадзе. А.Ким, П. Куусберг. В. Богомолов, А. Адамович. В. Быков, К. Жусубалиев, Несомненно, что творчество этих писателей рассматривается прежде всего взаимодействием человека с миром, природой и научно-техническим прогрессом.

Остановимся на творчестве гениального кыргызского писателя Ч. Айтматова.

Выходец из белоснежных высоких гор Кыргызстана, где некогда жили и творили Манас и Курманбек ныне вышел благой Чингиз, художник и мыслитель, писатель, гуманист. В нем все крупно. Седеющая грива волос, мощный излом бровей и лоб роденовского. Мыслителя и крутой разворот плеч. Талант был дан ему на вырост. И десятилетия жизни Айтматов использовал так, что этот талант досрочно достиг гениальности, его книги, словно блоки, из которых строитель вершил сбор духа человеческого. И трагедийный гром колоколов айтматовского сбора звучит все тревожнее. Каждое новое творение предупреждает человечество все с большой силой о грядущем

апокалипсисе, если мы не опомнимся, если не возведем «в себе и собою плоти добра на пути селевых потоков зла. Имя Ч. Айтматова по праву можно назвать одним из глубоких умов среди величайших писателей XX столетия. Как художник, он наделен даром улавливать и предощущать сложнейшие конфликты, сокрытые в потаенных недрах бытия. Буквально все произведения Ч. Айтматова стали неотъемлемым элементом и фактором духовной жизни нашей за последние десятилетия: они питают дух - думами, душу – переживаниями, воображения - красотой, углубляют в нас внутреннего человека по праву Ч. Айтматова можно назвать спутником жизни, кормильцем дум и выразителем чувств нашего поколения. В его произведениях кардинальные проблемы человечества ставятся на повестку дня по-новому: в ней воспевается величавость Человека, благодарность, природы и вечность жизни. Писатели, литературоведы, и критики справедливо отмечают, что творчество Айтматова стало подлинным образцом мастерства, оно внесло весомый вклад в развитие мировой литературы, и прежде всего в аспекте межлитературного взаимодействия и взаимообогащения. Так отзывается арабский критик Джамиль Камаль Ад-дин о всемирном признании творчества Ч. Айтматова: «Его имя золотыми буквами вписано в историю современного романа».

Безусловно, писатель пишет то, что диктует время, и у каждой цивилизации свой особый взгляд на самые великие ценности - мир и человек в нем. В этой связи весьма интересным представляет сопоставление отношений к человеку, например в период Средневековья - у Августина, Данте, Нарекаци - человек как органическая часть небесной иерархии; над ним небо, под ним преисподняя, в эпоху Возрождения - У Шекспира, Рабле, Сервантеса - гуманистическое самоутверждение человека: открывается бесконечность миров, но уже без органически-организованного космоса: в следующую мировую эпоху с новой силой, в новом измерении наступает испытание свободы человеческой - это было время Гете, Бальзака, Толстого и наконец нынешнее стремление – у Т. Манна, Фолкнера. Гессе, Сартра, Ч.Айтматова – проникновение в диалектическую связь понятий человек-среда, быт-бытие, объективное – субъективное, где человек, является не только продуктом обстоятельств, но и сам может, познав их, влиять на них, противодействовать им своей индивидуальностью, непредвиденностью, неповторимостью.

Осмысливая произведения Ч. Айтматова, исходя из концепций Фрейда Юнга Фромма., мы говорим о жизненно экзистенциальном воплощении, как фрагмента этой экзистенции и о воплощении картины мира, сочетающий макрокосм и микрокосм, то есть человека...

Следовательно, смысл всему дает человек. Проза Айтматова глубоко философична. В ней синтезированы великие сущности бытия: Человек. Жизнь. Пространство. Время.

Уже в своих ранних произведениях Ч. Айтматов заявил себя великолепным нарратором: он открыл новый духовный мир, показав все поступки, устремления человека во внутреннем имманентном движении.

Айтматовские герои, проживая свою жизнь в пространстве и времени художественного сюжета, одновременно являются носителями определенной судьбы выпавшей на их долю. Судьбы его персонажей подобны людским: они столь же зависимы от воли случая, но в глубине своей не случайны. Все характерное, что свойственно людям, в персонажах спрессовано до обзора, до типа, нередко становящегося символом.

К примеру высоким символом любви вошли в мировую литературу образы Джамили и Данияра («Джамилия»), Алтыная и Дюйшена («Первый учитель»), Асели и Ильяса («Тополек, мой в красной косынке»). Теме любви в произведениях Айтматова принадлежит огромное, если не первостепенное место: это не состояние души, а первооснова мира. Любовь само – ценна, она имеет свой образ и этот образ – женщина. Айтматов открывает новые горизонты смысла в рамках вечной темы, переменами

удостоверяя постоянство. Женское начало в его произведениях – не момент в судьбе мужчины, не внутренняя тела в трагедии мужского духа, не внутренний соблазн, как мы находим в восточных притчах, а прекрасный, полный психологизма образ любви, имеющий самостоятельное значение. Ярким подтверждением данного аспекта является повесть «Джамиля». Чем вызван уход Джамили к Данияру? Что это легкомыслие? Нет. Между ней и Садыком нет любви озаряющей жизнь счастьем. Встретив Данияра, возвратившегося с фронта раненым, она посвятила ему самые сокровенные чувства, бурлившие в ее сердце. После выхода повести на свет французский писатель Луи Арагон перевел повесть на свой язык и заявил всему миру: «Повесть Айтматова – самая прекрасная в мире повесть о любви».

Очевидно, Ч.Айтматову присуща двойная природа художественной модели отображая отдельное событие, он одновременно отображает и всю картину мира; рассказывая о трагической судьбе героя – повествует о трагичности мира в целом.

Основной трагизм жизни – это трагизм смерти. Явление глубоко трагическое и страшное – война. Война есть внутренняя трагедия каждого человека, она – великая проявительница и изболочительница. Тема войны, как фатального нарушения человеческой общности, проходит через все творчество Айтматова. К примеру, приведем монолог Едигея («И дольше века длится день»): «Что за люди пошли, что за народ! Для них все важно на свете, кроме смерти». И это не давало покоя; «Если смерть для них ничто, то выходит и жизнь цены не имеет. В чем же смысл, для чего и как они живут там?» Следовательно трагедийность образов Айтматова по силе актуализации жизненного импульса сродни разве что героям Шекспира, Бальзака, Гюго, Толстого, Достоевского. Это Толгонай в «Материнском поле» и старик Момун в «Белом пароходе», Танабай в «Прощай, Гульсары» и Едигей в «И дольше века длится день», Авдий в «Плахе» и Филофей в «Тавре Кассандре». В чем же суть трагизма в произведениях Айтматова? Очевидна, в эмпирической безысходности, которая указывает на неискоренимые противоречия действительности – дисгармонию общего и частного существования, в которой торжествует жестокость, эгоизм, понижается гуманность, нравственная чистота, альтруизм, и требует какого-то высшего над эмпирического выхода. Именно трагизм в произведениях писателя заставляет с особенной силой ставит вопрос о смысле и цели жизни, и на него есть один достойный человека ответ – возвращение к той вере в человеческий разум, которая жила у величайших мыслителей человечества. Привнесение в обыденное сознание людей дух трагической красоты, необыкновенной мягкости и человечности – в этом, без сомнения, огромная общекультурная заслуга Айтматова.

В одном из бесед с А. Федотовым Ч. Айтматов заявил: «...от национального к общечеловеческому. Ведь общечеловеческое складывается из национальных элементов. Не может литератор появиться из ничего и тут же воспарить в космополитические выси. Это как в музыке, композитор идет от национальных мотивов, от малых жанров к симфонии...!»! отсюда умение находить в национальном – общечеловеческое, явилось характерной особенностью всего многогранного творчества Ч. Айтматова. Художественное произведение в национальной традиции – быть отблеском, следом, тенью духовной реальности. Безусловно, что художественное чутье писателя постигло все тайники родной земли, быта, обряда, ритуала, психику и привычки народа, сердец влюбленных, горя и печали рано овдовевших женщин. Он глубоко проникся сутью человеческих перипетий, осмыслил своеобразие эпохи, оценил по достоинству уходящее и приходящее, умирающее и зарождающееся.

Таким образом, произведения кыргызского писателя способствуют более глубокому художественному отражению действительности. В своих творениях он стремится глубже проникнуть в национальную почву, вернуться к истокам фольклорно-эпического

повествования.

Появление повести «Белый пароход» стало большим событием в литературе. Основной произведения является легенда о рогатой Матери – Оленихе, сплетенная реальной жизнью людей. Автор вглядывается в древнюю историю кыргызского народа, опирается на его духовную культуру, передаваемую из поколения в поколение. И все это тесно сплетается с размышлениями героев, с их познанием мира.

Вдалеке по озеру, откуда льется синий свет, плывет Белый пароход. С его появлением мальчик забывает все на свете. В своей детской мечте он рыбой плывет к Белому пароходу, встречает отца-матроса, рассказывает обо всех своих обидах.

Для мальчика это сказка – второй мир. Дед Момун и не подозревает, что его рассказы о трагических днях, которые некогда пережил кыргызский народ, произвели на внука сильное впечатление. Мальчика покоряют доброта, отзывчивость, справедливость Матери – Оленихи... на свете нет священнее ее, и он гордится тем, что он ее сын.

Отношение героев к Матери – Оленихе – мерило нравственности. Для деда Момуна гибель Матери-Оленихи стала концом любимой сказки. Что он скажет теперь мальчику? Да и может ли он оправдаться перед прахом дедов и отцов? А перед совестью?

Мальчик никак не может смириться со зверскими поступками Орозкула. Сколько бы ни старался Орозкул, грубая сила не может сломить кристально чистое чувство мальчика. Мальчик уходит из этого мира с такой же чистой совестью, с какой родился. Смерть мальчика не поражение, а моральная победа, торжество духовности.

В предисловии к роману «И дольше века длится день» Айтматов писал: «... и в этот раз я опираюсь на легенды и мифы, на предания, как на опыт, предназначенный нам в наследство предыдущими поколениями. И вместе с тем впервые в своей писательской практике прибегаю к использованию фантастического сюжета. И то и другое для меня не самоцель, а лишь метод мышления, один из способов познания и интерпретации действительности». Айтматов мастерски трансформирует мифы, легенды, фольклор в основные сюжеты, которые при введении в основную сюжетную линию проявляются как лирические и морально-нравственные комментарии событий, происходящих в художественном произведении.

По словам Ч.Айтматова, именно тревога за человека, неприятие всего, что мешает ему стать цельной, богатой, яркой личностью, и заставили меня обратиться к легенде о манкурте. А человек, лишенный национальной и исторической принадлежности, всего того, что характеризует его как личность, превращается в безропотного раба в послушного робота. И такого человека – идиота называли презренным именем – манкурт.

«Легенда о манкурте» - это яркий пример использования мифологического материала, который автор вплетает в основную сюжетную линию и тем самым объясняет его вселенскую значимость. Истоки легенды о манкурте мы находим в эпосе «Манас», но лишь Айтматов сумел внести в мировой литературный и исторический процесс понятие «манкуртизм». Манкуртизм – это разрушение вселенского субъекта – памяти человека.

Следовательно, легенды внесенные в произведения – это по сути философские экскурсы и этюды.

В произведениях Айтматова нельзя отделить человека от природы. Природа для Айтматова – некая самостоятельная стихия, существующая по своим особым законам красоты, гармонии, свободы. Она может быть даже жестока – но все равно в конечном счете справедлива. Отсюда следует, что айтматовская концепция общения человека с природой расширяет границы внутреннего мира человеческой души. Природа в его творчестве играет роль своеобразного критерия оценки жизни людей.

Когда он пишет о животном мире. Каждая деталь его повествования несет в себе сложную символику, поддерживающую нравственный климат произведения. По

жизненной достоверности, по силе изобразительности образы Гульсары, Каранара, Ташчайнара, Акбары не уступают образом людей – Танабая, Едигея, Бостона. Например, в повести «Прощай. Гульсары!» образ коня одушевлен, он вместе с человеком «думает», «вспоминает», «волнуется». Именно по этому смерть Гульсары для Танабая – невосполнимая утрата. Образ иноходца дает возможность писателю красочно, ярко раскрыть характер Танабая, диалектику его внутреннего мира, обнажить черты, которые таятся в глубине человеческой души, подчеркнуть решающие события в судьбе героя. Образы животных в произведениях Айтматова делают нас причастными сокровенной преемственности всего сущего. Сюжетные линии волков, оленихи, верблюда, лошади, китов... это универсальная метафора человеческого существования, аллегория жизненного пути, вереница свершений земного бытия. Главные страсти и желания человека возникают из его всеобщего существования, в которой оказался человек. Люди принадлежат миру животных по своим физиологическим функциям, и их существования определяются инстинктами и гармонией с природой. Но человек отделен от животного мира. И эта раздвоенность составляет суть экзистенциального противоречия. Гармония с природой наполняет дыханием жизни этот грандиозный мир. Дисгармония – оборачивается трагедией. И одно из доказательств тому – плывущие киты, как хранители источника творческих метаморфоз бытия, они исполнены земных катаклизмов, киты погибают, выбрасываясь на берег.

Есть такая – та полная внутренняя беспочвенность в желании человека обладать внешним миром. А если нет внутренней меры в человеке – нет и покоя. Поистине тот, кто хочет победить мир вовне себя, в самом себе растит своего злейшего врага, и это блестяще отражено в произведениях Айтматова посредством символизма.

Таким образом, айтматовская философская концепция еще шире открывает диалектику человеческого характера, мира, она освобождает человека от отжившей свой век традиционной морали, способствует воспитанию личности на нравственных ценностях общественной среды. По словам самого Айтматова, нравственность – эти изначальный и наиглавнейший закон бытия для человека. Каждое поколение, каждый индивид воспринимает его как незыблемое и священное наследие предков. Важно, чтобы человек в обществе в целом неукоснительно следовали этим нормам всегда – и в большом и в малом. Целостность его творений складывается на органическом соединении личной жизни человека и народной судьбы. Поэтому творчество Айтматова – новое слово в освоении жизненной проблематики, обогащающее потенциал, возбуждающее встречную активность мыслей и чувств.

Как и все большие писатели Ч. Айтматов создал свой мир. А мир Айтматова это мир добра и света, любви и человечности, гармонического единства отдельной человеческой судьбы и судьбы общенародной. Айтматовский мир – квинтэссенция времени, эпохи, рубежей, веков. Это настоящая энциклопедия едва ли не всех чувств и страстей, переживая которые, человек становится человеком. Вместе с тем и мир неповторимого языка, его образов, мир, обладающий своим пространством, временем, связями, мир духовного нравственного обновления, мир полета и идеи, мысли и фантазии. Он каждый раз нов, прекрасен и неповторим, как сама жизнь.

Не в том ли гениальность Айтматова, что он сумел трансформировать мировую культуру в самом себе, став рафинированным интеллигентом, одним из представителей мировой интеллектуальной элиты, лидером многих престижных международных общественных организаций. Это человек мощного духовного потенциала, постоянного творческого поиска, который, по его же словам, «не собирается останавливаться на том, что есть уже пройденный этап», который «ведет поиск в одиночку, а находки его принадлежат всем».

"Буранный полустанок и больше века длится день" - первый роман Чингиза Айтматова. Он был написан в 1980 г. и вызвал бурную дискуссию, т.к. это произведение острое, пронизанное болью и безмерным оптимизмом, верой в человека. В центре романа - судьба Едигея Жангельдина (Едигея Буранного). Он прошел сквозь огонь второй мировой войны, был контужен. Стал путевным рабочим, безвыездно сорок лет прожившим на Буранном полустанке. Здесь пережиты самые сильные потрясения, разочарования, радости, трудности. Буранный полустанок - это целый мир, в котором протекли жизни семьи Абуталипа, Едигея и его старшего друга Казангапа со своими страстями, страданиями, надеждами и тяжким физическим постоянным трудом на железной дороге. Буранный Едигей попытал горькое счастье поздней неразделенной любви. А на старости лет ему выпало ещё одно мучительное испытание - воспоминания о пережитом, суд памяти. С этим связан особый настрой, лирический мотив, которые проходит через весь роман.

" И дальше века длится день" похорон друга Едигея Казангапа. Двигается процессия, во главе которой восседает на верблюде старый человек, вся жизнь его и думы о ней вобрали в себя сложнейшие противоречия времени, не в чем упрекнуть себя Едигею. Всегда он был там, где труднее всего, не бежал от работы, сложных житейских проблем, ни разу не покривил душой, не отказался от своего слова. Для всех был надёжной опорой и поддержкой.

Мир Едигея Буранного (реальный мир) переплетается с миром легенды. По преданию, Сарыозекские степи в прошлые века были захвачены жестокими жуанжуанами. Чудовищная участь ожидала тех, кто попадал к ним в рабство. Страшной пыткой они уничтожали память раба: надевали на голову жертвы шири - кусок освежёванной верблюжьей шкуры. Высыхая, шкура стягивала голову, и несчастные испытывали нечеловеческие муки. Пытка длилась несколько суток. Большинство замученных погибали, а тот, кто оставался в живых, превращался в раба-манкурта, совершенно потерявшего память, не знающего своего рода, имени, как собака, преданного своим хозяевам. Это был уже не человек, а только чучело человека. И только одна мать - Найман-апа - не примирилась с подобной участью сына и погибла от его стрелы. В романе существует ещё один мир - ирреальный мир, связанный с космосом. Это развёрнутая метафора, связывающая легенду с современной жизнью. Новые варвары построили на родовом кладбище Ана-Бейит, возникшем на месте гибели матери манкурта, космодром, на котором до поры до времени притаились ракеты-роботы, олицетворяющие силы зла. Писатели удалось убедительно показать богатейший духовный мир простого человека, глазами которого смотрит на нас сама наша эпоха.

Список использованной литературы:

1. Чингиз Айтматов. Избранное Роман, повести, рассказы. - Фрунзе «Кыргызстан», 1983.
2. Чингиз Айтматов. «И дольше века длится день» («Буранный полустанок»). - Фрунзе «Кыргызстан», 1988.
3. П.Е.Глинкин. Чингиз Айтматов. - Ленинград. Издательство «Просвещение». Ленинградское отделение, 1966.
4. Богданова М. Кыргызская литература. - Москва, 1947.
5. Любовь, человек, эпоха (Рассуждение о «О человеке и Природе» Чингиза Айтматова). -Москва «Молодая гвардия», 1962.
6. Ч.Айтматов. «Буранный полустанок и больше века длится день». - Фрунзе «Кыргызстан», 1980.

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ КЫРГЫЗСКОЙ ПРОЗЕ
АЗЫРКЫ КЫРГЫЗ ПРОЗАСЫНДАГЫ ТАРЫХТЫН КОНЦЕПЦИЯСЫ
THE CONCEPT OF HISTORY IN CONTEMPORARY KYRGYZ PROSE

Сабирова В.К. – д.филол. н. ОшГУ,
Бисерова А.Х. – преподавател,
Мурадымов Н.М. – к.филол.н., профессор, ОшГУ
Мискичева З.Я. – и.о. доцент, ОшГУ
кафедра всемирной литературы ОшГУ,
г.Ош, sabirova_venera@mail.ru

Аннотация: В статье дан обзор современной исторической прозы в литературе Кыргызстана. Авторы делают акцент на изображении концепции времени, нравственности и истории.

Аннотация: Макалада Кыргызстандын адабиятындагы азыркы тарыхый прозасынын жалпы көрүнүшү берилет. Авторлор мезгилдин, адептин жана тарыхтын концепцияларын сүрөттөлүшүнө басым жасашат.

Annotation: The article gives an overview of contemporary historical prose in the literature of Kyrgyzstan. The authors emphasize the image of the concept of time, morality and history.

Ключевые слова: концепции истории и времени, личность, кыргызская проза, современное значение.

Ачык сөздөр: тарых жана мезгил концепциялары, инсан, кыргыз прозасы, азыркы мааниси.

Key words: concepts of history and time, personality, Kyrgyz prose, modern meaning.

Прошедший 2016 год был объявлен Годом истории и культуры: «Это получило широкую общественную поддержку и показало важность сохранения исторического и культурного наследия, наличие в этих сферах огромного потенциала, который создает основу для формирования современного кыргызстанского общества» [1]. Важность концепции времени в исторической прозе Кыргызстана состоит в том, что она проясняет некоторые аспекты современности. Последние десятилетия в жизни нашей страны были сопряжены серьезными катаклизмами, давшими основание причислять республику в разряд «недееспособных» государств [2]. Почему республика, имевшая в советские годы солидный авторитет и экономический баланс, в годы суверенитета попала в разряд страны без приоритетов?

«Золотым веком» в развитии экономики, науки, культуры страны признан XX век. Историк К. Ажибекова пишет, что в Советском Кыргызстане за 70 лет наряду с развитой промышленностью, успешными колхозами, совхозами, развитой наукой, было создано профессиональное театральное, музыкальное, изобразительное искусство, подлинным чудом стал кыргызский кинематограф» [3]. Имена великих кыргызстанцев - Ч. Айтматова и К. Юдахина, Г. Айтиева и А. Чуйкова, Б. Бейшеналиевой и С. Чокморова, М. Рыскулова и Т. Океева, Б. Кыдыкеевой и Б. Шамшиева, А. Джумахматова и Т. Сыдыкова и мн. др. стали частью общечеловеческой культуры. Они творили во имя своего народа, но их великие идеи на каком-то этапе жизни общества были преданы забвению.

Известно, что история - учитель современности, а забвение ее основных уроков важно для суверенного Кыргызстана, нужно возрождение памяти народа, в чем немалая заслуга исторической прозы. История нашей страны хранит бунты, смуты, революции,

войны, но ее страницы сохранили также имена философов, творцов и созидателей, радевших за лучшее будущее народа. Во времена кризисов и межэтнического противостояния люди обращались к своим духовным истокам, что помогало в нелегких поисках общего пути к процветанию. Помимо нерешенных социальных проблем, оказались без внимания и вопросы выработки общенациональной идеи, гармонического развития языков, культур народов Кыргызстана.

Заметен поворот к истории народа, литературы, многое делается по сохранению культурного наследия, возрождению исторической памяти. Историк В. Плоских считает, что многочисленные книги, труды по истории, культуре говорят о стремлении научной общественности к анализу явлений далекого прошлого. Помимо известных заметок о современной кыргызской прозе К. Асаналиева, К. Артыкбаева, К. Бобулова, М. Борбугулова, А. Садыкова, появились труды Г. А. Айтпаевой (1995), А. Э. Эркебаева (1999), Б. Т. Темировой (1999, 2000), Г. М. Мурзахмедовой (2010), У. Б. Култаевой (2011) и др., посвященных проблемам исторической прозы.

В этих работах есть анализ произведений Т. Касымбекова («Сломанный меч», «Кел Кел»), К. Акматова («Время земное», «Годы вокруг солнца», «Архат»), К. Осмоналиева («Вражда кочевников») и др. авторов. На волне былых требований соцреализма указанные книги получали противоречивую оценку. Г. Айтпаева права, что за годы суверенитета «были фундаментально поколеблены многие наши представления», эти тексты устояли во времени, обретая новое дыхание, по-прежнему вызывая интерес читателей [4].

Ученые стремятся опровергнуть попытки жонглирования историческими фактами, в угоду современности исказить события ушедших эпох. Неоднозначную оценку получают многие события прошлого: время налаживания русско-кыргызских отношений в XIX веке, трагические события 1916 года и иные годы совместного обустройства жизни. Эти проблемы нуждаются в объективном изучении. Ценным материалом изучения становятся тексты кыргызских писателей о трудных временах, которые можно эффективно использовать в целях формирования толерантности у молодого поколения.

В художественное осмысление прошлого, кыргызско-русских отношений, внесли лепту публицисты и писатели П. Семенов-Тяньшанский, Н. Каразин, Б. Тагеев, Н. Чекменев, С. Дунаев, Н. Удалов и др. Тему уркуна 1916 года оригинально воплотил в ряде книг русский прозаик Евгений Колесников («Я пришел с миром», «Лунный всадник») и писатели зарубежья [5]. Новаторски ее решили киргизские прозаики и драматурги Дж. Боконбаев («Ажал ордуна»), А. Токомбаев («Кровавые годы»), М. Элебаев («Долгий путь») и др. Каждый из них сумел найти свою точку зрения на это сложное историческое явление. Высокую оценку получила пьеса Боконбаева «Ажал ордуна» в статьях Б. Керимжановой, С. Джигитова. Немало споров вызвала книга «Кровавые годы» («Перед зарей») А. Токомбаева, позже удостоенная Государственной премии имени Токтогула, ныне вошедшая в золотой фонд национальной литературы. Эти произведения сохраняют свое значение в воспитании молодых.

Традиции этих авторов нашли развитие в современной исторической прозе. Выдающимся мастером исторической прозы проявил себя Тологон Касымбеков (1931-2011), запечатлевший в романах «Сломанный меч», «Келкел», «Баскын» и «Кыргын» героические и драматические страницы жизни киргизского народа. Прозаик нарисовал колоритные картины киргизского общества, неоднозначные фигуры периода, когда киргизы играли значительную роль в Кокандском ханстве. Перед нами как живые предстают образы Алымбека-датки, Курманджан-датки, Пулат-хана, Шерали, Исхака. Используя исторические материалы, Касымбеков убедительно показывает героизм и трагизм, обреченность народного восстания во главе с Пулат-ханом, Исхаком.

Вспоминаются колоритные картины исторических полотен А. Н. Толстого, В. Шишкова, С. Бородина, В. Яна, С. Злобина, В. Шукшина из истории русского народа. Писателей всегда привлекала проблема власти и народа. Эту традиционную тему Ч. Айтматов оригинально и масштабно решил в повести «Белое облако Чингисхана». Образом Чингисхана писатель говорит: сильные мира сего обречены, если они порывают связь с народом.

Художественно убедительным получился образ Курманджан-датки в книге Т. Касымбекова. В тяжелейшие часы для судеб кыргызского народа, в смутные дни она твердо проводит гибкую политику по отношению к России. Образ этой женщины героический и трагический [7]. Твердость предводителя народа показана при аресте в 1893 году ее сыновей Камчибека, Мамытбека и внука Арстанбека, обвиненных в убийстве русских офицеров. Огромен был авторитет Курманджан датки среди киргизов. Ей ничего не стоило спасти сына Камчибека. Очевидцы казни джигита говорили, что стоило бы только ей бросить клич народу по коням – и все кыргызы Алая оседлали бы коней. Мудрая правительница сумела убедить сына, в эти минуты быть джигитом, принять смерть, во имя спасения народа. Камчибек был казнен, а она выстояла это горе.

Т. Касымбеков, опираясь на труды, книги русских авторов А. Алексеева «Курбанджан Датха», Б. Тагеева (Рустам Бека) «Царица Алая», И. Ювачева «Курманджан датка» правдиво показал характер «алайской царицы». Царский двор за ее вклад в дело налаживания отношений двух народов, наградил ее золотыми часами с изображением государственного герба империи. На международной конференции, посвященной 200-летию ее рождения, ученые А. Какеев, В. Плоских, Т. Кененсариев, К. Боконбаев, Б. Абыгов, В. Воропаева, Т. Омурзакова делали акцент в своих выступлениях на мысли, что иные современные политики предали забвению заветы мудрой правительницы.

Писатели К. Баялинов в книгах «Трудная переправа», С. Омурбаев - «Бурные дни», К. Осмоналиев в повестях и романах «Схватка», «Печаль народная», «Вражда кочевников» о освещенных страниц истории киргизского народа, особое внимание уделяют теме раздоров, распрей в борьбе за власть и богатство. В романе «Стальное перо» Ш. Бейшеналиева (1986) есть страницы, повествующие о встрече двух великих кыргызских акынов Токтогула и Тоголока Молдо. Эти встречи проходили в трудные дни для народа, об этом печалятся два великих акына. Сильные боялись веских слов народных певцов, мудрых людей, которые становились важным средством избегания кровавых столкновений, воцарения атмосферы толерантности между народами.

Тема родовых распрей и междоусобиц затронута в исторической прозе Качкынбая Осмоналиева. В его прозе правдиво воссозданы нравы и быт кочевых киргизов, реалистически описаны тяжелая доля народа. Он объективно раскрывает причины национального бедствия. Эта тема звучала в повестях «Мечь» (1969), «Вражда кочевников» (1982), «Священная земля» (1985).

Затем писатель доработал свое произведение и издал как роман под названием «Вражда кочевников» в 1993 году. Автор создал панорамное произведение об историческом прошлом народа. Композиционно диалогия получилась стройной, имея главный стержень повествования: рассказ о причинах кровавых стычек. Если раньше в книгах легко угадывались реальные исторические лица, но они носили вымышленные имена, то в новом варианте вымышленные имена заменены действительными, ясно обозначены годы и события. Писатель усилил проблему исторической достоверности, удачно использовал смысловые возможности романного жанра для показа прошлого.

В романе «Вражда кочевников» изображены события начала XX века. Автор делает акцент на показе образа жизни, поведении и богатстве власть имущих. Писатель реалистически, психологически убедительно отображает через образы Качике, Ниязбека,

Ормона, Эралы ту повседневность прошлого века, что стала его особенностью. Основной пружиной столкновений, толчком для развития событий становится обида, чувство глубокого оскорбления.

Один из главных героев романа глава богатого рода Качике, который затаил обиду на сына Ниязбека Ормона. Тот в свою очередь нанес обиду, так как сам был обижен когда-то Качике. Прозаик весьма рельефно рисует клубок столкновений родов, групп жашылар, когда стимулом становятся личные амбиции. Завертелся круг обид и мести. Ситуация Ормона и Качике – модель того, как и с чего начинается вражда «жашылар». Все новые поколения, роды и племена втягивались во вражду. Модель нечаянной и сознательно нанесенной обиды – месть – новая обида считается двигателем сюжета в этом романе.

В повествовательном коде, во взаимоотношениях героев на разных уровнях, от дружеских и родственных до едва знакомых, везде видна эта связь. Из-за нее Ормон и Альбек, бывшие сердечные друзья, стали смертельными врагами. Через много лет Ормон мстит Качике, а его убивает Балбай. Родичи убитого преследуют убийц и их род, а те просят помощи у казахов и русских...

В романе «Вражда кочевников» все сильные мира сего в расцвете сил и лет теряют чувство реальности. Сила власти формирует в них низменные помыслы, рождает чувство вседозволенности, всемогущества. Предаются забвению понятия чести, совести, чаще они просто пренебрегают ими.

К. Осмоналиев рисует жестокие картины кровавых распрей кыргызских родов из-за ощущения вседозволенности. Вот глава рода Ормон едет в Жумгал и впервые видит Сон-Куль. Он потрясен красотой здешних мест и потрясение это рождает непредсказуемую реакцию. Ормон с сыном Уметалы проверяют точность ружей на живых людях: ведь они право имеют. Ормон или кто-либо другой здесь не плохой, жестокий или бессердечный, но право имеющий. Показ философии «жакшылар» - одна из сквозных задач книги автора. Эта книга сейчас актуальна: каждый день вершат те, кто полагают, что «имеют право».

Тема «власть и народ» писателем решается на материале колоритных эпизодов. Автор сочувствует представителям простого народа, которым приходится переносить все беды из-за ссор, обид хозяев жизни. Народ появляется тогда, когда надо улаживать обиды, ссоры, когда надо защищать «жакшылар». Писатель отмечает горький факт: для власть имущих народ как корм. Простыми людьми из народа богатые расплачиваются за свои обиды. «Так было, так и есть» - считает автор романа «Вражда кочевников» [4]. Пример двух революций в Кыргызстане красноречиво показывает эту истину.

Трудно отрицать очевидные успехи прозы и поэзии, посвященной истории Кыргызстана: отметим книги «Набег» А. Стамова, «Жестокий век» М. Абакирова, «Баскын» О. Даникеева, «Кыргын» Т. Касымбекова, «Курманджан-датка» С. Джусуева. Они стали признаком заметной активизации литературного процесса в республике. Вызвали споры, живые отклики, их читает молодое поколение. Думается, что оно и вынесет окончательный суд об этих книгах.

Наряду с видными кыргызскими писателями (Т. Сыдыкбеков, Т. Касымбеков, А. Токомбаев, К. Осмоналиев и др.) свою лепту в ее разработку внесли и русские писатели (С. Чуйков, Е. Колесников, Л. Дядюченко, А. Сорокин и др.). Произведения писателей Кыргызстана, воссоздавшие героико и драматические события прошлого, оказывают ощутимое воздействие на формирование толерантности у подрастающего поколения.

Итак, литература Кыргызстана по-своему отразила тему истории и концепцию времени, проблему нравственности, сложных взаимоотношений истории и современности. Она отобразила в разных жанрах, стилевых формах сложные социально-политические процессы, пережитые народом.

Список использованной литературы:

1. <http://knews.kg/2017/01/v-kyrgyzstane-2017-j-obyavlen-godom-nravstvennosti-vospitaniya-i-kultury> [Дата просмотра: 16.04.2017].
2. Национальная стратегия устойчивого развития КР на период 2013-2017 годы. – ИЦ «Билим» ОшГУ, 2013. -108 с.
3. Ажыбекова К.А. Курманджан датка и цивилизационные последствия вхождения Кыргызстана в Россию // Курманджан датка – выдающийся политический и общественный деятель кыргызского народа. Мат-лы МНК 25.- X- 2011г. - Бишкек, 2011, с. 167-176.
4. Айтпаева Г.А. Религиозные мотивы в кыргызском романе (60-90-е гг.). - Бишкек, 1995. – 130 с.
5. Сабирова В.К., Эрназарова Г.Б. Явления словесности кыргызского зарубежья: соотношение сфер метрополии и диаспоры. В книге: Инновационные условия развития науки и образования в межкультурном взаимодействии: комплексный подход. 2015. С. 71-74.
6. Сабирова В.К. Идеал государственного деятеля и его роль в культуре воспитания молодежи (на примере романа А.Н. Толстого «Петр Первый»). В сборнике: Вестник филиала РГСУ в г. Ош сборник научных статей. Москва, 2016. С. 109-116.
7. Сабирова В.К., Абдыкадырова С.Р., Асанова Д.А., Бисерова А.Х., Исакова Д.К., Мискичекова З.Я., Мурадымов Н.М., Оморкулов Б.К., Шадиева М.С., ОшГУ, Поэтический дар «алайской царицы» Курманджан датки. "Теория и практика современной науки" №3(21) 2017.

УДК 82 (091)

РОЛЬ И МЕСТО КОМЕДИИ У ШЕКСПИРА «СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ» В ИСКУССТВЕ
У ШЕКСПИРДИН «ЖАЙКЫ ТҮНДӨГҮ ТҮШ» КОМЕДИЯСЫНЫН ИСКУССТВОДОГУ
РОЛУ ЖАНА ОРДУ

THE ROLE AND PLACE OF COMEDY "DREAM IN SUMMER NIGHT"
IN ART BY SHAKESPEARE

Сулейманова Т.А. – старший преподаватель,
Жамашева Н.С. – старший преподаватель,
Жалал-Абадский государственный университет
г.Жалал-Абад Кыргызская Республика

Аннотация: Данная статья посвящена комедии У.Шекспира «Сон в летнюю ночь», роли и месту ее в искусстве. «Сон в летнюю ночь» – самая романтическая из всех комедий Шекспира.

В разные времена композиторы, художники, режиссеры создавали музыку, картины, спектакли, художественные и мультипликационные фильмы. Особенную популярность снискал "Свадебный марш" Феликса Мендельсона. Комедия повлияла не только на искусство, но и на науку астрономию. Именами главных героев названы астероиды и спутник.

Аннотация: Бул макал У.Шекспирдин «Жайкы түндөгү түш» комедиясынын искусстводогу ролу жана ордуна арналат. «Жайкы түндөгү түш» - Шекспирдин чыгармачылыгындагы романтикалык комедияларынын бири.

Ар убакта Шекспирдин комедиясы композиторлорду, сүрөтчүлөрдү, режиссерлорду - музыка, сүрөт (живописник чыгарма), спектакль, көркөм жана мультипликациялык фильмдерди жаратууга негиз болуп келген. Өзгөчө даңкка Феликс Мендельсондун «Той маршы» жетти. Комедия искусство гана эмес, астрономия илимине да таасирин тийгизди. Башкы кармаандардын аттары менен астероидтер жана спутник аталган.

Annotation: This article is devoted to the comedy "Dream in summer night" by Shakespeare the role and place of it in the art. "Dream in summer night"- the most romantic comedies by Shakespeare.

In different times composers, artists, stage-directors, created music, pictures, theatricals, feature and animated films. The special popularity was won by the "Wedding march" of Felix Mendelssohn. A comedy influenced not only to the art but also on science of astronomy. The names of protagonists are adopt asteroids and companion.

Ключевые слова: комедия, искусство, театр, фабула, сюжет, образ, композитор, либретто, культура, опера, балет.

Ачык сөздөр: комедия, искусство, театр, фабула, сюжет, образ, композитор, либретто, культура, опера, балет.

Key words: comedy, art, theatre, plot of a story, plot, character, composer, libretto, culture, opera, ballet.

Шедевр Шекспира комедия «Сон в летнюю ночь» воодушевлял в разные времена композиторов, художников, режиссеров на создание музыки, полотен живописи, спектаклей, художественных и мультипликационных фильмов.

«Сон в летнюю ночь» - комедия Уильяма Шекспира, написанная в период между 1594 и 1596 годами. Предположительно, пьеса «Сон в летнюю ночь» была написана

Шекспиром к свадьбе английской аристократки и покровительницы искусств Элизабет Кэри, которая вышла замуж 19 февраля 1595 года, в этот день «Сон в летнюю ночь» впервые был исполнен в театре. По другой версии, «Сон в летнюю ночь» приурочен к празднованию королевой Елизаветой Первой дня святого Иоанна (праздник, схожий с днем Ивана Купалы в русской традиции).

Впервые в литературе Шекспир наделяет фантастические существа людскими слабостями и противоречиями, создавая характеры. Он переслаивает драматические сцены комическими: афинские мастеровые, весьма похожие на английских рабочих, старательно и неумело готовят к свадьбе Тезея и Ипполиты пьесу «Пирам и Фисба», представляющую собой историю несчастной любви, рассказанную в пародийной форме.

Выбор сюжета для «свадебной» пьесы: ее внешняя фабула – недоразумения между двумя парами влюбленных, разрешаемые лишь благодаря доброй воле Оберона и волшебству, насмешка над женскими причудами (внезапная страсть Титании к Основе), - выражает крайне скептический взгляд на любовь. Однако, это «одно из самых поэтических произведений» имеет серьезный подтекст – возвеличивание искреннего чувства, имеющего под собой нравственную основу.

Тезей собирается жениться на Ипполите, также готовится свадьба Деметрия и Гермии, на которой настаивает отец Гермии. Гермия же любит Лизандра, вместе они решаются бежать и рассказывают об этом Елене, влюбленной в Деметрия, в надежде, что Елену порадует побег соперницы за сердце Деметрия. Елена же, рассчитывая на благодарность Деметрия, рассказывает ему о побеге его невесты. В итоге все четверо – Гермия, Лизандр, Елена и Деметрий – оказываются в лесу в то время, когда там царь фей и эльфов Оберон решает наказать свою супругу Титанию, которая не отдает ему своего индийского пажа. Оберон приказывает своему слуге Паку намазать глаза спящей Титании волшебным соком, после того, как она проснется, она полюбит первое живое существо, которое увидит и забудет своего индийского любимца. Волшебный сок есть в цветке, который вырос на том месте, куда попала стрела Купидона, отскочившая от целомудренной девственницы.

В лес приходят также актеры-любители, решившие сыграть пьесу «Пирам и Фисба» на свадьбе Тезея. Один из них – ткач Моток (в другом переводе – Основа) был обращен Паком в существо с ослиной головой. Ткача с ослиной головой первым видит Титания после пробуждения, и влюбляется в него.

Оберон стал свидетелем разговора Елены и Деметрия, который отвергает влюбленную девушку. Оберон приказывает Паку полить глаза спящего Деметрия волшебным соком, чтобы Деметрий полюбил Елену. Но Пак по ошибке поливает соком глаза Лизандра и он влюбляется в Елену, забывая любовь к Гермии. Исправляясь, Пак поливает глаза и Деметрия и он также влюбляется в Елену. Елена, не имевшая ни одного поклонника, теперь обретает двух и решает, что Деметрий, Лизандр и Гермия хотят над ней зло пошутить. Гермия пребывает в недоумении, почему Лизандр охладил к ней. Деметрий и Лизандр уходят сражаться за сердце Елены.

Оберон приказывает Паку снять действие волшебного сока с Лизандра, а сам исцеляет Титанию, отдавшую ему индийского мальчика. Ткачу возвращается его нормальный облик, и он вместе с товарищами играет на тройной свадьбе: Тезей женится на Ипполите, Лизандр на Гермии, а Деметрий на своей новой любви – Елене.

Шекспировские сюжеты и образы мощно воздействовали на музыку Нового времени. Этот процесс начался в XVII веке и не кончается до наших дней.

В этом временном поле кульминационным в воплощении Шекспира в музыкальном искусстве стал XIX век. Естественно, что первыми к Шекспиру обратились

многочисленные английские композиторы, но далеко не всегда их сочинения соответствовали эстетическому уровню произведений гениального драматурга.

В Англии самыми излюбленными сюжетами Шекспира в музыке стали «Буря» и «Сон в летнюю ночь».

В 1755 году Джон Кристофер Смит написал оперу «Феи» с либретто Гаррика, который использовал первые 4 акта «Сна в летнюю ночь», а в 1756 году композитор сочинил оперу «Буря». Обе оперы были созданы в стиле Генделя и поставлены в «Друри-Лейн».

В 1826 году 17-летний композитор Феликс Мендельсон написал музыку для театральной постановки «Сна в летнюю ночь». Музыка Мендельсона к «Сну в летнюю ночь» пользовалась большой популярностью в постановках XIX века, оставила свой след она и в кинематографе, будучи основной музыкальной темой в фильме 1935 года «Сон в летнюю ночь».

Особенную популярность снискал мендельсоновский «Свадебный марш» из «Сна в летнюю ночь», из гимна переменчивости любви превратившись для многих в гимн супружеской верности.

XX в. принес новые шекспировские образы в английскую музыку. В 1914 году фольклорист Сесил Джеймс Шарп (1859–1924) аранжирует музыку старых мастеров и танцы для постановки Харли Гренвила Баркера «[Сна в летнюю ночь](#)» У. Шекспира.

В 1958 году Бриттен сочинил вокальный цикл «Ноктюрн», в последнем эпизоде которого использовал 43-й сонет Шекспира. Но итоговым произведением композитора в его 20-летнем оперном творчестве и кульминацией английской музыки по Шекспиру стала опера Бенджамена Бриттена «Сон в летнюю ночь» (либретто певца Питера Пирса, премьера 11 июня 1960 года на Олдбороском фестивале в исполнении труппы «Инглиш опера груп»). После великолепной музыки Мендельсона этот сюжет композиторы обходили стороной. Бриттен не испугался соперничества с музыкой немецкого романтика, при этом он выделил в своей опере не только фантастическую линию, но вслед за Шекспиром отдал дань многоплановости сюжета и образов, глубоко раскрыв поэзию и лирику, юмор и фарс, фантастику и реальность, быт и романтику, театр и балаган, высокую поэзию и низменную прозу.

В опере «Сон в летнюю ночь» композитор воспроизвел стиль камерного музицирования Елизаветинской эпохи, инструментального и мадригального. Бриттен и П. Пирс сократили 5 актов комедии Шекспира, сделали ее трехактной, композитор в этой волшебной феерии передал дух Шекспира в создании образов. Бриттен блестяще сочетал возможности современной оперы, используя стилизацию и пародию, глубоко воплотив реальное и фантастическое в музыке оперы. Произведение отличается национальной определенностью, пронизано английской песенностью и танцевальностью, в опере композитор возрождает прерванную традицию старинной музыки гениального Пёрселла. Все средства музыкальной выразительности направлены на взаимоотношения влюбленных пар: Гермии и Лизандра, Елены и Деметрия, Титании и Основы, Пирама и Фисбы. Действие оперы происходит в лесу, в опере представлены три типа образов: лесные духи (эльфы, феи, царь Оберон, царица Титания, шут Пак); две пары влюбленных; афинские ремесленники, мастерские, чьи типажи Шекспир взял из английской жизни. Все в опере объединяется музыкой зачарованного леса. Во «Сне в летнюю ночь» мастерство Бриттена достигло совершенства, партитура по-моцартовски прозрачна и романтически красочна. Опера была поставлена в Голландии, Италии (театр «Ла Скала», 1961 г.), Германии, в Москве (спектакль Берлинской «Комише опер» в Большом театре 28 октября 1965 г. дирижер Г. Рождественский), в Нью-Йорке (в «Метрополитен-опера», 1996 г.).

Все вышеперечисленные факты говорят о существовании в культуре Великобритании целого шекспировского музыкального пласта, направления, которое особенно сильно повлияло на развитие национального мелоса в театре, на оперной сцене и в кинематографе.

«Сон в летнюю ночь» – самая романтическая из всех комедий Шекспира. Это волшебная феерия о счастье и любви, о долге и силе юношеских чувств, о верности и предательстве и об удивительной красоте летнего леса, населенного фантастическими существами, в котором и случаются чудесные и невероятные истории. Благодаря тонким, полным поэзии и чарующей прелести иллюстрациям знаменитых художников эта сказка словно оживает на страницах книги и помогает читателям перенестись в вымышленный, но такой притягательный мир героев Шекспира.

Многие художники в своем творчестве обращались к произведениям У.Шекспира. Это – Артур Рэхем, Джозеф Ноэл Патон, Альфред Фридерикс, Эдвин Лэндресс, Джон Энстр Фиджеральд, Джон Симмонс, Уильям Блейк и другие.

Комедия Шекспира — «Сон в летнюю ночь» — стала последней работой Ники Гольц.

«Книга – это маленький театр, в котором иллюстратор ставит спектакль. Он одновременно и автор, и актер, и режиссер, и осветитель, и декоратор... Нужно рисовать сцены, продумывать их последовательность, писать мизансцены, это очень увлекательно!» - говорила Ника Гольц.

И создавала книги, каждая из которых - маленький театр, маленький волшебный мир, подаренный нам этой замечательной художницей.

Иллюстрации к книге «Сон в летнюю ночь» стали прощальным подарком Ники Гольц поклонникам ее творчества. В своем последнем интервью Ника Георгиевна признавалась, что очень любила пьесы Шекспира и всегда хотела проиллюстрировать эту комедию.

«Сон в летнюю ночь» с поэтичными, тонкими, нежными иллюстрациями Ники Гольц оставляет чувство радости и обновления, как хороший спектакль – ведь эта художница умела создавать «маленький театр» книги как никто другой.

В 1912 году Уильям Хит Робинсон создал графический шедевр – многочисленные цветные и черно-белые иллюстрации к комедии У.Шекспира «Сон в летнюю ночь».

После окончания эпохи английского Ренессанса и до 1840 года «Сон в летнюю ночь» ни разу не был поставлен полностью, существовав лишь в сильно упрощенных адаптациях. В 1692 году увидело свет музыкальное переложение пьесы авторства английского композитора Генри Перселла «Королева фей».

В 1840 году английская актриса Лусия Элизабет Вестрис, первая женщина-антрепренёр и режиссёр в Англии, поставила в Ковент-Гардене относительно полную версию «Сна», добавив, однако, в пьесу значительное количество музыкальных и балетных номеров. Сама Лусия исполнила роль Оберона, чем положила начало театральной традиции (просуществовавшей семьдесят лет), согласно которой роли Оберона и Пака исполняли женщины.

В начале XX столетия публика начала высказывать недовольство излишне масштабным спектаклем. Тогда режиссёр-новатор Харли Гренвиль-Баркер предложил в 1914 году совершенно свежий взгляд на постановку пьесы: он сократил количество занятых в спектакле актёров и убрал музыку Мендельсона, заменив её народной музыкой эпохи королевы Елизаветы. Громоздкие декорации уступили место незатейливому набору узорчатых занавесов. Всё это помогло пьесе стать понятнее и доступней.

В 1970 году режиссёр Питер Брук решительно отнёс все театральные традиции «Сна» и поставил пьесу на пустой белой сцене. Он ввёл в пьесу акробатические номера на

трапециях и первым предложил использовать для ролей Тезея/Оберона и Ипполиты/Титании одних и тех же актёров, показывая, таким образом, что мир фей и эльфов — всего лишь отражение мира людей.

Из театральных исполнений роли Титании нельзя не упомянуть Вивьен Ли, она впервые вышла на подмостки в роли Титании в спектакле «Сон в летнюю ночь» 27 декабря 1937 года.

Существуют выдающиеся балеты на сюжет шекспировской пьесы, из которых наиболее популярны одноактный балет Фредерика Аштона «Сон» и двухактный – Дж. Баланчина, под названием «Сон в летнюю ночь», оба на музыку Мендельсона. Имеется ряд опер, в том числе опера Бенджамена Бриттена.

«Сон в летнюю ночь» был неоднократно экранизирован.

Фильм «Сон в летнюю ночь» 1935 года сняли режиссеры Макс Рейнхардт и Уильям Дитерли. В этом фильме замечательная сказочная атмосфера, особенно завораживает Титания, которую играет Анита Луиз. В качестве музыкального оформления использована музыка Мендельсона. Фильм завоевал две премии «Оскар» в номинациях «Лучшая операторская работа» и «Лучший монтаж».

В 1999 году Майкл Хоффман снял «Сон в летнюю ночь» по своему сценарию, в котором действие перенесено в Италию, в конец XIX века. Если в фильме 1935 года акцент сдвинут в сторону сказки, то в фильме 1999 года главное - это не сказочность, а комичность происходящего, за счет этого фильм смотрится на одном дыхании. Титанию играет Мишель Пфайффер.

В астрономии в честь героини комедии Шекспира Титании назван астероид (593) Титания, открытый в 1906 году, а также спутник Урана Титания.

В честь героини комедии Шекспира Гермии назван астероид (685) Гермия, открытый в 1909 году.

Список использованной литературы:

1. Алексеев М. П., Жирмунский В. М. История зарубежной литературы. - М., 2007.
2. Аникст А. А. Шекспир. Ремесло драматурга. - М., 1994.
3. Барг М. А. Шекспир и история. - М., 1999.
4. Шведов Ю. Ф. Эволюция шекспировской трагедии. - М., 1995.
5. Черноземова Е. Н., Луков В. А. История зарубежной литературы средних веков и эпохи Возрождения. - М.: Флинта, Наука, 2004.

СИСТЕМА РАБОТ ПО ОБОГАЩЕНИЮ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА УЧАЩИХСЯ
ОКУУЧУЛАРДЫН СӨЗ БАЙЛЫГЫН БАЙЫТУУ БОЮНЧА СИСТЕМАЛЫК ИШТЕРИ
THE SYSTEM OF WORK ON ENRICHING THE VOCABULARY OF STUDENTS

*Тойчужева В.М. – преподаватель,
Жалал-Абадский государственный университет
г. Жалал-Абад Кыргызская Республика*

Аннотация: Данная статья посвящена системе работ по обогащению словарного запаса учащихся. Умение пользоваться толковым словарем имеет большое социальное значение, ведь оно обеспечивает ученикам в школьные годы и в их дальнейшей взрослой жизни возможность пополнять свои знания о языке, преодолевать лексические затруднения при чтении книг и газет, при слушании радио- и телепередач.

Аннотация: Бул макала окуучулардын сөз байлыгын өркүндөтүү иштерине багытталган. Түшүндүрмө сөздүктөрдү колдоно билүү окуучулардын мектеп жашында жана кийинки турмушунда тил жөнүндө билимин байытат, радио жана теле программаларды угуп, гезит – китептерди окуп жатканда ар кандай лексикалык маанидеги кыйынчылыктарды чечүүгө өбөлгө болот.

Annotation: This article is devoted to the system of work on enriching the vocabulary of students. The ability to use an explanatory dictionary is of the great social importance, because it is provided pupils with the opportunity to supplement their knowledge of the language in school years and their future life, overcome lexical difficulties when reading books and newspapers, and listen to radio and television programs.

Ключевые слова: словарный запас, система работ, словники, словарная работа, семантика, коммуникабельность.

Ачык сөздөр: сөз камдыгы, иш системасы, сөздүктөр, сөздөрдүн үстүндө иштөө, семантика, коммуникабельдүүлүк.

Key words: lexicon, work system, vocabulary, dictionary work, semantics, sociability.

Необходимость в специальной работе по обогащению словарного запаса учащихся определяется следующими факторами:

1. Исключительно важной ролью слова в языке.
2. Потребностью в постоянном пополнении запаса слов. Ведь чем богаче активный словарный запас человека, тем содержательнее, доходчивее, красивее его устная и письменная речь.

Содержание работы по обогащению словарного запаса учащихся специфично. Оно представляет собой определенный список слов (словник), значение которых должно быть разъяснено детям и употреблению, которых они должны быть обучены.

Словники для словарной работы создавались исходя из разных целей. В одних случаях методисты за основу брали грамматико-орфографические трудности слов, другие - их смысловую ценность для обогащения словарного запаса учащихся. Первый подход к отбору слов составляет грамматико-орфографическое направление в словарной работе, второй - семантическое направление. Оба направления решают свои специфические задачи. Грамматико-орфографическое направление объединило следующие виды работы на словом: словарно-морфологическую, словарно-орфографическую, словарно-морфемную.

Семантическое направление объединяет следующие виды работы над словом: словарно-семантическую и словарно-стилистическую. «Последние два вида работы над словом составляют основу обогащения словарного запаса учащихся, т.е. собственно словарную работу в школе».

В настоящее время в процессе обогащения словарного запаса учащихся учителя опираются на словарь текстов учебников по русскому языку, на изучаемые литературные произведения, на словарь текстов для изложений и предположительный словарь тем сочинений.

Основу содержания обогащения словарного запаса учащихся составляют тематические (идеографические) и лексико-семантические группы слов. Это связано с тем, что «знания сохраняются в упорядоченном виде целыми тематическими группами, относящимися к различным сферам житейского опыта».

Отбор смысловых тем для обогащения словарного запаса учащихся необходимо производить с расчетом реализации целей подготовки их к жизни. Роль дидактического материала при этом не следует преувеличивать, однако, как пишет В.А. Звегинцев, «язык может оказывать и действительно оказывает воздействие на поведение человека, используя имеющиеся в его распоряжении каналы» в связи с тем, что «мышление человека преимущественно протекает в языковых формах». Через специально отобранную лексику языка учитель определенным образом воздействует на мышление и эмоции детей. Коммуникативный акт осуществляется «всегда в общественной среде» и «требует обязательного согласования с широким кругом общественных установлений и «знаний», и всегда целеориентирован».

При определении тематических групп (идеографических тем) для организации работы по обогащению словарного запаса учащихся на уроках русского языка в V - IX классах через обращение к словарям необходимо исходить из «социального заказа» общества о воспитании подрастающего поколения, обладающего «всесторонне развитыми способностями». В соответствии с этим положением первым принципом отбора тематических групп слов является социально-коммуникативный.

Межпредметный материал - богатый источник для пополнения содержания работы по обогащению словарного запаса учащихся на уроках русского языка. Отсюда выделяется межпредметно-коммуникативный принцип отбора тематических групп слов для работы по обогащению словарного запаса школьников.

«В соответствии с указанными принципами актуальными оказываются следующие тематические (идеографические) группы слов: общественно-политическая лексика, морально-этическая, спортивная, лексика гигиены и здравоохранения, искусства и культуры, военная лексика (оборона Отечества), лексика права, труда».

Каждая тематическая группа охватывает огромное число слов. Их минимизация для обогащения словарного запаса учащихся опирается на несколько принципов:

Частотный принцип (отбирается лексика, частотно употребляемая в текстах разных стилей).

Коммуникативный принцип (отбирается лексика, сопряженная с подготовкой к жизни учащихся).

Системный принцип (обязывает включать в словник лексико-семантической группы доминанты синонимического, гипонимического и деривационного (словообразовательного) рядов слов, а также антонимов, помещенных в словник).

Стилистический принцип (обеспечивает включение в словник слов, выражающих отношение к предмету и отношение к слову, т.е. эмоционально окрашенных и стилистически окрашенных слов).

Обогащение словарного запаса учащихся на уроках русского языка опирается на следующие предпосылки (условия), реализованные в учебном процессе: лингвистические (некоторая сумма знаний о языке, с которой органически связана работа над значением и употреблением слов); психологические (знания учителя о процессе усвоения детьми новых слов); дидактические (знания детей о мире, о самом себе, а также знания учителя об особенностях учебного процесса по русскому языку).

Лингвистические предпосылки – это минимум базовых для словарной работы знаний школьников о языке и соответствующих им базовых учебно-языковых умений.

К базовым относятся те знания о языке, которые помогают раскрыть слово:

- а) как единицу лексической системы языка;
- б) как элемент грамматической системы языка;
- в) как элемент стилистической дифференциации языка.

Базовые учебно-языковые умения обеспечивают формирование у школьников умения правильно употреблять слова в соответствии с их значениями и сферами употребления.

В процессе словарной работы учитель должен специально обращать внимание на базовые понятия, используя их как необходимый фон обогащения словарного запаса школьников.

Психологические предпосылки - это особое психологическое отношение говорящих (пишущих) к словам. Психологами выявлены следующие положения, имеющие важное значение для организации словарной работы: слово усваивается быстрее и прочнее, если обучение его употреблению следует без перерыва за его семантизацией, если восприятие мира и слова окрашено эмоционально, если в процессе работы над словом устанавливаются ассоциативные связи, если специально формируется внимание к незнакомым словам.

Огромную роль в работе по обогащению словарного запаса учащихся играет развитие у них интереса к овладению словом, к пополнению своего личного запаса слов. Отсутствие у детей интереса к незнакомым словам, невнимание к ним является одной из причин, препятствующей обогащению их словарного запаса.

Для формирования у школьников умения видеть незнакомые слова используется следующая методика: до выполнения основного задания учащиеся читают упражнение и называют непонятные слова (обычно это профессиональные, устаревшие, слова с переносным значением, стилистически окрашенные слова), их значение разъясняет учитель; после выполнения задания и проверки детям предлагается объяснить некоторые слова, не названные в числе непонятных, но в знании которых учащимися учитель сомневается. Значение слова уточняется в словаре.

Существенное значение имеет формирование у детей восприятия слова как особого объекта действительности - языкового средства наименования реалии. Для этого используют специальную методику, включающую следующие упражнения:

- 1) название изображаемых предметов и чтение слов, называющих эти предметы (делается вывод о том, что есть предметы - мы их видим – и есть слова для называния этих предметов - мы их слышим, читаем);
- 2) рисование по загадке предмета и подписывание под ним слова, его называющего;
- 3) запись слов, называющих предметы;
- 4) узнавание слова, пропущенного в загадке;
- 5) называние предмета разными словами;
- 6) называние одним словом разных предметов.

Дидактические предпосылки – это расширение знаний о мире и особенности организации учебного процесса.

На уроках русского языка учащиеся получают как языковые, так и неязыковые знания. Знания о языке дети приобретают в процессе его изучения, и вместе с ними они пополняют свой словарный запас, усваивая лингвистическую терминологию. Внеязыковые (экстралингвистические) знания (об окружающем мире) учащиеся на уроках русского языка черпают из словарей, частично из текстов упражнений, а также на экскурсиях в природу, в результате знакомства с произведениями искусства, участия в спорте, посещение театров, музеев, производственных объектов и т.д., где они вместе с новыми знаниями усваивают новые слова. Задача учителя - использовать слова в учебном процессе при изучении грамматики и в работе по развитию речи детей.

Превращение незнакомого звукокомплекса в слово-знак, которое производит учитель с помощью специальных методических средств, есть его семантизация. Семантизация незнакомых слов является одной из задач обогащения словарного запаса учащихся.

Семантизация слова методически выражается в разъяснении (толковании) учителем лексического значения, закрепленного в языке за тем или иным звукокомплексом. При этом необходимо обращаться к толковым словарям.

В методике преподавания русского языка были выработаны специальные методы разъяснения лексического значения отдельного слова.

Прием семантизации слова - это метод превращения незнакомого звукокомплекса в слово-знак, т.е. закрепление в сознании учащихся звучания и значения в единое целое - слово. Приемы семантизации предназначены, во-первых, для соединения в сознании ученика слова и реалии, в результате чего слово в языке ученика выполняет назывную функцию, во-вторых, раскрытия семантических множителей, составляющих смысловую структуру слова. С учетом этих двух функций приемами семантизации являются семантическое определение, структурно-семантическая мотивация, сопоставление с известным учащимся словом, наглядность, контекст.

Семантическое определение как прием семантизации - это совместная работа учителя и учащихся, направленная на подбор и составление минимально развернутого толкования лексического значения слова, включающего как родовые, так и видовые смысловые (семантические) компоненты (множители), которые отражают основные родовые признаки реалии.

Семантическое определение как прием семантизации применяется преимущественно для разъяснения лексического значения слов, не имеющих внутренней формы, а также слов, внутренняя форма которых затемнена или переосмыслена.

Структурно-семантическая мотивация как прием семантизации тоже предназначена для составления семантического определения незнакомого слова в процессе совместной работы учителя и учащихся. Она применяется при толковании лексического значения слов с четкой внутренней формой.

Сопоставление с известным учащимся словом как прием семантизации заключается в переносе лексического значения знакомого синонима или антонима на семантизируемое слово. В результате данной процедуры у ученика создается общее представление о лексическом значении нового слова, так как между синонимами и антонимами нет полного тождества.

Наглядность как прием семантизации состоит в показе реалии самого предмета (его муляжа, макета, рисунка), называемой толкуемым словом. Наглядность применяется при толковании слов с конкретным значением.

Контекст - словесное окружение (словосочетание, предложение, текст) - как прием семантизации тоже обеспечивает лишь самое общее представление о слове. Чаще

всего он выявляет родовую принадлежность реалии. Контекст способен выполнить свое назначение приема семантизации при условии, если в нем есть опорное слово.

При толковании лексических значений слов необходимо определять род явлений, к которым относится реалия, называемая данным словом, перечислять существенные видовые признаки этой реалии, отличающие ее от других сходных реалий, и, наконец, объединять все эти признаки - родовые и видовые - в одно предложение, которое и будет представлять собой толкование лексического значения слова.

Умение пользоваться толковым словарем имеет большое социальное значение. Оно обеспечивает ученикам в школьные годы и в их дальнейшей взрослой жизни возможность пополнять свои знания о языке, преодолевать лексические затруднения при чтении книг и газет, при слушании радио- и телепередач.

Формирование умения пользоваться толковым словарем опирается на следующие знания о нем: толковый словарь, назначение толкового словаря, словарная статья, грамматические и лексические пометы в ней. Понятие толковый словарь включено в программу, остальные понятия вводятся в учебный процесс через учебник.

«С лексикографическими понятиями наиболее целесообразно знакомить учащихся рассредоточено, параллельно с изучением лексикологических понятий: например, словом и его лексическим значением - толковый словарь, словарная статья; с однозначными и многозначными словами - со способом обозначения разных значений многозначного слова; с прямым и переносным значением - с пометой перен. (переносное); с омонимами - со способом обозначения омонимов; с диалектными словами - с пометой обл. (областное); с профессиональными слова - с пометой спец. (специальное) или с сокращенным названием специальности: мор. (морское) и т.д.; с устаревшими словами - с пометой устар. (устарелое); с фразеологизмом - с особым знаком \diamond ».

Для ознакомления с лексикографическими понятиями используется либо сообщение учителя, либо самостоятельный анализ соответствующего материала в учебнике.

Для закрепления полученных знаний выполняются следующие упражнения:
-анализ словарной статьи, направленный на поиск соответствующей пометы;
-нахождение в толковом словаре слов, имеющих указанные пометы;
-объяснение назначения той или иной пометы в словарной статье.

Список использованной литературы:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - М., 2009
2. Козырев В.А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб., 2000
3. Новый энциклопедический словарь. М., 2000
4. Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. Сб. ст. М., 2001
5. Тихонов А.Н., Тихонова Е.Н., Тихонов С.А. Словарь справочник по русскому языку. М., 2006

ВОПРОСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛЕКСЕМ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ
И АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ
ИНДОЕВРОПАЛЫК ЖАНА АЛТАЙ ТИЛДЕРИНИН ЛЕКСЕМАЛАРЫНЫН
ОКШОШТУГУНУН МАСЕЛЕЛЕРИ
QUESTIONS OF IDENTITY TOKENS OF INDO-EUROPEAN AND ALTAIC
LANGUAGES

Эшиев А.М. – д.филол.н., профессор ЖАГУ
кафедры межкультурной коммуникации и лингвистики,
английского языка и литературы.
E-mail: azmirs-13@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются идентичные параллели некоторых лексических единиц в индоевропейской и алтайской семьях языков. Исследуются сведения тождественности прото- и праязыков первобытных групп этносов, следовательно, об общности предков и родства между народами. Отмечаются роль и значимость межкультурных коммуникаций и лексических заимствований слов.

Аннотация: Макалада тилдердин индоевропалык жана алтай бүлөсүндөгү кээ бир лексикалык бирдиктеринин окшош параллелдери каралат. Алгачкы этникалык топтордун прото-баба тилдеринин жакындыктары, б.а. байыркы ата-бабалардын жалпылыктары жана элдердин ортосундагы тууган-туушкандыгы тууралуу маалыматтар компаративдик ыкмалар аркылуу иликтенет. Маданияттар аралык байланыштардын жана сөздөрдү лексикалык кабыл алуулардын ролу жана мааниси белгиленет.

Annotation: The article deals with identical Parallels some of the lexical units in Indo-European and Altaic language families. Explores the identity information of proto-languages and ethnic groups of primitive, therefore, about the commonality of ancestors and kinship between the peoples. Highlights the role and importance of intercultural communications and lexical borrowing words.

Ключевые слова: язык, протоязык, праязык, слово, лексема, корневые слова, основной словарный фонд, лексические заимствования.

Ачык сөздөр: тил, прототил, бабатил, сөз, лексема, уңгу сөздөр, негизги сөздүк фонду, лексикалык кабыл алуулар.

Keywords: language, protojazyk, proto-language, Word, lexeme, root words, basic vocabulary, lexical borrowing.

Отчего слова активной лексики алтайской семьи языков (эпонимы, этнонимы, топонимы) семантически и фонетически идентичны с некоторыми лексемами европейских, ближневосточных и переднеазиатских народов? Теоретически можно предполагать, что первобытный язык обслуживал какую-то первобытную антропологическую группу людей, объединенных общностью происхождения и наследственных особенностей. Так, этнолог Э.Б.Тайлор отмечает, что «при обыкновенных обстоятельствах общность языка указывает, как правило, и на общность предков. Как путеводитель в истории цивилизации язык доставляет еще лучшие свидетельства, чем в области этнологии, так как общность языка, в большинстве случаев предполагает и общность культуры. Таким образом происхождение языков индусов, греков, германцев, без сомнения, в значительной мере зависело от общности предков, но еще теснее с их общей социальной и умственной историей, с тем, что профессор Макс Мюллер удачно называет их «духовным родством». Родство языков

показывает некоторое родство и самих народов. Если бы не было родства между народами в такую далекую старину – вернее всего они говорили бы тогда на разных языках»[14, с. 21]. По мнению И.М.Оранского «отдельные языки действительно могут оказывать друг на друга очень значительное влияние. Известны случаи, когда один язык заимствует у другого очень большое количество слов. Но эти заимствования не затрагивают, как правило, основного словарного фонда языка. Основной словарный фонд, особенно составляющие его ядро корневые слова, живут в языке с древнейших времен, определяя в значительной степени устойчивость языка, его национальную специфику. Науке неизвестны (за очень редким исключением) случаи, когда один язык заимствовал бы из другого такие слова, как «мать», «брат», «голова», «рука», «нога», «два», «три», «пять», «я», «ты», «он», «мы», «рождаться», «есть», «пить», «земля», «вода», «гора» и т.д.» [11, с. 33]. Семитолог С.С.Майзель считает, что «самые различные языки имеют между собой гораздо больше общего в области семасиологии, чем самые близкие языки имеют между собой общего в области морфологии и фонетики. И чем древнее основной словарный фонд разных языков, тем больше сходства у них в области семасиологии»[7, с. 195].

Востоковед В.Я.Бутанаев в исследовании этногенеза особо подчеркивает значимость языка. По его убеждению, «язык и его словарный состав является важным и, порой, единственным живым свидетелем исторического прошлого народов, особенно бесписьменных. Он служит необходимым источником при выяснении этногенеза и историко-культурных контактов с соседними племенами, а также неразрывно связан с историческим развитием общества» [3, с. 83]. Примечательно, что язык *единственный живой свидетель* исторической памяти народа. А, по утверждению известного лингвиста Н.Я.Марра «яфетические языки, в числе их и чувашский представляет по типу переживание доисторического состояния человеческой речи, следовательно, доисторических, яфетических языков, их которых в различные эпохи и в разных странах вылупились семьи: и хамитическая, и семитическая, и индо-европейская и, как теперь мы получаем возможность утверждать, так же угро-финская и монголо-тюркская, к которым нам перебрасывает мост чувашский язык»[8, с. 15]. Примечательно то, что здесь речь идет о конкретных доисторических языках, в частности, о языках иафетовских потомков. И в тоже время, в другой раз «Марр совершенно отрицает существование какого-то пра-языка. Это говорит он библейская легенда... Пра-язык индо-европейских языков есть научная фикция»[12, с. 8]. Здесь Г.И.Пинегин комментирует работы Н.Я.Марра 30-гг. XX в. Однако ныне общеизвестно, что существует праязык индоевропейской и алтайской семьи языков (и др.), и теория прото-ностратик языка. Вообще-то, «яфетическая теория» Марра отрицала «семьи» языков по кровным связям племен и народов»[12, с. 11], которая не согласуется с современными теориями исторической лингвистики. Однако А.Будилович так не считал, по его глубокому убеждению «въ ряду источниковъ для изучения первобытныхъ эпохъ жизни народовъ одно изъ первыхъ местъ занимаетъ языкъ. Ни Тацитъ, ни саги, ни хроники не доставили Гримму такого обширного запаса точныхъ данныхъ для культурной истории древнихъ германцевъ, какъ немецкій языкъ»[2, III].

Русский лингвист начала XIX в.Н.А.Рубакин приводит любопытные сопоставительно-лингвистические примеры: «Слово «брат» – коренное русское слово. Но вот еще оказалось: Это самое слово “брат” – не только русское коренное слово, - оно же коренное слово древне-индийского (санскритского) и древне-персидского (иранского) языков. Интересно посмотреть, как разные народы переделали его на разные лады. Так, например, на ново-немецком «брат» значит «брудер», по-гречески – «фрертер», по-латински, то есть, древне-итальянски – «фратер», по-французски – «фрер», по-кельтски – «братир», по древне-немецки – «бротер», по-литовски – «бротерелис»[13, с. 20]. Однако и в современных тюркских языках есть слово “бурадор», очень созвучное с немецким и

кельтским, т.е. друг, товарищ, и, не исключено, что оно имеет дальние родственные связи со словом «брат». Автор труда задается вопросом: «Откуда такое сходство?» И, сам отвечает: «Потому что эти языки сродни один другому. Вся суть в этом родстве их, а не в случае. Но когда же это было? Очень давно, - когда люди говорили такими словами, что каждое слово было одним чистым корнем, без приставок, прибавок и перемен» [7, с. 20].

Из гипотез о времени бытования праязыка особого внимания заслуживает мнение В.М.Иллича-Свитыча о том, что «алтайская общность значительно древнее уральской, дравидийской, индоевропейской, картвельской и семито-хамитской и наиболее близка к ностратическому, т.е., исходя отсюда, пратюркское состояние необходимо соответственно рассматривать как более древнее языковое единство по сравнению с соответствующими позднейшими «ветвлениями» пяти вышеуказанных общностей» [5, с. 14]. В настоящее время из соседних языков в круг генетических родственников тюркских языков не включаются лишь китайско-тибетские и палеоазиатские языки. По мнению авторов конца XIX в. язык шумеров можно было бы отождествлять с тюркскими языками. Так, «в настоящее время мы знаем, благодаря ученым исследованиям Шейля, Бруммера Тюроданжена, Эдуарда Мейера и др., что язык шумерийцев обладает совершенно иным синтаксисом, чем у семитических народностей, и что он вообще не был похож на язык других соседних народов – он обнаруживает, вероятно, случайное сходство с синтаксисом далеко отстоящих племен, например, тюркских народностей и некоторых племен северо-восточной Африки» [10, с. 614]. Если теоретические изыскания ученых-шумерологов обоснованы, то в период расцвета месопотамского медного века (5000-4000 лет до н.э.) некоторые высокоразвитые народности алтайской семьи языков могли бы находиться в пределах Ближнего Востока и Передней Азии.

«Если мир греческой философии и греческой поэзии – это «космос», т.е. законосообразная и симметричная пространственная структура, то мир Библии – это «олам», т.е. поток временного свершения, несущий в себе все вещи, или мир как история» [1, с. 41-42]. «Однако анализ всех 450 упоминаний слова олам показывает, что оно имело значения «сокрытое», «завершенное», «загорожденное», «заграждающее» и др. и содержало смысловой оттенок «граница», «ограниченность», употреблялось для выражения наибольшей пространственной и временной протяженности. Отнюдь не исключено, что первоначально олам явился пространственным понятием, не имевшем ничего общего со временем» [4, с. 58]. В древнееврейском языке «*gadam* – «то, что впереди», и «прошлое», а «*aharit*» - «задняя сторона», и «будущее» [9, с. 53]. Здесь, как нам представляется, библейский олам, древнееврейские лексемы «*gadam*», «*aharit*» по семантике и фонологическим характеристикам очень напоминают тюркские олам (алам, аалам), кадам, акырет. Или, «греч.*olkos* «совокупность домов; родина», используемое в этом значении в «Илиаде» [6, с. 19], где греч. *olkos* можно было бы идентифицировать с тюрк. ~ олко (өлкө, улка) «страна». И, таких фонетико-семантических параллелей предостаточно, «так, загадочная форма хетт. *ais'rot*», при лат. *as*, др.-инд. *as* несколько проясняется при сопоставлении с тюрк. *aguz*» [15, с. 178]. Или, «в Центральной Америке упоминается о птице Вок, посланнице Гуракана (имя которого перешло в европейские языки как ураган), бога бури, грома и молнии» [14, с. 174], «слова «гамак», «ураган» – индейские слова с острова Гаити» [13, с. 18], известно, что и в тюркских языках имеются аналогичные лексемы «буран», «борон», «бороон», или «буркан-шаркан» (буря, пурга, ураган) (в персидско-таджикских языках: «буран», «борон»).

Итак, что могло быть, в истоке аналогичности и идентичности некоторых лексем в разнородных языках? На этот счет имеются разные мнения и суждения. Так, все-таки, когда появились доисторические *lingua populos* владевшие не только членораздельными, но связными концептуальными речами связанными с глоттогеническими процессами? “В

частности Марр совершенно отрицает существование какого-то пра-языка. Это говорит он библейская легенда... Пра-язык индо-европейских языков есть научная фикция” [12, с. 8]. Здесь, Г.И.Пинегин комментирует работы Н.Я.Марра 30-гг. XX в. Однако уже общеизвестно, что существуют, праязык не только индо-европейских языков, но и алтайской семьи языков, и прото-ностратик язык древности. Вообще-то, “яфетическая теория” Марра отрицала “семьи” языков по кровным связям племен и народов” [12, с. 11], которая не согласуется с современными теориями исторической лингвистики. Однако А.Будилович так не считал, по его глубокому убеждению “въ ряду источниковъ для изучения первобытныхъ эпохъ жизни народовъ одно изъ первыхъ местъ занимаетъ языкъ. Ни Тацитъ, ни саги, ни хроники не доставили Гримму такого обширнаго запаса точныхъ данныхъ для культурной истории древнихъ германцевъ, какъ немецкій языкъ” [2, С. III]. А, по мнению авторов вековой давности язык шумеров можно было бы отождествлять с тюркскими языками. Так, “в настоящее время мы знаемъ, благодаря ученымъ изслѣдованіямъ Шейля, Бруммера Туро-Данжена, Эдуарда Мейера и др., что языкъ шумерійцевъ обладаетъ совершенно инымъ синтаксисомъ, чѣмъ у семитическихъ народностей, и что онъ вообще не былъ похожъ на языкъ другихъ соседнихъ народовъ – онъ обнаруживаетъ, вероятно, случайное сходство съ синтаксисомъ далеко отстающихъ племенъ, напримеръ, тюркскихъ народностей и некоторыхъ племенъ северо-восточной Африки” [10, с. 614].

Если теоретические изыскания вышеназванных ученых-шумерологов обоснованны, то в период расцвета месопотамского медного века (5000-4000 лет до н.э.) некоторые высокоразвитые народности алтайской семьи языков могли бы находиться в пределах Ближнего Востока и Передней Азии. Или, у обычного русского слова ‘героя’, оказывается, имеется своеобразная история происхождения. Например, Н.Я.Марром уже давно было разъяснено, что грузинский термин «гимир» - «герой» - связан с племенным названием киммерийцев, так же как и армянское слово «հսկա» - великан – с именем скифов-саков. Как и родственные племена Индии, древние иранцы, включая мидян и персов, называли себя «ариями». От этого слова происходит само название «Иран», ранее Эран, от древнеиранского Аряна – «(страна и царство) ариев» Возникает вопрос, нет ли в этнопониме Арян-Эран-Иран слово, т.е. эпоним *Эр(Герой)*? Или, «примечателен переход $g > I(i)$, отраженный в самоназваниях скифских племен. Ср. агуа, *aryana- ‘ариец’, ‘арийский’ (arii - название одного из скифо-сарматских племен, ‘Ariantaz - имя скифского царя) и alani, ‘Alanoi ‘аланы’ (название скифо-сарматского племени...). Несмотря на ограниченность скифского языкового материала, перечень таких фонетических сдвигов, свидетельствующих о тенденциях к отходу от древнеиранского языкового состояния, может быть продолжен» [11, с. 142]. Возможно, на этом ограниченном скифском материале могли быть исключительно этно-эпоформанты древнейших скифских этносов.

Вообще-то, по сведениям ученых-этнологов [например, в кн.: Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1989], у большинства этносов Евразийского континента, Африки, Юго-Восточной Азии, Австралии, Океании и Америки имеются многочисленные различные (и идентичные) версии о возникновении первых языков. По летописным исчислениям от Адама же и до потопа летъ 2242, а от потопа до разделенья языкъ летъ 529. И, что примечательно, точно такая же статистика у другого средневекового труда, что отъ Адама до потопа – 2242 года и 10 родовъ. Кстати, герои эпоса «Манас» богатырь эр Ажыбай, юнкер Айдар могли изъясняться на 70 языках. Случайны ли такие историко-литературные и фольклорные совпадения? Почему именно на семидесяти языках?

Вероятнее всего, древние этносы и языки могли бы иметь, и общее генетическое начало, и деятельные межкультурные коммуникации, и динамичный процесс лексических заимствований.

Список использованной литературы:

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
2. Будиловичь А. Первобытные славяне в их языке, быте и понятияхъ по данным лексикольнымъ. Часть I. Кіевъ, 1878.
3. Бутанаев В.Я. Особенности хакасского языка и история его формирования // Алтаистика және түркология. 2011, №4 (4).
4. Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М.: Наука, 1986.
5. Кажибеков Е.З. Проблемы реконструкции тюркского праязыка: пропедевтический курс // Советская тюркология, 1987, №4.
6. Леман В.Ф. Индоевропеистика сегодня // Вопросы языкознания, 1987, №2.
7. Майзель С.С. Пути развития корневого фонда семитских языков. М.: Наука, 1983.
8. Марр Н.Я. Чуваши-яфетиды на Волге. Чебоксары, 1926.
9. Мурьянов М.Ф. Время (понятие и слово) // Вопросы языкознания, 1978, №2.
10. Обермайеръ Г. Доисторический человек. СПб., 1913.
11. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М.: Изд. Восточной литературы, 1960.
12. Пинегин Г.И. Яфетическая теория академика Н.Я.Марра. Ташкент: Узгиз, 1932.
13. Рубакин Н.А. Как и когда разные народы научились говорить каждый на своем языке. М., 1918.
14. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Изд. полит.лит. 1989.
15. Этимология. 1985. М.: "Наука", 1988.